

Начало века

2023

№ 3

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2023/3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: skar50@yandex.ru

На обложке:

Эльвира Завьялова. Радостная пере-
дача. 1976. Холст, масло (Из фондов
Томского областного художественно-
го музея).

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.
Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Андрей ПОПОВ.....2

ПРОЗА

Галина КЛИМОВСКАЯ

Уроки Колхиды 8

ПОЭЗИЯ

Ирина ЧУДНОВА.....21

Никита ЗОНОВ 25

Максим ЧЕРНЯЕВ.....30

ПРОЗА

Сергей КУКЛИН

Попутного ветра..... 34

Сергей БАРАНОВ

Отрок 51

ПОЭЗИЯ

Владимир МИСЮК 58

Дмитрий ФИЛИППЕНКО 65

Ольга КОРТУСОВА 68

ПРОЗА

Леонид ШЕЛУДЬКО

Нелюбимый 73

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Владимир КРЮКОВ.....87

БЫЛОЕ

Эльвира ЗАВЬЯЛОВА

Поездка по Енисею 105

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валентина ШИНКАРЕНКО

Первопроходцы 116

Краеведы поселка Самусь 128

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Рассказы Ксении Гутовой..... 132

Первая капель 139

ЧТО СМЕШНОГО?

Субботние тавтограммы 149

Алексей НАЗАРОВ

Пародии 154

АВТОРЫ НОМЕРА 156

Андрей ПОПОВ**ВРЕМЯ ТАЕТ, КАК СНЕГ В НОЯБРЕ**

***

Хватит спать. Вновь душа смущена,
Что никак не очнётся от сна.
И откуда такая усталость?!
Что за нравы, что за времена!
Началась на рассвете война.
Только кажется, что не кончалась.
Под глазами сомненья круги.
Что-то рано проснулись враги –
Канонада войны зазвучала.
Хватит музыки всем и свинца.
Зря ты верил в начало конца.
Нет конца. Снова будет начало.
Надо встать. И принять времена.
Снова небо, не знавшее сна,
В назидание знаки нам чертит –
На рассвете мосты сожжены,
Мир не может прожить без войны,
Как нельзя жить, не помня о смерти.

***

*Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как
творог, сгустил меня.*

Иов. 10, 10

Ты, как молоко, меня вылил,
Сгустил меня, как творог,
Чтоб вырос я в творческой силе
И мысли Твоей помог.
И как бы меня ни любили,
В Тобой предрешённый срок
Останусь лишь прахом пыли
По краю Твоих дорог.
Смотрел на меня с иконок
Хранил от сует и бед.
И верю Тебе, как ребёнок –
Зазорного в этом нет,
Что свет мой, как лезвие, тонок
По краю Твоих планет.

***

Моя судьба, как черепаха,
Ползёт, чтоб помнил каждый день:
Смерть ближе к телу, чем рубаха,
Какую только ни надень,
И там, за жизненным пределом,
Там, за Медведицей Большой
Рубаха не согреет тело,
А смерть, как холод, за душой.
Ползёт судьба, чтоб там – за Вегой –
Хлебнуть из звёздного ковша
И пить любовь свою со снегом
В рубахе чистой, как душа.

***

Всё повторяется – с ними и с нами:
Дышит душа, умирает листва,
Смотрит во время бездонное память
И разбирает черты и слова.
Всё ещё просто: душа ещё дышит,
Не исчезает в осеннем году.
Видимо, грусть предназначена свыше –
Может, написано нам на роду.
Может, погода, как время, бездонна,
Смотрит душа в неё, грустью жива,
Грустью светла,
Хоть тревожится, словно
Поздняя осень, ночная листва.

***

Птицы знают много о войне...

Наталья Зонова

Птицы знают больше о войне,
Чем в боях бывалая пехота,
Чем о ней понятно старшине,
Целям миномётного расчёта.
Разве можно разглядеть в окне –
В узкой щели дзота или дота,
То, что ясно только в вышине,
С точки зренья птичьего полёта?
Птицы видят пули и слова,
Как от залпа дальнобойных пушек

Не одна слетает голова,
Как растёт могильная трава,
Как рыдает юная вдова,
Как идут по сводам неба души.

***

Ты книгу уронишь – вздохнёт кровать,
И зашелестят страницы.
Решишь, что пора тебе умирать,
Захочешь со мной проститься.
Попросишь сказать, что выходит срок,
Что все слова отшумели,
Что ты лежишь и глядишь в потолок,
Что ждёшь меня две недели,
Что будешь глядеть в потолок и впредь,
Пока вдруг ангел не встретит.
И я поспешу, чтоб к тебе успеть –
На этом увидеть свете.
А если вдруг не успею – в пути
Задержит беда седьмая,
Увидимся в будущем. Ты прости.
И я тебе всё прощаю.

***

Зачем нам это?
Вновь точь-в-точь –
Терять, пускай на время, разум,
И разбивать сердца, как вазу,
Смотреть на облачную ночь.
И, как в наивные года,
Забуть или почти не помнить,
Что верили – так навсегда:
Одни мы в полусвете комнат,
И облачная ночь длинна,
И наши недомолвки лечит,
И привкус сладкого вина
В беспечной и счастливой речи.

ОДИНОКАЯ ДЕВЧОНКА

Снег ноябрьский лёг покровом
На промёрзший дол окрест,
Только виден куст терновый,
Что чернеет, словно крест.

Только куст стоит солдатом,
Охраняет первый снег...
Кто на свете неженатый,
Тот счастливый человек.
А я, бедная, частушки
Распеваю, смущена:
«Замуж вышли все подружки,
Только я опять одна».

***

Как стало бело во дворе!
Да только погода сырая –
И выпавший снег в ноябре,
Как в вечности время, растает.
Растает! Такая пора.
Опять потемнеют пейзажи...
Снег выпадет завтра с утра
И снова торжественно ляжет.
Вернётся! И ждут холода.
Меняются люди и небо...
Но мы, как умрём, никогда
Сюда не вернёмся.
Хоть снегом.

***

*Медленно пью вино я,
А заливаю платье.*

Ду Фу

Скелет в шкафу и лыко не в строфу –
Не по сердцу такая обстановка.
И ясным днём прочту стихи Ду Фу,
С китайской лирой трезвым быть неловко.
Привет, Ду Фу! С тобой на облака
Смотрю и на небесные дороги,
Ревную, чтобы лодка рыбака
Не утонула в мировой тревоге.
Мне о смиренье говорил монах,
Что пьянка – невесёлое занятие.
И я трезвею в мыслях, чтоб в стихах
Пролить вино любви на жизни платье.
И строф моих увижу темноту
В шкафу с непьющим много лет скелетом.
Налью вина. Стихи Ду Фу прочту –
Бездарно трезвым быть с таким поэтом.

***

Всё хорошо. И сны с любовью.
И сны с любовью про семью.
И снова выпью за здоровье,
Я за здоровье часто пью.
Во мне, как брага, бродит юмор,
И опьяняет речь мою.
И я от скромности не умер,
Поскольку за здоровье пью.
А вы, уставшие от дела,
От трезвых смет и от врачей,
Пойдёмте в парк, где будем белок
Ловить. Но не поймаем их.
Пусть скачут. Лучше так, поверьте.
И после можно по сто грамм,
Чтобы хватило на бессмертье,
Здоровья бы хватило нам.

ОКРЕСТНОСТЬ

Не растёт под окнами лотос,
Не колеблет ветер бамбук.
И дорога идёт на Котлас,
Если будешь смотреть на юг.
Никакой изысканной флоры,
И на севере взгляд привык
Видеть узкий путь до Печоры,
Небо низкое, борщевик.
Красоту тайги в непогоду
Снег скрывает часто и дождь.
Про тюрьму опять и свободу
По дороге домой вздохнёшь.

***

То зимой – дождь внезапный, то летом – снег.
Произвол полуправды и мелодрам.
И поэтому строю для нас ковчег,
Чтоб спастись можно было однажды нам,
Чтобы выплыть по смутным, как дни, волнам
К берегам надежды в постпотопный век
Хоть на Ноя всегда находится хам,
Часто даже самый родной человек.

Верю, это не ты. Только ты верна.
Дождь польёт зимой, летом выпадет град.
И река войдёт в город. Сгорит закат.
Небо вздрогнет. Коснётся судьбы война.
И сожмётся время в беду, словно в ком.
«Есть у нас спасенье, – скажу я. – Идём!»

***

Я научусь находить для созерцания час,
Я научусь созерцать блики речной воды.
И наблюдать, как день совсем незаметно погас,
Как незаметно мысль коснулась Полярной звезды.
И перестану спешить. Искать суете слова.
И буду смотреть, как мысль становится вдруг светла,
Как незаметно жизнь плывёт по реке, как листва,
Не думая, что проходит. Или уже прошла.

Галина КЛИМОВСКАЯ

УРОКИ КОЛХИДЫ

ПОВЕСТЬ

Как же давно всё это было! Где-то в середине шестидесятых годов приснопамятного двадцатого века!.. И тем не менее целый ряд побуждений как будто бы даже обязывают меня рассказать о том, что со мной приключилось в один из этих шестидесятых годов в удивительном (удивительнейшем!) месте на территории нашей тогдашней большой страны – Советского Союза. Конкретно – в одной из его шестнадцати (или только пятнадцати? – забылось уже) братских республик – Абхазии. А ещё конкретнее – на знаменитом в то время курорте Цхалтубо.

В глубокой – ещё античной – древности это место называлось Колхидой и стало широко известно миру тем, что именно здесь за какие-то свои, как сказали бы сегодня, противоправные деяния был прикован к скале Прометей, и именно сюда прилетал орёл и клевал ему печень. Ужас!..

Но в описываемое здесь время античный ужас уже развеялся, это место давно уже называлось Цхалтубо и было просто радоновым курортом, но высокой – высочайшей! – востребованности.

Бог его знает, откуда эта цхалтубская радоновая вода вызнала секреты многих заболеваний человека и успешно справлялась с ними путём простого погружения больного на несколько минут в радоновую ванну. Не требовалось не только досконального предварительного обследования человека, но даже простого его омовения перед погружением в ванну или бассейн, так как в первые же минуты в этой воде гибли все микроорганизмы – и вредные, и безвредные. И вся технологическая база курорта состояла из цепочки либо индивидуальных ванн, либо общих бассейнов. Лично моё лечение здесь состояло из ежедневных погружений в общий бассейн – человек на пятьдесят. Женщин: гендерное различие между больными всё-таки учитывалось и соблюдалось.

Однако наряду с высокой востребованностью курорт Цхалтубо отличался и очень малой доступностью для простых граждан нашей тогдашней страны (к которым я всю жизнь отношусь безусловно). Желающих окунуться в целебные радоновые бассейны было в десятки раз больше их – бассейнов – возможностей, так что на каждую точку курортной карты страны отводилось строго ограниченное число путёвок. Бывало, люди годами ждали своей очереди... Но иногда в этой строго рассчитанной системе вдруг случались сбои – и возникал совершенно удивительный феномен: горящие путёвки. Это значило, что путёвка – вот она, а имеющих нужные медицинские показания и одновременно достаточные общественные заслуги на данный момент нет. Вот тогда путёвка начинала «гореть», и внимание распределителей путёвок спускалось строчкой ниже, где значились менее достойные. Вот в одной из этих нижних строчек в тот раз оказалась я.

Медицинским же основанием для получения мной той горячей путёвки послужила долгая, ещё студенческая память моего организма на простуды, случавшиеся во время наших ежегодных осенних (со второго по тридцать первое сентября) «отработок» на колхозных полях. Приходилось копать картошку, свёклу, морковь, даже турнепс. Однажды случилось вязать в пыльные снопы предварительно скошенный лён... А сентябрь в нашей юго-западной Сибири не самый жаркий месяц. Нет, вообще-то Сибирь, юго-западный регион нашей страны, – один из лучших: величайшая река мира Обь и её приток Томь, хвойные леса, уголь, нефть... Но во второй половине сентября тут бывает конкретно холодно. А одеты-то мы были на колхозных полях в лёгкое спортивное трико и кеды тогдашнего образца, ну то есть просто тряпочные. Вот и аукнулось мне всё это с годами.

Но как бы то ни было, а вот она у меня в руках – горячая путёвка в Цхалтубо. Казалось бы, собирай вещички – и в путь. Но уже и на этом пути судьба как бы в лишний раз решила проверить, так ли уж я достойна исцеляющих радоновых вод. Прямого авиарейса «Томск – Цхалтубо» в то время не было – да и сейчас нет. Лететь мне предстояло сперва до Москвы, а потом уже до Кутаиси – это рядом с Цхалтубо.

Ну, до Москвы я долетела без приключений, а вот на воздушном пути от Москвы до Кутаиси приключение случилось: едва не состоявшееся крушение нашего маленького, какого-то несерьёзного самолётика. И дело было так. Самолётик был полон только наполовину, и я, в соответствии со своими пристрастиями, заняла место у иллюминатора, но это место оказалось только в предпоследнем ряду, так что, проходя к нему, я заметила, что на креслах последнего ряда лежали только чем-то набитые сумки, пассажиров не было.

Ну, ладно. Полёт происходил в первой, светлой половине суток, так что я у иллюминатора вдоволь насмотрелась на залитые солнечным светом облака – больше ничего не было видно. Но вдруг не стало видно и облаков, а к самолёту иллюминатору подступила абсолютная темнота, даже чернота, так что в салоне включили свет. И в тот же миг в салон вошла бортпроводница и начала громко кричать на кого-то позади меня. Я удивилась: на кого это она кричит – ведь позади меня только сумки...

Минуты через три (очень долгие!) за иллюминатором вновь посветлело, облака вновь окружили наш самолёт. И скоро он осуществил посадку в крошечном аэропорту Кутаиси. По выходе из него я прежде всего обратила внимание на большие плоские кепки немногочисленных встречающих моих немногочисленных попугачиков. Потом удивилась: что же это они, не успели встретиться, громко кричат, руками размахивают? Когда успели поссориться?.. Это только позже я поняла: такая здесь манера обычных разговоров. И только в-третьих я из немногих прозвучавших по-русски фраз поняла: оказывается, при подлёте к Кутаиси наш самолётик попал в турбулентные потоки воздуха и несколько минут летел крыльями под прямым углом по отношению к поверхности земли (Земли!). Вот та удивившая меня внезапная чернота за иллюминатором была опасной, ближайшей к нам горой, которых тут очень много: Кавказ! Оказывается, здесь такое случается и не всегда оканчивается благополучно... Так вот почему наша бортпроводница кричала на сумки в по-

следнем ряду салона: отвлекала наше внимание от возможной беды!.. Но на этот раз обошлось – и все встречающие встретили своих прилетевших.

Не успела я растеряться во всём увиденном и услышанном, как оказалось, что и меня тут встречали: высланный для этого сотрудник курорта вычислил меня среди прилетевших и встречавших (мужчин в больших кепках), усадил в маленький автобусик – и через несколько минут я наконец в Цхалтубо...

Передо мной открылась уходящая вдаль цепочка небольших, но настоящих белокаменных дворцов – лечебных корпусов, вытянувшихся по склону одной из двух противостоящих друг другу гор, но на досягаемой для пешего – по белокаменной лестнице – спуску на дно образуемой горами долины. А по её дну протекала радоновая речка, невидимая из-за множества бассейнов, куда и поступала её чудодейственная вода.

Белокаменные дворцы – лечебные корпуса – изнутри были очень комфортабельные, и я задавалась вопросом: это в какие же времена, сплошь роковые для нашей страны, и для кого были они возведены? Но вот, оказывается, и для нас...

Даже погодные условия здесь были приспособлены для полноценного нашего лечения и отдыха. С утра, пока мы бегали по врачевным кабинетам и радоновым бассейнам (с заходом на местный фруктовый рынок, где в тот раз черешня была почти что даром), стояла ясная, обильно солнечная погода. Потом, после обеда, во время обязательного здесь тихого часа, когда нельзя было покидать корпус, на долину обрушивался летний дождевой шквал, по времени точно совпадавший с началом и окончанием тихого часа. И снова до самого заката сияло щедрое кавказское солнце. И мы, отдыхающие, всю вторую половину дня предавались внелечебным радостям жизни: прогулки, знакомства с новыми попутчиками жизни, а с наступления скорого тут вечера – танцы... О танцах чуть позднее...

В первые дни моё ближайшее здесь окружение составляли две соседки по палате и медсёстры в бассейнах. Одна палатная соседка, дама лет пятидесяти, только по тому и запомнилась, что, будучи костюмершей краснодарского телевидения, ежеутренне применяла свои профессиональные умения для сооружения роскошных – как бы даже античных – причёсок третьей нашей соседке – красавице Зайнаб. Зайнаб, год в год моя ровесница, тоже была преподавателем русского языка, но в своей сельской узбекской школе, что освобождало её от различия трёх родов (мужского, женского и среднего) русских слов в пользу одного мужского. Про себя она говорила: «я пошёл», «я сказал». И даже: «Надену свой узбекский платё». Кстати сказать, узбекское платё – это вроде бы мешок длиной до самых щиколоток, но сшитый из чудесного, ярчайшего полосатого шёлка.

Но главное различие между мной и моей новой подругой (а мы сразу же подружались) проходило не по национальному, совсем по другому признаку: у меня была (к нашим с ней тридцати трём годам) одна дочь, а у Зайнаб – пятеро детей обоих полов...

Однако здесь, на курорте, это различие не было очевидно, и Екатерина Ивановна Чачабая, главный врач нашего корпуса № 1, прописала нам, одинаково «худющим» и замученным нашими учебными трудами (мои протекали в Том-

ском университете), одинаковое лечение. Так что мы с Зайнаб проводили весь курортный день вместе до вечера: ели за одним столом, спали в одной палате, «принимали процедуры» в одном бассейне... на пятьдесят человек.

Более подробно о нашем лечении. Каждый понедельник мы получали у медсестры Сони расписания на неделю, которые в абхазской орфографии Сони выглядели так: «Понедельник – 1 вани (то есть «ванна»), вторник – 2 вани, среда – 1 вани...». Здесь гуляли проходные шутки: «Ну, как тебе сегодняшний Ваня?», «Ну, сколько у тебя сегодня Вань? Выдержишь?».

И уже сами отдыхающие по своей инициативе в дополнение к «Ваням» избрели ещё один вид местной терапии – «кустотерапию». В основе её лежали густые заросли кустарника на горе, двумя ярусами выше нашего корпуса, в которых ежевечерне протекали отнюдь не санкционированные Екатериной Ивановной романтические свидания отдыхающих. Рассказывали, что однажды энтузиасты этого вида лечения спросили одного незадачливого мужичка, только что приехавшего и ещё не осмотревшегося: «А тебе что – кустотерапию не назначили? Одни ванны? Зажилили – для своих экономят... Иди к врачу, требуй...». И он пошёл... А характер у Екатерины Ивановны, при всей её удивительной доброте к нам, её пациентам со всех волостей Советского Союза, был крутой, а голос громкий. Ох, рассказывали, как она кричала в тот раз (в адрес шутников, не этого мужичка): слышно было не только на первом этаже, где располагался её кабинет, но и во всём корпусе...

Вот теперь о наших танцах в Цхалтубо. Этот вопрос требует углубления в историю. В моём школьном детстве, пришедшемся на первые послевоенные годы, мы, как это ни странно, на наших школьных вечерах танцевали много и очень разнообразно. Вот наш тогдашний танцевальный репертуар: классический (он же венский) вальс и его более поздний британский вариант – вальс-бостон; британские же тустеп и фокстрот («лисий шаг»), французские падекатр и падепатинер, испанские падеспань и танго, польские полька, краковяк и мазурка. Не верите? Да мне и самой уже не очень во всё это верится, но по первому же вашему требованию я могу показать все па этих танцев и напеть их мелодии. Чудесного «Вальса цветов» композитора Киянова или вальса-бостона – из кинофильма «Мост Ватерлоо»: «Но вальса звук и сердца стук приведут меня к тебе...».

В несколько укороченном варианте мы танцевали всё это на студенческих вечерах, а в совсем уже минимизированном (вальс, танго, фокстрот) на всех курортах страны.

Музыкальным оснащением танцев здесь, в Цхалтубо, ведал некий Абрам Кахава. Вот и дошла до него очередь в этом повествовании. Он имел прямое отношение к Екатерине Ивановне. Из разговоров всё всегда знающих людей мы узнали вот что. В последние предвоенные года абхазская семья Абрама была выслана куда-то в Казахстан, а Абрам, тогда шестилетний шустрый мальчишка, как-то увернулся от ловцов, но на все военные годы стал беспризорником. И только уже после войны его, изголодавшегося и одичавшего бродяжку, подобрала и пригрела Екатерина Ивановна Чачабая, в то время медсестра военного госпиталя. Под её опекой Абрам вырос здоровым и крепким, окончил школу и прошёл ценнейшую практическую выучку у вернувшегося с фронта

без правой (!) руки мастера электро – и радиодела грузина дяди Миши – и стал тем, кем предстал перед нами: киномехаником сразу на нескольких курортах и хозяином огромной фонотеки. Вот перлами танцевальной музыки из этой сокровищницы он и одаривал нас по вечерам.

А однажды произошло вот что. В нарушение устоявшегося здесь метеорологического расписания вдруг как-то вечером, в самое танцевальное время, начался дождь – крупный, шумный. И танцы были перенесены в обнаруживший себя маленький зальчик на первом этаже. Но это было уже совсем другое дело: здесь, на свету, ответственность танцующих и по отношению к партнёрам, и в плане зрительского впечатления от твоего танца существенно возрасла. Поэтому обычных массовых танцев не получилось, потенциальные партнёры, что называется, жались к стенкам. И Абрам изменил тактику: поставил вальс-бостон (именно из «Моста Ватерлоо») и пригласил... меня. Почему меня? Да потому что из всей нашей смены курорта № 1 только мы с Зайнаб были существенно моложе других дам. Но ведь не Зайнаб же с её античной причёской и в «узбекском платье» приглашать на вальс-бостон! В тот раз всё сошлось на мне...

Господи, думаю я сегодня, да я ли тогда, тем дождливым цхалтубским вечером, танцевала вальс-бостон с Абрамом? Более непохожих друг на друга партнёров трудно было представить: колоритно-кавказский Абрам и по-средне-русски «беленькая» я! Но – у нас получилось! Абрам был сильный и опытный танцор, в его руках я как бы даже слегка подлетала на крутых виражах этого танца... Сколько потом немудрящих комплиментов выслушала я от свидетель этого экзотического действия!

После этого показательного выступления у нас с Абрамом случилось несколько разговоров о жизни вообще. В частности, выяснилось, что кроме приличного знания русского языка Абрам владеет (помимо родного абхазского) грузинским, армянским, а также английским и немецким – правда, только в сугубо разговорно-туристическом объёме. Но и то!.. Я, за неимением в общем-то других тем для наших разговоров, стала спрашивать его, почему же он, при таких лингвистических способностях, не учился после школы? Абраму нечего было сказать по этому поводу: он как-то даже отошёл в сторону, стал глядеть в небо...

И настойчивая я завела разговор на эту тему с Екатериной Ивановной – и тоже напрасно. Она тоже ничего не ответила, а, пользуясь тем, что мы с ней в кабинете были одни, подошла к окну, закурила... И просила меня больше не заговаривать с Абрамом на эту тему, «не травить ему душу»... У Абрама, «осколка» репрессированной семьи, не было даже настоящих документов, всё как-то держалось на авторитете Екатерины Ивановны и солидарном молчании всех других... «И вообще у нас здесь не Россия...» – сказала в заключение Екатерина Ивановна. С этого времени она стала относиться ко мне как-то... Ну, в общем даже лучше, чем до этого. А я в своём внутреннем «отделе кадров» перевела её в немногочисленный разряд дорогих старших товарищей...

Но в общем-то тот дождливый вечер с его вальс-бостоном был исключен во всех отношениях. А с первого же моего появления на обычных танцах в аллее у меня обозначились два постоянных кавалера... Так и хочется восполь-

зоваться чересчур частой приговоркой одной моей знакомой: «И что характерно...». Да, и что характерно, оба эти кавалера были Иваны. И оба с первого танца начали углублённо знакомиться со мной: кто такая, откуда, замужем ли – по стандартной курортной программе. Первый Иван по ходу первого же вальса сообщил, что он белорус по фамилии Рысь, а по профессии техник механического (это было подчёркнуто) доения. Кроме того, три породистые коровы находятся в его собственности... Стало ясно, что в Цхалтубо Иван Рысь приехал не только лечиться и танцевать, но и найти тут жену. «У нас в Сумищах есть то, и то» – нахваливал он свою малую родину. Мне было жаль наивного Ивана Рыся... Хотя кто его знает... Кого-то это могло впечатлить – просто не повезло ему в этот раз. Второй Иван начал с того же: по фамилии он Гелевер («Мы из украинских немцев»), по профессии техник-электрик, старший мастер цеха на алюминиевом комбинате... Моё внимание зацепилось за слово «алюминиевый». «Вы из Новокузнецка?» – наугад спросила я – и угадала. Дело в том, что на строительстве этого самого алюминиевого комбината, начатом в первый год войны, с самого начала его (строительства) и до самой своей пенсии, работала моя мама. Вообще-то по профессии она была преподаватель физики и математики, и была-то она маленькой худенькой женщиной тридцати восьми лет, и мы были у неё – дети восьми и четырёх лет. Но началась война. Маму, с учётом не только её профессии, но и зоркого ума и твёрдого характера, попросили – и она согласилась. И всю эту войну и много ещё лет по её окончании мы – я, мой брат и наш отец – видели её мельком ранним утром и затем только с семи вечера. Помимо преподавания физики и математики в круг её обязанностей входили организация учебного процесса в огромном (на пять тысяч человек) учебном комбинате и устройство быта этих пяти тысяч человек-стройбатовцев. Над всем моим детством, где-то выше стен нашей крохотной квартирki, реяло огромное слово: «Осээмча» – «Особая строительно-монтажная часть № 3», предприятие оборонного значения...

Вот обо всём этом мы и поговорили с Иваном по ходу первых наших вальсов. А потом обнаружилась и более интимная наша с ним связь: оказывается, когда-то, в нашем пионерском детстве, мы с его женой Зоей отдыхали в одном пионерском лагере – в Араличево...

Всё это, без дополнительных моих усилий, с самого начала чётко определило формат наших отношений со вторым Иваном: земляки и партнёры по танцам – и не более того. Я даже позволила себе пошутить по поводу того, что Иван как-то подчёркивал именно средний уровень своего электротехнического образования. Это значило, что он окончил техникум – это всё-таки среднее звено между ФЗУ и институтами-университетами.

Я, к сожалению, вначале этой его гордости не расслышала и продекламировала недалеко в моей филологической памяти лежащую строфу Маяковского:

Он был монтёром Ваней,
Но в духе парижан
Себе присвоил званье
«Электро-техник Жан»...

Ивану стихотворение понравилось, нашего с Маяковским снобского юмора он не уловил, всё принял за чистую монету – как-то даже напрягся и пошевелил губами, пытаясь повторить такой ладный на слух стишок... Как же мне сегодня стыдно за своё филологическое снобство...

Но первый-то Иван, Рысь, об утверждении у нас со вторым Иваном только товарищеских отношений не знал и видел во втором Иване только соперника в его матримониальных расчётах. До меня дошёл слух, что оба Ивана дрались в тех самых кустарниках на задах нашего корпуса... Честное слово, такое случилось в моей жизни в первый и последний раз. Я боялась, что этот слух дойдёт и до Екатерины Ивановны, что грозило бы моментальным прекращением пребывания на курорте не только обоим Иванам, но, может быть, и мне. Но – этот слух до неё не дошёл...

Однако дня за три до отъезда первого Ивана в его Сумищи произошло нечто, что заставило обоих Иванов забыть на время «прежние раздоры» и объединить усилия вот в каком деле, касающемся напрямую только Зайнаб, но и она, как моя подруга, тоже попала в зону внимания обоих Иванов – попечительного внимания: мало ли что... Я тоже присматривала за Зайнаб, видя в том необходимость. Но не уследила: она познакомилась с Такеном, казаком и директором целинного совхоза у них в Казахстане, и их отношения приобретали уже вполне романтический статус. К ним в компанию навязалась некая апа (по-узбекски «женщина, тётушка»), которая в ходе совместных прогулок втроём усмотрела для себя возможность лёгкого профита и стала шантажировать влюблённых: платите деньги, а то напишу жене и мужу. Зайнаб пожаловалась мне, я рассказала об этом Ивану Гелеверу, а тот Ивану Рысю. Оба Ивана на один вечер объявили перемирие, подстерегли эту апу в безлюдном месте, припугнули и даже слегка поколотили. Она на время отстала от Такена и Зайнаб, но через три дня, после отъезда первого Ивана, их снова видели втроём. «Да ну их к чёрту!..» – сказал второй Иван. Да и в самом деле... Я так и не знаю, осуществила ли эта апа свою угрозу.

Ну, это всё, что касалось наших цхалтубских танцев и того, что вокруг них. Но был и ещё один замечательный аспект нашего пребывания в том благословенном краю: обязательные и продуманные экскурсии в разные чем-либо примечательные его места. При этом к автобусу и экскурсоводу прилагался также фотограф, так что вот они, в моём альбоме, фотографии, отразившие на долгую память и Гелатский (христианский) монастырь XIII века, и вход в силиконовую пещеру, и всех нас, участников тех экскурсий: вот Зайнаб, вот я, вот Иван... Гулливер. Впрочем, в силиконовую пещеру я продвинулась только метра на три, а потом у меня начался приступ клаустрофобии, о чём я раньше не подозревала.

А третья экскурсия была лучше первых двух: на родину поэта Маяковского, в конкретное место его рождения и первых лет жизни – на лесную и горную окраину городка Багдади. Сам этот городок совершенно выпал у меня из памяти, но вот этот дом лесничего Маяковского, отца поэта, как бы зависший на небольшой высоте на склоне горы, заросшей невысокими, но густыми кавказскими соснами. А между этой горой и соседней с ней пробил себе дорогу самый настоящий, шумный водопад. Такая отрада и зрению, и слуху...

Сам дом лесничего был домом человека интеллигентного, научного труда: книжные шкафы, полные книг, стеллажи с рядами банок и баночек с какими-то препаратами, на стенах чучело головы оленя, два непростых ружья, барометр... И эта красота и тишина, нарушаемая ненавязчивым шумом водопада... Вставал вопрос: как же в этом отрешённом от сует жизни месте родился и провёл детство величайший, если верить Сталину, поэт советской эпохи, горлопан, хулиган и главарь кого-то там – по оценке самого Маяковского?.. Как же он подвёл Сталина... Но, справедливости ради и помимо оценки вождя, Маяковский был значительный и изобретательный поэт своего времени, и отрадно думать, что хотя бы начало его рано оборвавшейся жизни протекло в таком благословенном месте...

Так бы, чередой лечебных процедур, танцев и экскурсий, и закончиться моему лечебному сезону в Цхалтубо, но ближе к концу этой череды приехала из Ленинграда и именно в нашем корпусе поселилась группа молодых людей (мужчин) явно академического типа. Стало известно, что они в самом деле сотрудники какого-то научно-исследовательского института. Ничего у них не болело, радон ещё несколько лет мог бы подождать их, но их профком «скормил» им вдруг образовавшиеся горящие путёвки. Оказавшись здесь, эти «научники», как их тут стали называть, ваннами и даже танцами пренебрегали, появлялись только в столовой, а всё остальное время бродили в горах или ещё где-то. Ну и ладно бы... Но в какой-то из пяти оставшихся у меня цхалтубских дней ко мне на скамейку перед ужином подсели двое из этих «научников» и («что характерно»!) стали активно со мной знакомиться по той же программе, что и Ивановы, но более детально: откуда я, кандидат каких наук, замужем ли... При этом было ясно, что мои ответы их явно не интересуют, и наш этот первый и последующие разговоры протекали в широком тематическом раскладе: положение дел в нашей науке и культуре вообще... Я уставала от этих разговоров и не могла понять, что им от меня надо. И только на третий день прояснилось, что они – сваты и сватают меня за третьего своего товарища – Вадима. Этот Вадим к моменту сватовства был разведён (ребёнок остался у жены), в Ленинграде у него своя квартира – и его мама очень хочет, чтобы он снова скорее женился. И попросила их, его друзей, поспособствовать исполнению её желания. Вот они и способствовали как могли, совмещая приятное с полезным: отдых в горах и поиск невесты для Вадима. И снова, как и в случае с танцами, стрелка остановилась на мне.

Я чувствовала какую-то негативную подоплёку в раскладе дел этого Вадима, удивлялась его неучастию в этих разговорах, но главным образом искала способ unbedingt послать его сватов подальше и была рада, что они не появлялись хотя бы на танцах.

Но вдруг эта подоплёка, эта неустойка в жизни Вадима получила исчерпывающее объяснение. И вот как. В маленьком зале нашего корпуса, где мы с Абрамом однажды танцевали вальс-бостон, было пианино. И ежедневно по окончании тихого часа в этот зал приходил совершенно особенный отдыхающий: человек лет семидесяти, подчёркнуто интеллигентный – и по часу и более играл на этом пианино. Что играл? Запомнился «Турецкий марш» Моцарта и «Колыбельная» норвежского (или шведского?) композитора Ярифельдта. Я,

как только он начинал играть, пробиралась в этот зальчик, тихонько, мышкой, садилась в уголок заднего ряда и сидела до тех пор, пока этот человек не начинал закрывать пианино. Мне казалось, он не подозревает о моём присутствии. Но однажды он окликнул меня, когда я была уже в дверях. Я испугалась: неужели я всегда мешала ему, а он терпел моё присутствие? Не знаю. Но в тот раз он обратился ко мне: «Галина Ивановна, у меня к вам разговор...» – и представился: «Леонид Николаевич».

Разговор был о Вадиме и его сватах. Леонид Николаевич знал их всех, так как они работали в одном НИИ. Знал он и мать Вадима, работающую там же, в администрации, и с её слов рассказал мне вот что. Вадим помимо того, что он сотрудник НИИ («научник»), ещё и серьёзный альпинист. Эта сторона его жизни и до женитьбы, и во время уже семейного состояния протекала так. Ежегодно всё лето, с июля по август, он на каком-то очередном «восхождении». Потом в течение всей осени и зимы они (альпинисты) обсуждают результаты прошедшего сезона, а с марта начинают готовиться к новому. Дело это очень затратное и хлопотное, оно поглощало всё свободное от работы в НИИ время Вадима и семейные финансы. В конце концов его жена не вытерпела, забрала ребёнка и ушла, а наивная Зоя Алексеевна, мать Вадима, надеется, что новая его жена будет более терпима к альпинистским пристрастиям сына.

Вот слова Леонида Николаевича, сказанные мне в заключение этого нашего разговора: «Галина Ивановна, никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за какие посулы не связывайте свою жизнь ни с альпинистами, ни с сёрферами, ни с этими... как их... байкерами, ни с кем из этого ряда. Они все психически нездоровые люди: адреналинщики. Выбросы адреналина, сопровождающие все эти восхождения, погружения и прочее – вот главная цель их жизни. Ничто другое в их жизни не конкурирует с этим...»

Я подавленно молчала, а в голове в качестве дополнительных аргументов крутились обрывки из песен Высоцкого: «постоять на краю...», «лучше гор могут быть только горы...»

Тем же вечером при встрече в столовой Илья (главный сват) сказал: «Что, старик распропагандировал Вас насчёт Вадима?.. Ему-то что надо?..»

На этом сватовская кампания закончилась, я вздохнула с облегчением, было забеспокоившийся Иван успокоился. Но... от всего узнанного в эти дни мне было грустно.

Потянулись, а потом побежали последние дни нашего пребывания в бывшей Колхиде. Зайнаб уже активно готовилась к отъезду: во всех здешних магазинчиках и лавочках буквально скупала какие-то с моей точки зрения ненужные вещи и вещички: вышитые салфеточки, вязаные носки, шапочки и шарфики, матерчатые домашние шлёпанцы, плохие игрушки... Даже договорилась с экскурсоводом Анатолием, и тот свозил её в этих же целях в Кутайси... «Зачем?» – спрашивала я Зайнаб. Оказалось, это обязательные по их узбекскому обычаю подарки не только для ближней, но и для дальней родни: бабушкам-дедушкам, тётям-дядям. Хоть что-нибудь, но нужно привезти. Мне было жаль денег, заработанных Зайнаб и её мужем, и я вмешалась в эту подарочную кампанию. Для детей мы купили хорошего детского белья – на всех пятерых. А для мужа Зайнаб по моей просьбе Абрам раздобыл небольшой

кавказский нож в кожаном чехле – не новый, но тем более дорогой: старинный, внушительный.

Здесь, на курорте, ещё до нас сложилась традиция провожать отъезжающих в аэропорт или на вокзал в Кутаиси. Из нашей компании первым уезжал Такен, и я, Иван и Зайнаб ходили его провожать. До сих пор стоит в моей памяти картина: Такен, уже в вагоне, прижался своим широким казахским лицом к вагонному окну, и крупные слёзы текут прямо по стеклу. А мы с Иваном держим под руки совсем ослабевшую от горя Зайнаб.

Одна женщина, наблюдавшая всё это, потом рассказала мне про своей случай: «Вот никого в молодости не любила. Девчонки вокруг влюблялись по чём зря, а я... И замуж-то вышла только потому, что было уже пора, а он был очень хороший человек. А тут вот... Василий... Но мы с ним решили даже не переписываться, не рушить семьи... Дети же... У него двое, у меня двое... Не судьба нам...»

Господи, почти всерьёз думала я: как же легко прошла я через ниспосланные мне курортные испытания: всего-то два Ивана и один Вадим-альпинист.

Через два дня проводили мы и Зайнаб. Как она управлялась на неизбежной пересадке (между их южными республиками) со всеми своими сумками и сумочками, мешками и мешочками... и огромным фанерным чемоданом?.. И с разбитым сердцем?.. Ах, Зайнаб! Милая Зайнаб!..

Но как бы то ни было, подошёл к концу срок и моего пребывания в Колхидской долине. Екатерина Ивановна, по условиям возникшей между нами взаимной симпатии и где-то даже дружбы, попросила меня «задержаться» ещё на два дня, чтобы сопровождать в дороге домой Ивана, так как у него началась неизбежная реакция на радоновое лечение: боли в спине. А ехать нам с ним предстояло в тот самый Новокузнецк, где у моих родителей гостила моя пятилетняя дочка.

Ехать нам предстояло автобусом до Сочи и потом на поезде до нашего Кузбасса.

Поездка на автобусе до Сочи по высокогорной дороге до сих пор стоит у меня в глазах: справа (в трёх метрах от окна автобуса) под прямым углом к дороге гора, а слева – далеко внизу – Чёрное море... Насмотрелась я в тот раз на него на всю жизнь...

А в Сочи было трудно. Иван после часовой поездки на автобусе мог только лежать. Мне предстояло найти место для ночлега на одну ночь, покупать на рынке какую-то еду в долгую дорогу, искать редкое здесь, как снег даже зимой, такси: своим ходом Иван не добрался бы до поезда. Слава богу, на всех поворотах этих моих хлопот мне помогали добрые люди.

А затем по счастливой случайности именно в нашем вагоне возвращались – после отдыха в Сочи «дикарём» – две знакомые Ивана и его жены. Вот они и перехватили у меня Ивана – и по дружбе, и из-за заметного опасения, не претендую ли я на продолжение нашего курортного с ним знакомства.

Я, видит бог, не претендовала. Но спустя много лет с большой радостью получила от него своеобразный привет. В самый разгар перестройки в одной из новокузнецких газет – шахтёрских, взрывных, остро популярных в то время в Томске (их привозили в Томск волонтеры – поездом, в сумках) – сообщалось,

что в Старокузнецке (это исторический район Новокузнецка) восстанавливают храм, взорванный в двадцать котором-то году прошлого века. И в его (храма) восстановлении принимают участие братья Гелеверы – архитекторы. Надо полагать, сыновья Ивана, фамилия-то нечастая. Я порадовалась – и за Ивана, и за храм. Это был один из острых знаков того невероятного времени: дорога к храму... И подумала, а жив ли сам Иван, успел ли порадоваться на своих архитекторов?

Вот и снова кольнуло меня раскаяние за то бездумное, небезгрешное применение к Ивану – тогда, давнишним цхалтубским летом – ядовитого стишка Маяковского про монтера Ваню... Впрочем, судьба, поверив в искренность моего раскаяния, одарила и меня парой архитекторов – в лице моей внучки Ани и её мужа Толи. А теперь на архитектурные подготовительные курсы при университете собирается их дочь, девятиклассница Маша. Долгая же память у судьбы...

Но болезненный щелчок по носу... как выразилась бы в этом случае моя мать – бездонный кладезь острых народных выражений и сентенций на все случаи жизни... Да, так вот моё раскаяние по поводу некстати подвернувшегося мне электротехника Жана было лишь одним из нескольких уроков, преподанных мне там, в Цхалтубо. Были ещё и другие, но на первый план среди них с течением времени выдвинулся тот, что преподавал мне Леонид Николаевич – ленинградский профессор и меломан – там, в музыкальном зале нашего санатория: избегать всякого рода экстремизма как выхода за рамки нормы – в своём ли собственном жизнепроявлении или в проявлениях других. Вот краткий список экстремалов, составленный на скорую руку Леонидом Николаевичем: альпинисты, байкеры и сёрферы.

С течением времени этот список в моих представлениях о жизни расширился, экстремизм определился как тяга за грань необходимого и достаточного – вообще за рамки нормы, и отношение к нему определилось как резко отрицательное.

В одном из моих университетских спецкурсов, филологическом, но с философским уклоном, вопрос о норме и отклонениях от неё встал остро, ребром: норма – это хорошо или плохо? С одной стороны, во всех значительных достижениях человека (человечества) всегда имел место выход за грань возможного и нормального. Но с другой стороны, характеристики типа «Он ненормальный» или «Это ненормально» вряд ли можно считать положительными.

В разгар этих наших дилетантских рассуждений в наше – со студентами – поле зрения попала книга писателя Владимира Сорокина «Норма». Не читали? Вот её краткое содержание. Примерно на двухстах пятидесяти её страницах напечатано только одно слово, совпадающее с названием книги, вот так: «Норма. Норма. Норма. Норма. Норма...» – и так далее до самого конца. Мы со студентами так и не поняли, за норму или против неё выступает писатель В. Сорокин.

Так что сегодня я стою на той точке зрения, что тяга за грани разумного и необходимого, то есть нормы, это неизбежное последствие широко понимаемой культуры – как большой суммы разного рода технологий, а также духовных и эстетических практик человека. Все эти запредельные по затратам сил

человека виды спорта и развлечений – слалом, сверхскоростные автогонки, парашютный спорт... Без постановки какой-либо разумной цели...

Ничего подобного не наблюдается в живой природе. Горные козлы то и дело, по сорок раз на дню, «стоят на краю» страшных обрывов и сигают с них вниз, но только ради редких в горах полянок зелени. Львы и тигры развивают скорость до 65 км в час, но только в погоне за, так сказать, своим хлебом насущным, а лани, зебры и прочие копытные – только чтобы избежать участи этого самого «хлеба»... То же самое и в царствах птиц и морских животных.

И ведь все спортивные безумства морально одобряются и финансируются в государственном масштабе – за счёт других расходных статей... Мизерных зарплат и пенсий... Дофинансирования недофинансированных медицины и дорожного строительства (а плохие дороги всё ещё остаются у нас проблемой номер два – после дураков)... Да мало ли ещё чего!..

В этих моих доморощенных рассуждениях я чётко различаю многочисленные и многообразные риски, неизбежные в продуктивных, полезных видах деятельности (авиация, угледобыча, высотное строительство) и чисто спортивное «безумство храбрых». И безусловно приветствую необходимую физкультуру: «закаляйся, как сталь»!.. В точности так же, как различаю «шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой» – за праздничным столом или даже «в час пирушки холостой» – и алкоголизм и наркоманию, эти бичи человечества.

Я осознаю, что встать на такую позицию в этом сложном вопросе небезопасно. Сколько контраргументов, не менее эмоциональных, чем мои аргументы, посыплется со всех сторон! А ведь Леонид Николаевич, за давностью лет и дальностью расстояния, не может принять на себя главный удар оппонентов в этом споре, если бы он состоялся в действительности. Поэтому в качестве своего главного аргумента обойдусь вот таким конкретным воспоминанием. Много лет спустя после Колхиды я, будучи в Москве (в научной командировке), оказалась вместо вождя зала № 3 Ленинки (библиотеки им. В.И. Ленина) в стационаре одной из московских больниц – по причине очень серьёзного панариция, потребовавшего серьёзной операции. Больница была старая, столетняя и при ней столетний же парк, где я по вечерам гуляла. Обычно в этом парке не было никого, кроме меня, но однажды из аллеи, параллельной той, по которой прогуливалась я, раздались звуки, производимые явно подвыпившей компанией. И вдруг сквозь крики и гитарные переборы послышался такой страшный – чёрный! – мат... Я поспешила в корпус, а по дороге в просвете между аллеями увидела эту компанию молодых парней, по виду очень здоровых и как-то подчёркнуто ухоженных и хорошо одетых – но в колясках...

В корпусе мои товарищи по несчастью (пациенты «пальчикового» отделения) сообщили мне, что эти колясочники – пациенты первого этажа, «спинного» отделения: спортсмены со сломанными спинами – и, по всей видимости, без надежды на выздоровление, раз лежат в этой старой, бедной больнице... Это моё воспоминание из числа тех, что на всю жизнь.

Но эти гитаристы-колясочники хотя бы остались живы. А сколько спортсменов гибнет, оставляя за собой молодых вдов, детей-сирот и безутешных родителей! Оставшихся на произвол судьбы стариков!..

А закончить это тематически пёстрое повествование приходится грустным. Я недавно заглянула в интернет: в настоящее время Цхалтубо – еле живой курорт. Из всех его корпусов функционирует только один. Что произошло? Радоновая ли речка иссякла или радон утратил свою целительную силу? Научились ли транспортировать эту силу в более доступные места? Или, не дай бог, заменили таблетками? Таблетировали...

Я не знаю этого – как и многого другого. В моей памяти Цхалтубо – бывшая Колхида – остался в том виде, как я его здесь описала.

И вальса звук, и сердца стук...

Ирина Чуднова

ТАМ ВЕТРА ГОЛОС ЧИСТ

***

Над водой зависла стрекоза,
плачет за кладбищем зимородок.
У любви упрямый подбородок
и животворящие глаза.

Здесь лениво плещется весло,
здесь скрипит соха, здесь ветер в поле...
Мне с тобой не очень повезло,
но с другою повезёт не боле.
Ведь любить – талант и ремесло
птиц подбитых ставить на крыло.

Зимородок канул в синеву,
вой над свежерытой могилой.
Пахнет клевером, сырою силой,
нынче смерть порядком накосила –
Значит время баб валить в траву,
чтобы вспомнить, отчего живу.

***

а в глубине когда-то милых глаз
затравленный волчонок, с репьями
на хвосте, скулит, лишайный, дрожит,
больной и слабый. протягиваю руку его
погладить

...и просыпаюсь.

вот оно – проклятье бессильной жалости –
кого винить? кому довериться?
кого позвать на помощь?
дырявым ртом глотаю постный холод из
закопанных плошек фонарей. ломит виски.
молюсь. не помогает.

лбом тычусь в пот стекла, в запрошлый морок,
в полуистлевший рукописный лист.
там прошлое, там степь, там рвётся порох,

там кони ржут под злых нагаек свист,
там ветра голос чист, кузнечик звонок,
лилов бессмертник, горек тамариск.
там смерть ясна –

и пусть бы твой волчонок
в тот самый час
мне горло перегрыз.

ТНАДМОДЕРНИЗМ (АЛЛЮЗИВНОЕ)

Н. Зонову

В час, когда всё дотла догорело, осталась одна зола,
и дожди остудили прах, ты в землю воткнул два кола,
на белый повесил тулуп из зайца, на красный – картуз,
и кровавое солнце лепилось на спину в бубновый туз.

С колотушкой явился февраль, нарыдал поднебесье чернил,
гопота расколола фонарь над аптекой в метель – ты чинил,
подобрал наконец башмачки, что в тот месяц всё падали на пол.
Положил эти ночи на дюжины стонущих плеч –
хорошо б наконец от зимы отдохнуть и прилечь,
но слезилась зануда-свеча, воск в клепсидры истории капал...

Небо узкое хмурится, жрёт провода и плюёт шелуху ворон,
ежедневно в Останкине башня играет реквием солнечных похорон,
и в окрестных домах реновацией грезят глазницы,
но страшатся её, подтянув по-хрущёвски балкон
к подоконнику. Если тебе не спится, и чтобы не спиться,
забаррикадируйся вирусом, космосом с тысячи тысяч сторон.

И, сполна отработав свой ад, номерку на ноге вопреки,
я, быть может, узнаю, в какую манипулу встанут мои стихи,
и какой позвоночник им флейтой положит посмертный Вергилий.
Надевай же на правую руку митенку с левой руки,
на той самой подножке, на плахе трамвайной тоски,
на которой пристало стоять, пока нас до конца не забыли.

Пока нас наконец не зарыли. До дыр замусолив тетрадь –
если надо стихи объяснять, проще лошадь у бабы отнять
на скаку – пусть пожар до венцов нижних избы-читальни залижет,
как котят. Так-то, брат, Геродот-Герострат, жги глаголом –

они не горят, я же вижу!

***

Р. Н.

Мела метла. Метель звала метель,
дразнилась, мол, уйду не раньше мая!
Студент, как долговязый коростель,
шёл, по-кропоткински коленки задирая.

Лёд щерился щербато на залив,
просили каши хлипкие ботинки,
хотелось есть. Курить парадных дым.
Был уговор: у памятника Глинке

забрать конспект. Отдать диплом
в печать. Досдать хвосты.
Доделать два доклада...
А по Неве неверно –
вверх и вспять –
ползла небес железная армада.

а снизу плыл Харон.

Смех, солнце, воробьи
весной растят тротил анархии
в крови.

НАД ТОМЬЮ

В. Максимову

Снова зима прирастает опушкой,
кружевом леса. Семнадцать шагов...
То ли ветла, то ли звон под подушкой,
то ли обрывок злых черновиков
ей угрожают, ей угождают –
месяц трёхгранный, стилет золотой
чешет небес воспалённые гланды,
режет над Томью стоячий покой
в города горькую с лета креманку,
стружкой кокосовой в мох пустырей,
в скверы, залётного света подранки,
крошит серебряный вспорх сизарей,

паром котельных аранжирует
вещие странноприимные сны –
этим мороженым-ряженым будешь ты
болен и сыт до весны.

***

Н. Зонову и В. Максимова

...в Алаеве чистилище –
ветра.
Кресты. Кедрач. Косых снегов игла –
а мы чисты, и хоть сейчас в разведку.

Берёз в поленнице размечены листы:
оплот тетрадной школьной простоты –
в линейку, в клетку.

Гудит в печи печаль,
фонарь – шесток луча –
сверчок неверного, разбрызганного света.

Цикаду помнит сладкий белый чай,
ты пей, дружище, да на ус мотай:
в ночи взял жертву уркаганский ветер

забором. Мог бы крышей.
Месяц май, дай бог, придёт –
и сам за всё ответит.

Зачем мы здесь? А надо нам куда?
до ада тоже ходят поезда.
Бери билет, грехи и будь покоен.

Бывай, чистилище!
Косых снегов игла –
кедрач. Кресты. Три тени, два ствола.

На семь границ шального тракта корень
ведёт до города, трамваев и тепла
(туман, спидометр, восток, сырая мгла)
сквозь слепоту порожних дальнобоев.

Никита ЗОНОВ**ТУК-ТУК-ТУК****NEVERMORE**

Дмитрию Коршуну

Нет, не море.
Зато река –
безлазурною бирюзой.
Он лежит в гробу, как Байкал,
под дразнящею нас грозой.

Остывает земля Земли
и стекает калины сок.
Приготовились?
Целься!
Пли!..
Нету моря:
Земля.
Песок.

К ЧУДНОВОЙ

Слушай, вода, теки на
женщину из Пекина.
Думай, вода, и слушай,
как размывают души,
это легко и просто –
так намывают остров.

ЧЕРНЯЕВУ

Он, между прочих,
ходил босым
в завязях строчек
искать басы,
между припевов
икать куплет,
зная,
что смерти нет.

Жил, не тужил,
да не горевал,
совесть не от...
не отвоевал.
Что ж мы огнём
засоряем речь?
Функционально –
сжечь.

но!

Печь
между нами
как ночь чиста.
Жить не люблю,
но пишу с листа.
В наших окрестностях деревень
солнцеворота день.

Наверх,
где жгут
не тебя –
меня,
ложно
безумие прилуны,
в пропасть своих
записных миров,
в угли
бросай перо.

21.06.2022

О НЕПРОЛИТОМ

*Храни меня, Господь,
в сухом прохладном месте.
Макс Батурин*

Не пойми куда, но влеком
(так напишут карандаши),
я вчера душил молоко,
так вот просто: взял и душил.

Нет.
Не состоял.

Не любил,
разлагая вещь на слога,
но почти случайно убил
пролитую речь молока.

Живо ль? Умереть – не вопрос,
было бы чему вопреки.
Сам Господь ему преподнёс
вервие из лучшей пеньки.

Полку для тебя подберу
(холодильник в пять этажей).
Как тебе жилось на миру? –
да ты не кисни, поздно уже.

Дома жгут: жена и семья.
Лампочка грустит в потолок.

Рано или поздно и я
лягу на соседний полоч.

* * *

Игорю Иванову

Кому это всё незнакомо,
тот вряд ли нам сможет помочь...

Он смотрит на небо с балкона
в холодную мрачную ночь.
Мне поровну, как оно выйдет;
мне больно – хоть спать не ложись.
Он смотрит на небо.
И видит
свою настоящую жизнь.
Казалось-то:
было – да сплыло.
По воле балконной судьбы
он видит не «как это было»,
а «как это было бы» – бы!
Картина сменяет картину.
За что?! Почему?
И зачем
он прожил не наполовину –
на четверть....

Не более чем.
Что я? –
улыбаюсь нелепо
и в пропасть иду по ножу:
я в это же самое небо
с другого балкона гляжу.

04.04.2020.

* * *

Александрю Кушнеру

Невозможного нету,
есть лишь горечь пути.
И бреду я по свету,
в этот раз – во плоти.
Как взлетевший из ножен
в ярком танце клинок,
без тебя невозможен,
а в тебе – одинок.

Скоро кончится лето,
не успев надоесть.
Невозможного нету.
А возможное – есть?

Вечер тянет с ответом...

За бокалом вина
я курю сигарету
у чужого окна.

ТУК-ТУК-ТУК

Будь дымком от папиросы,
выгибаясь в цифру три,
и, присвистывая носом,
слушай звуки изнутри:

я не просто, я не вместо,
я не под, и я не на,
не-возможно, не-известно,
не вина, и ни вина...

Мир не пройден, только начат, –
не на грани, на плаву,
не жалею и не плачу,
даже, в целом, не живу.

Это я,
от грёз усталый,
безначальный майский жук,
словно путник запоздалый,
к вам в окошко
тук-тук-тук...

Максим ЧЕРНЯЕВ**ТРОСТНИКИ****РЕКА**

Мальчик сидит у реки. Хрупок. Невинен. Слаб.
Солнце плывёт в зенит. Солнце – зеркальный карп.
Карп шевелит траву. Тихо шуршит тростник.
Мальчик срезает стебель и пробует на язык.
Выдох сменяет вдох, выдох рождает звук.
Звук оживил свирель. Свирель в колыбели рук.
Солнце нырнёт в закат (гладит свирель рука).
Лунный нисходит бык в ночь серебрить рога.
Мальчик един с рекой: хрупок, невинен, слаб.
Лодку несёт река.
В лодке недвижим враг.

ТРОСТНИК

Шуми, тростник, над вечною рекой.
В небесной тверди трепетной струной
Звени, тростник, и внемли небесам.
Шуми и пой. К пологим берегам
Сойдут с холмов к реке на водопой
Пугливый зверь, стада, народ степной.
Ты будешь брошен к варварским кострам...
Доверь себя мальчишеским рукам,
Чтоб воплотиться в музыке.
Весной.
Когда холмы насытятся водой.

СВИРЕЛЬ

Настало время уходить, веслом толкнув причал.
В речной долине скорбный зов свирелью прозвучал.
И ветер стих, и свет померк, ты снова юн и слаб,
Как в детстве: отмель, тростники, река, зеркальный карп

Тебе напомнит лунный свет, что время истекло,
Судьба твоя – вода в реке, уплывшее весло.
И проплывут перед тобой сквозь утренний туман
Холмы, где жили степняки, отсыпанный курган,
Застынет вдох, померкнет свет, подкатит к горлу ком,
Ты станешь звёздами, рекой, свирелью...
Тростником.

ТАБУРЕТ

Ранним утром, жарким летом
солнце плавилось в рассвет
Шёл по улице мужчина,
нёс из дерева предмет.

Не верстак, не Буратино,
не столярный инструмент, –
самодельный из берёзы
белой краски табурет.

Не сказать чтоб гладко выбрит
и по-летнему одет;
шёл куда-то мерным шагом
не блондин и не брюнет.

Где-то делали ребёнка.
Где-то жарили омлет.
Шёл по улице мужчина,
с виду – полных сорок лет.

Не Эль Греко, не Сенека,
не варяг, не печенег, –
так, мужчина как мужчина,
современный, имярек.

За углом бухтела стройка,
чах в аллеях бересклет...
Людям было безразлично
много зим и много лет.

Нет в истории морали,
да и смысла тоже нет.
Всё, что было у мужчины, –
самодельный табурет.

АЛЛЮЗИИ

Понедельник. Четвёртое. Утро.
Чашка чая на белом столе.
Я готов изложить поминутно,
а затем на оконном стекле
зафиксировать образы знаний,
позабытый когда-то словарь...

Силуэты невидимых зданий,
бесконечно-дождливая даль.
Нежность рук.
Воспалённые губы.
Выдох ветра – крути по воде.
Я один из немногих и многих,
переживших любовь на Земле.

Понедельник четвёртого.
Утро.
Запотевший оконный хрусталь;
по стеклу – вертикальные шрамы...
Переулок.
Аптека.
Фонарь.

ПРОШЛОЕ

Сорока сорок вопреки
бел, но не белее песка.
Тонкой полосой у реки
завтра зарекалась рука.
Розов/бел небес окоём
(ты поди, послушай меня)
прошлое тире водоём,
всяких разных рыб чешуя.
Прошлое – то память, то сны...
Новое пишу набело;
Чайки замолчат до весны.
Ваш.
...но поутру рассвело.

БР...

Слова по осени кончаются на «бр...».
Листва опала. Тонок календарь.
Прохладен день. Каникулы. Букварь
заброшен. Во дворе вратарь –
мальчишка, сорванец и кибальчиш,
отбил пенальти.
«Молодцом! « – кричишь.
12 : 8,
далее
темно.
Глазком фасетки вспыхнуло окно.
Одно, второе... В сотни киловатт...
На фоне нетускнеющих пляяд
продрогший город сонно-насеком.
Голкипер по квартире босиком:
– Мам, шорты где? Мам, я хочу котлет!

Пляяды вздрогнут. Роем сигарет
зевакам просигналят: по домам.
(Тепло окурков перешло рукам.)

Балкон не отпускает.
Ты – стоишь.
Глотает сумрак силуэты крыш.
Молочный путь, что снег,
летит на плечи,

–и город вечен.

Сергей КУКЛИН

ПОПУТНОГО ВЕТРА

Рабочий день начинался для Светы весьма привычно. Проверила наполнение баллонов и усмотрела, что в одном, с выдающимся названием «Баварское», напиток едва дно прикрывает. Наполнила опроставшуюся бадью «Жигулёвским» с газом, а бумажку с названием менять не стала. Здесь особых знатоков не водится, а так забавней, когда уморённый похмельем тип выговаривает это слово, прилетевшее из европейских краёв. Желая, дескать, «баварского», надоели «жигули». По вкусу и качеству пены они не отличались. В десять часов отворила парадную дверь: пожалуйста, господа, извольте подлечить свои повреждённые мозги. Субботнее утро всегда начиналось ручейком покупателей с отчаянной надеждой в глазах.

Получив от Светы желанную пластиковую бутылку, некоторые страдалцы испытывали лекарство в трёх шагах от торговой стойки, прислонившись к стене, конфузливо отхлёбывая из горла. Взглядом извинялись за несдержанность. Дескать, сил нету ковылять домой или до ближайшей пролазной щели между гаражами. Света не упрекала вслух и не осуждала молча – она стояла выше всей этой канители. Достоинно играла роль спасительницы утренних мучеников. На излёте прошедшего века, получив школьный аттестат, помчалась в недалёкий Новосибирск поступать в театральное училище, но не сложилось. Других попыток уйти в лицедейство у неё не произошло, но сейчас, зарабатывая пивным разливом, она совершенно незаметно для окружения украшала своё скучное житьё солнечными концертами, комедийными сценами спектаклей, когда-то виденных, и начинала двигаться за стойкой, словно актриса на сцене. Не зря, значит, над обычным пивным ларьком теперь прописано: «Салон разливных напитков».

Первым перед ней объявился утомлённый водкой сутулый доходяга, укрывший своё тело потрёпанным осенним пальтецом, несмотря на серьёзный мороз. Пришло время, когда он в натуре стал яко наг, яко благ, и никому не жалуется скудостью своего живота – всё естественно. Долго считал мелочь, вытаскивая её щепотками из неведомых карманов, а может быть, и из тайников драной подкладки. Хватило почти на полтора литра «Барнаульского». Света после чудодейства с краном величаво выставила перед его носом полную бутылку, словно Дульсинея, оценившая по достоинству добравшегося до неё наконец-то рыцаря печального образа. Идальго, не замечая эдакой милости, отстранённо отхлебнул из пузыря у противоположной стены и исчез. Свету эта суетливость не огорчила – она летала в ином пространстве.

Тонкое, светлое лицо, белые от природы волосы, закрывающие уши, но оставляющие для любования нежную шею – такое изящество приурочено вовсе не для примитивных подмостков с декорациями кабацкого водевиля, для другой постановки, с наполнением сценического воздуха терпкими ароматами душевных страстей, которых она и не помнила. Впрочем, выдающиеся

события случались. Вот и нынешний день стал для неё тем самым безумным днём, над которым насмешничал Пьер Огюстен де Бомарше. Запела, затанцевала Сюзанна, не первый век веселящая зрителей по причуде жизнерадостного француза.

Представление совпало с появлением в салоне Михаила, уморённого последними дурными километрами. Тайгу и тундру на этот раз не топтал, болтался по городу, навещая своих отзывчивых друзей, разделивших с ним удовольствие в совместно опустошённых бутылках с зельем. Такое утешение, безусловно, закончилось тяжким ощущением беспросветности и личной никчёмности. Надеясь хотя бы временно вывести мозг из угнетённого состояния, добрался до нужной точки и увидел в безлюдном пивном закутке редкостное женское создание, парящее в танце, с шеренгами разливных кранов за спиной. Словно заскучавшая актриса заполняет выпавшее на её долю пустое время вольной импровизацией.

Обнаружив перед собой новое лицо, Света преобразилась в продавщицу и, как положено, спросила, что посетителю угодно. Лицо у него ожило, он спросил любого пива, какое подаст хозяйка – он примет из её рук всякое.

Согласие пришло само собой и, положив в сумку то, что нужно на сей день, Миша с сожалением понял, что пора отчаливать. Света неожиданно для себя пожалела, что зритель уходит. Он вышел, она возобновила свои роли на невидимой сцене. Изящные движения наедине с собой никто теперь не видел.

Пока брёл до своего недалёкого жилища, в нём зародилась мысль, что сегодня состоялась встреча, которая станет поворотной на его пути. К тридцати прожитым годам он догадался, что все центральные события в жизни ожидаемы. Неожиданно происходят только мелкие, попутные эпизоды. Подтверждений находилось множество. Вот и сейчас он не помнил, сколько влил в себя пива и делал ли это вообще, зато неведомый доселе прямой взгляд зелёных девичьих глаз светился в его мозгах внезапно обретённой дивной картиной. Ещё вдруг вспоминалось, как к восемнадцати годам стал ожидать повестку из военкомата и все последующие за этим дела. Надевши солдатскую форму, точно знал, когда вновь сменит её на гражданские штаны.

На службе, слушая иногда солдатскую трепотню некоторых однозвонников о любовных похождениях на гражданке, был уверен, что сам непременно откроет эту книжку, пусть попозже. Уже дома, на дне рождения сестры, углядев налитую фигуру её подруги Вальки, услышав приятные речи из пухлых губ, понял, что вот она и есть его первая женщина. Так оно и случилось, без особых забот и последствий.

Потом он ожидал, что, получив диплом геолога, начнёт строить семью с девушкой Катей, потому, что именно в ней привиделась первая любовь. Как оказалось, ненадолго. Значит, поступок получился каким-то дефектным.

Текущий день после видения танцующей барышни за пивным прилавком выбраковывать остерёгся. Скромный опыт подсказывал, что, если влить в себя добытое снадобье, конечно, полегчает, зато удвоенное похмелье перенесётся на следующий день и далее, пока деньги совсем не выйдут, а суровая ситуация заставит терпеть вдвойне, а может, втройне, никто этого точно не знает. Слил пиво в раковину и до темноты, развалясь в кресле, читал Войновича.

Нашёл с ним общий язык и утеху для мозгов, а значит, и для всего организма. Когда захохотал над очередными причудами Чонкина, понял с облегчением, что пришло неожиданное выздоровление.

Светлане в это время стало тускло и лихо. Её посетила почти трезвая хозяйка заведения, высокая женщина с телосложением волейболистки, и со спортивной категоричностью сообщила, что салон на этой неделе закрывается по неким причинам. В понедельник Света получит расчёт и свободу в творческом поиске нового рабочего места. Последнюю пятилетку подобные заботы её не напрягали и вот опять навалились на её отвыкшие мозги и слабые плечи затаившейся актрисы. К десяти вечера наступил предел пивному разливу и сценическим играм, но не было границ Мишиным планам, поэтому при выходе Светы из ларька они встретились. Для неё неожиданно, а для него эта встреча была predeterminedена у подножия лестницы, ведущей в студию одной актрисы. Она услышала вдохновенную речь о том, что он осмелился стать её спутником, когда понял, что их диалог неизбежен, как сияние утренней зари, как появление облаков перед дождём. Девушка нечто подобное слышала лишь на спектаклях местного театра, поэтому совместной прогулке не противилась. Познакомившись, двинулись пешком по тротуарному рельефу до пятиэтажки, где Света от рождения жила с мамой, недавно оставившей её в одиночестве, удалившись искать встреч с родными и близкими в мир иной. Света печалилась, потом пыталась построить собственную семейную жизнь. Побывав с избранником в одной постели, не нашла в себе плотской потребности ощущать тяжесть его тела каждую ночь, чують запах его подмышек и любоваться, как он причмокивает за ужином над кружкой чая. Казалось бы, что парень соответствует всем запросам молодой женщины для превращения его в мужа, но ей пришлось терпеть, наблюдая движения его рук и туловища в процессе раздевания или одевания, и она прекратила эти занятия, оставшись опять одна посреди беспокойного городского озера. Опасные гормональные штормы преодолевала на своей театральной лодке.

Миша был озабочен, как ему выгладеть обаятельным, надёжным и умным мужчиной, то есть так или иначе играть роль перед женщиной, смешивая свой реальный характер и некий положительный образ. Она произвольно городила вокруг себя защитную словесную стену, пытаясь укрыться от посягательств пока незнакомого типа. Играли какие-то роли, даже для себя не совсем понятные.

Обоим стало много проще, когда лабиринт разговора привёл Мишу к общению, что он находится в великой печали, потому что возможность видеться с ней обрубается топором обстоятельств через несколько дней. Это сейчас он вольно гуляет по городскому асфальту, а через пару недель разведёт костёр на берегу замёрзшей речки Ципы, притока Витима, чтобы согреть себя и буровиков, и там уж таких приятных прогулок не получится. Это песенка вроде утешает: «А я еду за туманом...», а в натуре приходится пробиваться от одной скважины до другой на вездеходе по заснеженным буреломам и буреракам. Впрочем, «за мечтами и за запахом тайги» придумано и спето очень даже здорово.

Здесь их жизненные ручейки обрели свои природные русла, и обоим стало так легко и славно вместе, что разбежаться не потянуло, когда дошли до её

подъезда. Довольно долго топтались у дверей, и она вдруг поделилась с Мишей своим сегодняшним расстройством по поводу зарабатывания средств на хлеб насущный. Он задумчиво почесал макушку под вязаной шапкой, однако пользоваться моментом и навязываться в гости для утешения не позволила мужская порядочность, до сих пор не вытоптанная. Иначе было бы слишком мелко и досадно.

Ночью, в одинокой постели, в мучительной полудрёме, думая о замаячившей перед ним женщине, он вспомнил, что в Бодайбинской партии, куда ему скоро возвращаться, нет сейчас поварихи. Уехала прошлым месяцем домой. Мужики варят по очереди похлёбку и посуду моют каждый за себя. Тяжкую ночь кое-как одолел, будто болотину сплошную, зато утром почувствовал себя бодрым и ухватистым мужиком, знающим, как помочь барышне, сомневающейся в надёжности своего завтра.

Он ещё не понимал, любовь ли это, а если та самая любовь, может ли она быть бескорыстной, без претензии на взаимность. Или обоюдность и есть нормальная радость, ведущая не только к деторождению, но к этому счастью, о котором он с детства слышал, с той поры, когда начал понимать речи, затрагивающие какие-то дела помимо кормёжки и одёжки. Позже, освоившись на взрослой лужайке, он непринуждённо врубился, что этими таинственными понятиями перенасыщено всё, чего люди натворили. Любовь и счастье всегда были одновременно целью и причиной человеческих поступков и славных, и срамных. До сих пор не разобрались, и вряд ли потом объявится умник, способный внятно и доступно всё это объяснить желающим и недоумевающим.

Наступившим воскресным утром он так усердно не думал о своей натуре. Эти мысли редкими огоньками мигали в рассудке, пока он глотал крепкий кофе, звонил начальнику экспедиции, выясняя, когда ему точно в путь-дорожку, и заодно – кто сейчас варит супчики и каши братве на поляне между речками Ципа и Мама. Узнав всё, что нужно, перестал отвлекаться на философскую заушь. Теперь Миша впрягся в решение конкретной задачи: как убедить Светочку покинуть Томск и двинуться на следующей неделе вместе с ним в дальние края.

Он верил, что всё для них прояснится, когда он начнёт делать реальные шаги, приближающие его к Светочке. Во время вчерашней прогулки обращался к ней любезно и обходительно – Светлана. Сегодня заметил за собой странность – мысленно, про себя, называть девушку, с которой больше не виделся, совсем по-свойски: Светочка. Не удержавшись, к вечеру отправился к ней и обнаружил опущенные на входную дверь жалюзи – явный признак, что заведение уже не работает. Как теперь её искать, он не знал. Никаких координат вчера не выяснил. Был известен лишь подъезд в пятиэтажке, где вечером попрощались, значит, нужно вставать на пост и ждать её появления.

Так и сделал, а потом торчал у этого подъезда до темноты, наступившей по-зимнему довольно скоро. Мороз крепчал, ноги мёрзли, материл себя за легкомыслие и разгильдяйство – отправляться на такое серьёзное дело в городских ботинках, а не в надёжных чунях, скучающих в прихожке. Дом этот находился невдалеке от ГРЭС, и он позавидовал двум солидным трубам, увенчанным красными лампочками, торчащим перед ним, как строгие постовые.

Фамилия Светы неизвестна, значит, обходить квартиры бессмысленно. Входящих и выходящих людей не наблюдалось, а когда он с подготовленной речью обратился к спешащей внутрь дома дамочке с собачкой в нарядной одежде, тётка ускорила шаг и каркнула мужским голосом:

– Отвяжись, ничего не знаю.

Миша одурел. Оказывается, в голубых штанах, обтягивающих ягодицы, ускакал вверх по лестнице парень. Вот так – он уже не отличает баб от мужиков. Или это стало нормой в некоторых слоях городской публики: женственные юности и мужественные девицы. Расстроенный, побрёл отогреваться в свои стены.

Следующие два дня зависал над геологическим отчётом в конторе экспедиции, обосновавшейся в трёх километрах за городом. Людей туда-сюда возил служебный автобус. Занятый делом, почувствовал себя бодрей и свободней, однако каждый вечер ноги несли его к запертому салону. Только убедившись в постоянстве ситуации, отправлялся домой ужинать сваренным с запасом на несколько дней борщом и осваивать следующую книжку Войновича, открытого в последний год. Сейчас его забавляли дела Аглаи Ревкиной – неукротимой тётки, выскочившей из бессмертного «Чонкина» и добравшейся до эпохи развитого социализма, в которой любознательный читатель сам пожил в свои юные годы.

В среду довелось уехать в город раньше, и на площади Южной свершилось неожиданное событие. Шагал к нужной остановке, наблюдая бесплатное представление, как завлекает прохожих в кафе огромный картонный стакан с человечьими руками и ногами. Раньше такого никогда не видел, и не шибко напрягали фокусы рекламщиков. Проходя рядом, с любопытством поглядывал, как стакан приплясывает под звонкие ритмы фламенко, и слышал своё имя, торжествующе пропетое знакомым грудным голосом:

– Ми-и-иша-а! Я тебя-я-я ви-и-ижу, а ты меня-я-я не-е-ет!

Справившись с оцепенением, он понял устройство оригинального костюма и, глядя в дырочки, проделанные для глаз, выговорил:

– Света, здравствуй, я тебя наконец-то нашёл. Мне бы слово тебе сказать, только трудно на этом карнавале. Могу рядом поплясать, хотя раньше и не пробовал.

Света, отсмеявшись, ответила:

– Заходи в кафе, пока пьёшь чашку кофе, я стану человеком и рядом присяду.

Всё у них получилось. Он цедил чёрный кофе, её дожидалось пирожное и кофе с молоком. Чашки не успели остыть, как она присела за столик напротив него. Свитер и джинсы прибавляли ей особливость полевой женщины. На Мишу вдруг налетела волна дерзости без сомнений и колебаний. Не успела девушка прожевать пирожное, как он выговорил свою мысль:

– Светлана, не сочти за нахальство, но я осмелюсь сообщить, что у тебя появилась возможность заработка на прокормке геологов в таёжных условиях.

Она едва не поперхнулась от услышанного, он подождал, пока её дыхание восстановится, и продолжил речь.

– Не с того я начал, ты уж извиняй. Всё проще и серьёзней. Мои мужики сейчас морозят носы в Бодайбо – это на границе Бурятии и Якутии. Оконту-

риваем золоторудное месторождение. Лихо приключилось: остались трудяги без поварахи, и я надеюсь, что вы изволите согласиться на приготовление им супчиков и кашек.

Ошарашенная Света смотрела на него, не моргая, не опуская свою кофейную чашку на стол, и он понял, что она слов сложить в вопросы не может. Сама превратилась в сплошной вопрос. Миша разъяснил, как сумел:

– Всё оформляется, как положено. Здесь, в Томске, в экспедиции, в отделе кадров. С жильём продумано – обитать будешь в вагончике-бытовке, на пару с Ольгой, нашей геологиней. Это я на несколько дней по делам в Томск прискакал, а она там уже второй месяц безвылазно торчит. Никаких поварских курсов не нужно – и так сойдёт, у нас всё попросту. Похабства с мужской стороны не случится. Культура намного выше и строже, чем в городах и сёлах. По времени с месяц получится, зато увидишь заснеженную горную тайгу, тундру и беспредельное звёздное небо. В городе из-за промышленных испарений звёзд уже не видать и луна тусклая.

Замолкнув, продолжительно вздохнул, словно после трудов тяжких и необходимых. Света обрела способность говорить.

– Миша, я в диком недоумении. Как будто вот так, запросто, мне предложили космическую прогулку.

– Ах, Светлана, если изволите согласиться, завтра оформляетесь в конторе, послезавтра получаете проездные-командировочные, а в субботу в Новосибире вместе сядем в поезд Москва – Нерюнгри и вперёд, за сиреневым туманом.

Как он образно говорит, как аккуратно глотает кофе в паузах, ей нравилось. Ощущение до сего момента неизведанное.

В автобусе, пока ехали до её дома, он рассказывал о себе, как после армии выбрал профессию, ставшую для него одновременно и целью, и образом бытия. Говорил тихо, стараясь не привлекать внимания окружающих, хотя такая вероятность была невелика. Почти все пассажиры клевали носами над телефончиками, и его разговоры никого кроме Светы не интересовали. Выговорил, сколько успел. Она одновременно и его слушала, и о своём думала: если останется на прежнем месте, в городе, завершённость её судьбы будет бесповоротна. Спектакли наедине с собой в другой пивнушке с декорациями из никелированных кранов, может, и потешные пляски на людях в рекламном костюме стакана или плюшевой игрушки. Иногда выход в театр в одиночку, иногда вынужденное, собой же оправданное согласие быть облаканной возникшим рядом, близким к культуре мужским экземпляром.

В однокомнатной квартире Светочка усадила его на кухне, и он рассеянно рассматривал стандартные шкафчики, чтобы через несколько минут ошеломлённо вытаращиться, увидев хозяйку в нарядном платье с ромашками на груди и с васильками по воздушному подолу. За кружкой чая разгрыз пару пряников и рассказал то, что нужно знать городской девице о морозных далях, куда он задумал её тащить. При расставании Светочка привстала на носочки и, легко обняв его за шею, молниеносно и крепко поцеловала в губы. Забубённый азарт сверкнул в её глазах: вошла в новую роль. На прощание выдала:

– У меня появились рюкзачные настроения. Теперь буду ждать день отъезда.

После такой внезапной награды сердце его усердно застучало, он еле шагнул во входную дверь, и пока топал по заснеженным переулкам до своего подъезда, в нём играли «Сказки венского леса», просыпающиеся в душе лишь в чудные мгновения.

Через четыре дня протряслись в служебной «Газели» и на Новосибирском вокзале влезли в купейный вагон. В пути их сопровождали двое работяг – бичей, нужных геологоразведке. Отличались смирным поведением, дорожа своей удачей. Почти не матерились. На несколько месяцев им обеспечен тёплый приют и заработок. От них требуется лишь исполнительность и неприхотливость. Они даже портвейном в дорогу не запаслись и коротали время, обсуждая особенности бурения в вечной мерзлоте и скорое житьё-бытьё в тёплых вагончиках, а вовсе не в заброшенных подвалах-котельных. Там они спасались на трубах теплотрассы, а лежбищем служили им гнёзда из чесоточных тряпок. В прошлой жизни Сенька был главным инженером «Сибэлектромотора», а Петька ведущим конструктором оборонного приборного завода. Величали их, соответственно, Семёном Фёдоровичем и Петром Сергеевичем. Потеряв всё, что держало на поверхности жизненной реки, они, спившись, уходили на дно, в босячество. Вовремя вышел на них старый приятель, начальник экспедиции Суворов и вытащил из ещё не окончательно невозвратной глубины. Отмыл в бане, придел в новую, тёплую «спецуху» и отправил на труды в Якутию.

Для Светочки путь до Северобайкальска поначалу был увлекателен. Она почти всё дорожное время просиживала у окна, наблюдая таёжное море и неожиданно возникающие в нём мерцающие огни островов сибирских городов со знакомыми названиями: Тайшет, Железногорск, Усть-Кут. Когда такой пейзаж притомил, подоспело время менять транспорт. В Северобайкальске перебрались в местный автобус, и справа от дороги возникло невиданное зрелище беспредельной зеркальной равнины Байкала с редкими ледяными торосами, торчащими из-под снежных холмиков-заносов.

В Бодайбо, взбодрённые эдакой картиной организмы с энтузиазмом устроились в поджидавший их «Урал»-вахтовку. Мише и Светочке уготовили места в кабине, другие попутчики вместе со встречающим товарищем уместились в будке, куда попутно загрузили нужные вещички. Дескать: мы потерпим, здесь недолго, мы почти дома. Так оно и было – часа через четыре выгрузились у вагончиков, стоящих полукругом на берегу замёрзшей речки с тёмной прорубью у берега. Народ, оказывается, здесь почти культурный. Сугробы не жёлтые от мочи – значит, местом для неотменяемой надобности не манкировали, соблюдали себя.

Место обитания Миши оказалось в том же вагончике, где предстояло жить Светочке.

Их ночёвки, как положено, были разделены фанерной перегородкой с дверью и занавеской до пола. С новой молодой поварихой закуток делила зрелая геологиня Ольга, как старшая, бдительная сестра. У Светочки, впрочем, никаких греховных помыслов не возникало. Её донимала необходимость освоить процесс кормления сборища из двенадцати человек. До этого момента приходилось кормить не более пяти желудков, и то не повседневно, а за праздничным столом, по редким датам. Там ответственности никакой. Гости опрокинут

в себя несколько рюмок и останутся довольны. Кому не досталось вдоволь салатов, потом подъест из своего холодильника. Здесь же нужно кормить так, чтобы у мужиков силы не истощались вместе с погружением колонковых труб в глубину скальных пород, а после пайки переодеться в резиновый фартук и такие же перчатки до локтей и посуду помыть.

Всё получалось как надо: и люди сыты, и кастрюли с тарелками блестят, только родилась мысль, что она увлеклась какой-то дурной авантюрой, наслушавшись речей обаятельного болтуна. Как-то вечером, когда безбрежный звёздный океан открылся в небесах и не слишком донимал мороз, она присела на ступеньку у двери бытовки-вагончика, рядом возник Мишенька, только что приехавший с дальней точки. Он показал, где на орнаменте небесного ковра можно увидеть узор затаившейся Большой Медведицы, и какая, из миллиарда звёзд называется Полярной. Она разволновалась от зашевелившегося в ней предчувствия, ощущения забытого сна, и чтобы превратить нахлынувшие невнятные мысли в практические заботы, оправдавшись холодом, поднялась и ушла на свою половину, где в одиночестве коротала эту ночь, потому что Ольга, потряхивая жёлтенькими кудряшками, укатила с буровиками куда-то в устье Мама, а может, на Витим. Когда объявятся, никто не знает. Здесь так. Перегородка напомнила о себе деликатным стуком, и жилища откликнулась. Появился смущённый Миша, до сей поры сюда заглядывающий только по совместным с Ольгой геологическим делам. Нынче нечто иное приманило. Сел на табуретку, опершись спиной о стенку. Сделали по глотку чая из белых эмалированных кружек, и Светочка доверчиво поделилась своими последними ощущениями:

– Мне вчера сон приснился – будто купаюсь в речке Мама, а она вовсе не замёрзшая, а от воды пар идёт. Потом ты мне помогаешь на берег выбраться. Укрываешь сухим одеялом, и мы босиком по снегу в вагончик бежим. Когда здесь одеваюсь и согреваюсь, то чувю, что беременная, и теперь мне нужно выносить и родить свою и твою кровиночку.

Замолчала, заметив его смятенный взгляд. Озабоченно спросила:

– Я сумасшедшей стала?

– Ах, Светочка. Вещие сны рассказываешь, значит, разлучаться нам больше не придётся.

Он прижал её голову к своему плечу, и они, ничего не осмысливая, торопливо устроились на узкой лежанке, где и случилась между ними полная слитность до рассвета.

Дышали одним вздохом, сон их не брал, переживая обоюдную нежность, сознавая, что это чувство не пропадёт, не исчезнет между ними до самого конца блуждания по просекам и проспектам. Вот она, какая, оказывается, любовь бескорыстная. Они перестали ощущать себя одинокими.

Не только в эту ночь, а пока топчутся по земле. Домик строить нужно на двоих.

Когда в лучах якутского солнца озолотилась рассеянная в бытовке редкая зимняя пыль, пришлось подниматься для дневных дел. Душа его упрочилась, и стало радостно оттого, что теперь возможно вручить ей подарок: своё тугое, надёжное сердце, ещё вчера бывшее вялым и нерешительным. Одновременно

поняли, не обмениваясь словами, что неведомая сила наделила их тем самым мгновением счастья, которое больше не повторится, как промелькнувший хвост кометы, единожды увиденный в ночном таёжном мраке. Зато есть душевная надежда, что праздник продолжится. Сегодня решала работа. Шустро собравшись, Мишенька влез в кабину «Урала» и укатил на берег речки Ципа, на скважину, заверив Светочку, что вернётся через сутки. Взгляд её светился уверенностью, пока не потащились третьи сутки его отсутствия. Понимала: произошло что-то непредсказуемое. Узнала от буровиков, что сломалась машина, ночует бригада в вагончике, кормятся прихваченными запасами. Ремонтники технику, не хватает каких-то железяк.

Бурильщик Федя, как-то забирая свои миски с ужином, глянул на её унылое, посеревшее лицо, решил ободрить женщину.

– Да, не убивайся так, Света. Всё путём будет. Мы на днях в тех местах тоже бурили и чуть ли не с поверхности нарвались на гранит палеозойский. Скала натуральная. Три дня двадцать метров долбили, пока нам другое, новое долото не подкинули. Михаилу Сергеевичу есть где ночевать и чего пожрать. Каждый день по спутниковому телефону с начальником говорит. Завтра им запчасти привезут, на днях встречайте удальцов.

Хотелось слушать утешительные слова спокойно и равнодушно, как и положено независимой женщине, но её взгляд оживился. Она доверчиво улыбнулась Феде и, оставшись одна посреди своих декораций из кастрюль и баков с жирными потёками, почувала, что в ней зарождается доселе неведомая тоска по Мишеньке. Это уже не театральное представление, а натуральная забота с переживанием, пока быстротечным, как сегодняшняя шутейная метель, покружившая до полудня и сменившаяся солнечным небом. Приблизился смысл женской жизни.

Проснулось желание ночами слышать его вздохи, чують запах тела, а днём слышать речи. Одиночество пока не превратилось в болезнь, которую лечить нужно непременно, но худо ей точно стало. Облегчение после разговора с Федей она нашла наутро, услышав, как, завтракая, начальник партии Пугачёв договорился с водителями, что доставить Мише нужные железяки удобнее всего на паре снегоходов. Слух её весьма обострился, и она узнала, что сегодня снегоходы попрут с нартами, и местечко там для неё точно найдётся. Причина и повод есть – подкормить героев буровых работ по месту их геологических подвигов. Когда Пугачёв сунулся к раздаче за добавочной кружкой чая, она ему объявила:

– Емельян Иванович, вы бы меня отправили со снегоходом, буровикам свежего борща и компота в термосах подвезти. Здешних едоков тоже не обижу – оставлю на морозе три котла. Со щами, кашей и компотом. Разогреть всегда сможете, а завтра к вечеру я обратно объявлюсь.

Начальник изумлённо на неё вытаращился, но Света после паузы речь продолжила: – Мне нужно навестить ударников, потом всё поймёте.

Он кое-что понял и невозмутимо отвечал:

– Ну, делай, если так надо – место в нартах найдётся. Рулит Федька, я ему скажу, чего надо, а ты собирайся, а свои здешние котлы Сашке передай. Он три дня отдыхает от геодезии, пусть, значит, жратву греет. Я его вразумлю.

А ты, смотри, осторожней там. Под себя что-нибудь мягкое постели – ватное одеяло или телогрейку ненужную, не то булки свои на кочках поотшибаешь, а они тебе и ухажёру твоему ещё пригодятся.

Молодая порозовела от смущения, но вняла и вскоре тряслась в нартах, вцепившись в бортики. Удары снизу немного ослаблялись сложенным вдвое бушлатом. Нартами здесь прозывали пластиковое чёрное корыто, заваленное кучей груза, нужного застрявшим на берегу Ципы геологам. Позади, в пределах видимости, на таком же снегоходе, только без нарт, елозил долговязый механик Денис, на которого периодически оглядывался Федя или сама Света. В одиночку здесь, по снежной равнине, пробираться нельзя: мало ли какая оказия может случиться... Редколесье, окружающее жилой лагерь, незаметно исчезло, и вокруг простиралась натуральная якутская тундра, с присыпанными снегом кочками и ямами. Мелкие сосенки и ёлочки торчали одиноко. Света всё ощущала впервой. Раньше подобное могла видеть лишь по телевизору, в каких-нибудь познавательных программах, да и то в детстве, потому, что нынче подобное предъявляли очень редко. Чужими приключениями шибко не интересовалась: они не соприкасались с её существованием. Сегодня любую ямку и кочку чуяла своим телом, впервые в жизни вдыхая сухую морозную чистоту, наблюдая, как солнце освещает местность с высоты деревьев над горизонтом.

Снегоходы уверенно несли людей, оставляя за собой характерный рубчатый след – тропу. Зимние дни резвы. Когда солнце совсем склонилось к закату, успели до места, куда стремились. Недалече от жилого вагончика тарахтела буровая, горел костёр, вокруг которого на лапнике, застеленном брезентом, лежали или сидели люди. Процесс шёл – долото вгрызалось в кембрийский гранит, а терпение буровиков было беспредельным, как тундра. Снегоход встал. Светочка поднялась на занемевшие ноги, чтобы всех опознать, хотя тряслась весь день только из-за Мишеньки. Он объявился неведомо откуда, словно видение, учтиво подав руку для удобного выхода дамы из корыта. Она с удовольствием приняла услугу, и это не было игрой.

Приезд Светочки на снегоходе не удивил его, он воспринял событие обычным, бытовым. Ребята подсутились – выгрузили ожидаемые запчасти и Светочкины неожиданные термоса с борщом и компотом. Освободили полвагончика, разделив его неведомо где найденной шторкой, и все умялись на другой половине. А как иначе – к начальнику баба прикатила, надо потесниться, потерпеть немного. Миша, заметив эти переселения, невнятно ругнулся, но спать всё-таки улёгся в одном закутке с ней, на отдельном топчане. В голове заиграл любовный мотив, однако он его умирил. Не место здесь для плотских утех. В темноте шёпотом спрашивал, как она дорогу стерпела. Слушал её азартный рассказ о песцах и оленях, подсмотренных на снежной равнине, признание, что она верила в их сегодняшнюю встречу.

Впервые вслух назвали друг друга Светочкой и Мишенькой, и это произошло естественно, без удивления. Хотелось укрыться одним одеялом, и с трудом себя уладили. Если решили, что здесь нельзя, значит, так нужно. Утешились, что ещё будет у них времечко и местечко для телесной нежности, и вздремнули. Подсобила дневная усталость, оказавшаяся полезной.

Долгое северное утро незаметно перешло в быстрый день. Тусклый и полезный. Миша пристроил по делу железяки, приехавшие между ног Светланы. Она наварила похлёбки для всей оравы на грядущие пару-тройку суток, а когда Федя объявил, что домой пора, погладила по щеке своего мужчину, уместилась в привычном гнезде и, налюбовавшись заснеженной тундрой, в сумерках хозяйничала в своей базовой кухне. Замутила тесто-опару на завтракный хлеб, увидев, как за ужином мужики терпеливо грызут сухари. К персональным театральным действиям больше не влекло – хватало с избытком настоящих событий.

Через несколько дней возникла из ниоткуда геологиня Ольга – прямая и негнущаяся, словно колонковая труба, которой всё нипочём. Для достижения цели несущественно, что вокруг: погодная жара или вечная мерзлота в скважине. Сейчас её главной целью стало привлечение Миши к себе. Их давние дружеские и профессиональные отношения, вдруг приспичило перестроить так, чтобы он неудержимо захотел её тепла и тела. Время, видать, подоспело. А он привёз повариху Светку, которую, по слухам, и ласкает порой. Может, вовсе и не по слухам, а наяву, поскольку у этой кухонной дамочки всего женского хватало с избытком. Сравнима разве что с «Купальщицей» Венецианова, а не с буровой трубой. Женское чутьё подсказывало Ольге, что сперва нужно соперницу заклинить, а потом самой братья за дело. В ней поселились тоска и желание, ранее неведомое. По технологии – площадку расчистить от снега и хлама, после этого можно и забуриться. Она была и будет женщиной, но сегодня случилась затаённая схватка.

Как бы невзначай, за вечерней кружкой чая, она доверила Светлане, как подруге, тайну своих цветочных отношений с Мишей. Будто они не просто живут в мечтах о полной близости, но порой такую деликатную картинку воплощают в реальности, мгновенно используя изменение жёстких полевых условий в свою пользу. Мысли Светы заблудились в привычных предметах бытовки, а глаза без цели блуждали от одного до другого угла. Она молчком сидела на табуретке, крепко сжимая забытую кружку, иногда вздрагивая, словно от неожиданного мороза. Итогом интимной болтовни получились незаметные подвижки в её душе, которых Ольга не могла предвидеть: Светочка не разлюбила Мишеньку, а тихо возненавидела колонковую трубу. Бабу интуиция подсказывала, что всё услышанное этим вечером есть лукавая выдумка. Она только потерялась в днях недели, да это и неважно. В поле часто никто с точностью не сможет зараз выдать, какой сегодня день: среда или суббота. Потом, в городах, чётко обозначается календарь, а сейчас выходные либо вообще не устраиваются, когда работа прёт, либо сами приходят, если дикая непогода или другие непредвиденные обстоятельства. Повариху это не касается.

Скоро в стойбище объявился Мишенька, отработавший свою Ципу, Светочка смотрела на его вдохновлённое лицо, подавая тарелки с ужином, и не находила в себе былой искренности – на дне души плескался некий мутный отстой. Славно улыбалась, насколько позволял отравленный рассудок, говорила задорно и приятно, но всё-таки появилась скрытая яма зла и фальши, мешающая безмятежно двигаться по выбранной тропке. Мишенька ощутил еле уловимую перемену в настроении своей женщины и замаялся: в чём причины? Так и не узнал – полевые дела вновь развели участников не состоявшейся

якутской драмы. Помусорив на базе, Ольга унеслась дорабатывать свой участок, а молодые обрели возможность спать вместе в одном закутке вагончика. В первую же ночь скверную ямку преодолели, даже не шибко напрягаясь, и после не вспоминали.

Другая передряга, прочно связанная с тотальной телефонизацией планеты, вскоре подстерегла Свету. Двоюродная сестра Таня, на чей пригляд была оставлена томская квартирка, сообщила ей по сотовой связи о неожиданной опасности, нависшей над скромной жилплощадью. Недолгий Светин муж, имевший там прописку и даже ключ от двери, узнав о её долгом северном воюе, замутил какие-то обменные дела, и чем всё это закончится, бдительной приглядчице сейчас непонятно. Присутствие Светы как официальной владелицы сейчас просто необходимо. Много слов сказала Таня – недоуменных и упрекающих Свету за бесшабашность в отношении родительской квартиры. Сеанс связи завершился обещанием Светы вскоре объявиться и разобраться с этими странными делами.

Третий месяц топтала она вечную мерзлоту Якутии, и Миша договорился с томским начальством об отправке поварихи по житейской надобности в условия сезонной мерзлоты Западной Сибири, с последующим возвращением на обжитое рабочее место. Работы оставалось ещё на полтора-два месяца. Исхитрились доставить её в родные края самолётом из Якутска. Экспедиция оплатила. Так быстрее и солидней, нежели железной дорогой. Потрясение произошло в собственной квартире, где она встретила с полицейскими в загадочных хлопотах. Объяснили, что её родственница сегодня в полдень доставлена отсюда в ОКБ с ушибленной травмой черепа. Пожилой задумчивый дяденька в элегантном костюме и молодой румяный красавчик в полицейской форме строго заверили, что следствие на верном пути и скверные люди, изувечившие гражданку Корнилову, без сомнения обнаружатся и понесут заслуженное наказание по закону.

Она поехала на окраину города в больницу и нашла там свою сестрицу в палате-травмочке, уже пришедшую в сознание. Глаза мутные, губы распухшие от сильных лекарств, напичканных в тело. Плотная повязка на голове и рядом с койкой булькающая капельница на штативе. Речь невнятная, но слова разобрать можно. Света поняла, что озабоченная Таня открыла дверь своим ключом и увидела в квартире двух мужчин, нависших над бумагами, разложенными на столе. Одного узнала – это бывший Светкин спутник жизни Валерик, а другого раньше не встречала. Таня принялась громко выяснять, чем они тут занимаются, и получила от Валерика удар по темечку тяжёлой вазой. Больше ничего не вспомнилось. Видимо, квартирные дельцы убежали, не закрыв дверь. Бдительные соседи, услышав необычный шум, заглянули в приоткрытое жилище, и это закончилось «скорой» и больничной подушкой для повреждённой Таниной головы. Разговор оборвался, когда два крепких юноши в голубых костюмчиках под предводительством медсестры укатали больную на той же кровати, где она лежала, в операционную. С колёсиками оказалась кровать. Всё продумано и отлажено.

Ночевать Свете пришлось в собственной квартире – другого варианта не нашла. Долго маялась в дурной полудрёме, пока не всполошил звонок из те-

лефонной трубки, лежащей на стуле рядом с кроватью. Незнакомый мужской голос, изображавший дружескую озабоченность, советовал не вникать в текущие квартирные проблемы и поскорей убираться туда, где торчала последнее время. Иначе её здоровью станет много хуже, чем нынешнему сестринскому. Светлану не обидят, если она поведёт себя как послушная девочка и не полезет, куда не следует. Не послушавшись, она утром полезла в угрозыск. Принял её в своём кабинете уже чуть знакомый элегантный пожилой человек, оказавшийся следователем. Рассказала о ночном непонятном разговоре и спросила, совсем по-дочерински, как быть дальше.

Его отеческим ответом стало появление вдоль стены троицы молодцов, среди которых она узнала Валерика, совсем недавно бывшего своим, ныне ставшего совсем чужим. Одет в приличный костюмчик, однако бурая щетина и растерянный взгляд парня, на дурняка заплутавшего в новом микрорайоне. Пыталась сказать официальным языком, освоенным в детективных фильмах, и вроде получилось:

– Крайний справа, в углу помещения, это Пахомов Валерий Геннадиевич. Мой бывший муж, с которым я в разводе с июня прошлого 2015 года.

Кому было положено, расписались в нескольких предложенных бумагах, и процедура закончилась. Все разошлись куда следует. Валеру увели в камеру, Света поехала в контору экспедиции, ставшей по-современному «офисом». Вновь пребывать в стенах, где чуть не убили сестру и подругу детства, духу не хватило. Объяснила, как смогла, свои дела начальнику экспедиции Суворову, явно озабоченному какими-то непонятными для неё проблемами, и он, выслушав этот рассказ, похоже, отодвинул их подальше, на пока, и даже оказался в довольстве, что стряпуха-молодуха ждёт от него помощи. Он подсуетился насчёт ночёвки в «общаге», рядом с «офисом».

Пожилая, дородная комендантша встретила Свету в фойе и, бегло глянув на её направление, скомандовала:

– Следуй за мной в конец коридора. На пару суток место найдётся.

В комнате с широкими полками хранились штабеля матрасов и подушек. В простенке скучала разложенная раскладушка. Тётяшка по-хозяйски вытащила из шкафа стопку постельного белья и окончательно разъяснила:

– Меня зовут Анна Петровна. Ты сама, милочка, укладывайся. Всё это постирано, поглажено. Туалет и душевая напротив, за дверью с буквой «Ж». Все удобства, как в гостинице.

Наконец улыбнулась:

– Вот ключик. Когда будешь выходить, занеси его мне. Я живу в комнате номер три, в другом конце коридора.

Утомлённая последними бессонными сутками, Света спала долго и крепко. Утром заскочила в душевую, и мощная струя прохладной воды быстро привела её тело и мозг к бодрости. Съела припасённый накануне пирожок и позвонила в больницу. Хладнокровный голос регистраторши объяснил, что самочувствие больной Корниловой после операции с наложением скобок на затылочную трещину нормальное и нужно подождать несколько дней, чтобы проявились все отрицательные последствия. Пока не стоит особо переживать, могло быть значительно хуже.

Как и было обговорено вечером, отдала ключик деловой Анне Петровне и с дорожной сумкой пошла в соседнее здание для разговора с начальником партии. Объявила господину Суворову, что готова вновь добираться в Якутию, кормить геологический народ, а здесь, в городе, ей жизни нет. Она ничего не исправит, от неё ничего не зависит. Нужна будет – вызовут. Связь телефонная сейчас везде имеется, свои координаты кому надо сообщила.

Начальник уважительно глянул на сидящую у окна барышню – распределила всё как следует. Без женской паники и хандры. Нашёл, значит, Миша, правильную бабёнку. Немного побурчал по внутренней связи, кому-то что-то растолковывая, и, кивая массивной головой, объявил:

– Сегодня к двум часам зайдёшь в бухгалтерию за своими командировочными. Твои декабрьские давно закончились. Завтра в восемь утра покатишь в Новосибирский аэропорт. Там в пятнадцать часов двадцать минут будет рейс до Якутска. Билеты на тебя и геолога Серёгу заказаны. Вместе полетите, чтобы не заскучалось. Путь неблизкий. Он читатель заядлый – может вслух книжку почитать, если желание такое будет. Всё уяснила? Ещё раз: в два часа дня чтобы здесь появилась, а завтра в восемь утра рабочий «уазик» помчит вас с Серёгой от общаги в Толмачёво, почти к посадочному трапу. Сами там оформитесь, чай, взрослые уже.

Усмехнулся напоследок по-доброму и на том прекратились заботливые наставления. Остаток дня у неё ушёл на неотменимые дела, а назавтра, как положено, летела над облаками в край, ставший нынче своим. Геолог-читатель Серёга, реально, весь путь земной и небесный листал книгу, но, глянув на обложку, слушать его чтение Свете не захотелось. Парень постигал учение православного философа Василия Розанова о смысле жизни, которое назвал «Цепь человеческой жизни».

У неё своих мыслей было невпроворот на эту тему – о неожиданном изгибе личной жизненной тропы, о связке телесной и душевной с Мишенькой. Откинувшись навзничь в самолётном кресле, под гул двигателей осознала, что её теперешнее состояние и есть натуральная любовь, потому что хочется не только своего удовольствия, но и уверенности, что ему сейчас хорошо и нет никакой беды. Тогда и ей будет по-доброму. Если всё-таки свалится на него горе-злосчастье, она всё сделает, чтобы это на двоих разделить. Вдобавок, её посетило неведомое доселе чувство, что она вынашивает в своём нутре дитя. Третий месяц пошёл, как с её организмом не случаются регулярные, привычные события, а сейчас, прислушиваясь к себе, она без врачебного осмотра, анализов почувствовала, что в этом году станет мамой. Для разума неведомое состояние, а для бабьей сути предусмотренное, дающее свою, никем не объясняемую цель. Всё вокруг приобрело значимость, доселе неведомую. Именно для этого она и явилась на этот свет из материнской утробы и выросла полноценной женщиной, готовой дать жизнь и выкормить продолжение своё и человека любимого. Ещё в ней обитала уверенность, что всё с ней происходит как нужно. Она известит об этом Мишеньку, а он соорудит для неё надёжное укрытие от никчёмных передраг. Сомнений нет. Она и сама справится, не пропадёт, а коли сошлись на одну дорожку, значит, надо вместе держаться без колебаний. Розанова не постигала, спорить не с кем и не о чем – у неё своя ны-

нешняя правда. Вся жизнь на их шарике определена как следует, от таёжного клеща до мозговитого человека. Она скоро выносит в себе такого человечка и выкормит собственным молоком.

Притомившись чтением, Серёга нечаянно глянул на Свету и подивился вдохновением её лица, обращённым в иллюминатор, за которым кроме кучерявых облаков и редких синих просветов ничего не виделось. Значит, нечто своё испытывает, для него недоступное. Прилетев в Якутск, успели залезть в автобус и в сумерках добраться до Бодайбо. По телефону сообщили на базу о своих дорожных делах и получили от Пугачёва указание-пожелание дожидаться машину на местном автовокзальчике до утра.

Заведение оказалось невеликим кирпичным домиком с амбразурой билетной кассы и не работающей камерой хранения. Отправились в ближайшую столовку, а вещи доверчиво сложили в угол, предупредив тётеньку в билетном окошке, что скоро вернутся и надеются на её бдительность. Больше никого в помещении не усмотрели, и уверенность в сохранности скарба казалась им обоснованной. Напрасно. Вернувшись сытыми, не нашли Серёгиного рюкзака и сумки Светы с запасной одеждой. Зато уцелел мешок с железяками, которых дожидался механик, как праздника жизни. Тётка из окошка вяло выговорила, что вещи сторожить не обязана, а пока они где-то наедались, здесь маячили три мужика, билетов на автобус так и не купивших.

Свету и Серёгу теперь объединяла общая напасть, и мысли стали даже сходными. Узнали у первого встречного милиционера, где местное РОВД, и туда притопали. Рассказали о своих злоключениях дежурному лейтенанту с круглым и прижмуренным якутским лицом. Внимательный и добродушный, он помог написать заявление с перечнем украденных вещей. Пока всё это оформляли, как положено, за окном стемнело, и возник новый вопрос: где ночевать? Тётка с автовокзала их предупредила, чтобы на их хоромы не рассчитывали. Последний автобус будет в одиннадцать вечера, а после всё запирается до утра.

Милиционер учтиво предложил занять нары в пустующей клетке. КПЗ называется – место для пьяных и временно задержанных правонарушителей. Эти апартаменты сегодня пустуют и вряд ли найдутся претенденты в смирном городке. Люди, как положено, каждый вечер спать готовятся по своим домашним кроватям. Если сегодня выпившего доставят, дежурный найдёт закуток, куда такого безобразника на ночь затолкать. Переглянулись и закивали головами, соглашаясь на этот вариант ночёвки. Две просьбы-условия Серёга всё же высказал:

– Покажи, где здесь у вас туалет, и на ключ не запирай. Вдруг ты тихий озорник, мы же не знаем.

Платон, так звали дежурного, шутку оценил, посмеялся и бросил огромный ключ на стол.

– Это от двери КПЗ. Можете при себе держать, или сами закрыться. Там рука между прутьев пролазит и до замка достаёт с коридорной стороны. Я покажу, как это делается.

Путники отказались. Самим себя закрывать в милицейской клетке – просто бред.

Кража вещичек проезжих людей – это какое-то невиданное в здешних краях происшествие, вроде цунами, землетрясения или падения метеорита. Все знают, что такое где-то случается на Земле, но никто никогда этого не видел – очевидцев нет.

Платон им выделил относительно чистые матрацы, подушки и армейские одеяла, попутно успокоив насчёт вошек и клопов:

– Гадов мы вытравили три дня назад. У нас эти процедуры неперенные и регулярные.

Другие вынужденные постояльцы, доставляемые местной патрульной службой, такой роскоши не знали. Серёга помог ему притащить всё из кладовки и побежал на автовокзал за оставленными там запчастями в мешке. Когда всё приволок, они довольно удобно устроились спать на застеленных нарах, каждый у своей стены, заляпанной раствором, словно кидали его когда-то с расстояния нескольких шагов, но выравнивать и заглаживать не стали. Договорились с душевным якутом, что он их разбудит в семь утра. Почти так и получилось, только подъём устроил другой дежурный, сменивший его на посту и получивший необходимые инструкции.

Рядом с кирпичной вокзальной будкой Света празднично узнала «свой» «Урал» с пыхтящим мотором. Около машины туда-сюда прохаживался Мишенька, притопывая от нетерпения и изрядного мороза. В тёплой кабине не сиделось. Сегодня ночью он сам сел за руль, чтобы ранним утром встретить их на окраине Бодайбо. Мёрзлыми губами аккуратно приложился к женской застывшей щеке, приобнялся с Серёгой и через несколько минут они катили по трассе. Рассвет здесь ожидался не скоро, и включённые фары помогали держаться в колее, не упускать частых, хотя и не крутых поворотов. Светочке хотелось сказать Мишеньке о важном изменении в её организме, но она терпела, потому, что рядом сидел чужой человек, посвящать которого в эти тайны неприлично. Рассказала лишь о покраже, случившейся на автовокзале, и посетовала, что она осталась без запасных одежек.

Миша решил тормознуть в Кропоткино, у тряпочного магазинчика. Там барышня купит себе нужные вещички. Когда узнал, где они ночевали, чуть не влетел в сугроб на обочине. Впрочем, находчивость оценил:

– Ну, отныне вы настоящие полевики. Как в старой песне: «Нам нет преград на море и на суше...». Даже в тюрьме нашли себе удобный уголок.

Светочка продолжила с грустной усмешкой:

– В Томске мои квартирные передраги уладились, только сестра Таня в больнице оказалась с ушибом головы. Кого надо посадили, а я тут на себе нечаянно испытала, что это вполне уютное местечко для ночёвок.

Они ехали на запад, в ночную темень, но рассвет уже маячил в зеркалах заднего обзора. Край неба над соснами расцветал оранжевым светом. Солнце напоминало людям о своём ежедневном, отрадном появлении. Светочка знала – пока в их жизни рулит Мишенька, всё будет как следует. Скоро она станет матерью, приложит к груди их дитя и станет его кормить своим молоком, а её суженый, ставши отцом, позаботится, чтобы тепло, сытость, а значит, и уверенность в завтрашнем дне не пропадали для его семьи.

По её мысленной причуде он сейчас управлял вовсе не тяжёлой машиной, двигаясь по болотистой лесотундре, а лёгким парусником, уносящим их в за-

предельные дали южных морей, и на горизонте отчаянные глаза увидят песчаный берег с кокосовыми и банановыми пальмами. Она верила, что именно так произойдёт.

7.07.2023 г.

Сергей БАРАНОВ

ОТРОК

ФРАГМЕНТ РОМАНА «НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ»

С тех пор, как воин доставил отрока в юрту со знатными пленными, они больше не виделись. Чувство благодарности в юноше было замещено чувством обиды, которую он наложил на воина, добывшего ему свободу от рабства. Он сидел возле двустворчатой деревянной двери в туркменскую юрту, где они обитали. Изнутри слышалось ворчание старухи.

Отрок грустил, вспоминал своего верного алабая¹. Несколько лет назад отец подарил ему щенка снежно-белого цвета, мягкого и шерстяного. Оба обрезанных уха и один глаз его были прикрыты чёрной шерстью, как шапкой и глазной повязкой, что делало его морду отчасти миловидной, отчасти грозной. Он улыбнулся, вспомнив о том, как намывал пса, который из-за своего игривого характера был постоянно вымазан грязью, как он вычёсывал его длинную шерсть, всегда серую от пыли. Теперь Аю² вырос в настоящего сторожа, но охранял он не овец, как его сородичи, а его, отрока, всюду следовал за ним. Со своей пышной полукруглой гривой и криволапой уверенной поступью он действительно напоминал медведя. Волки, едва завидев его, трусливо спешили убраться в свои убежища, ибо он был больше них, сильнее и свирепее. Ах, этот белоснежный пёс с мудрыми глазами и чёрным носом, напоминавшим говяжий язык.

Отрок осекся. Зачем, зачем он подумал о говяжьем языке? Теперь он вспомнил о страшных угрозах налётчика, о том, что пёс его мог стать нечестивым ужином для нового хозяина и его шайки. Отрок застонал от обиды.

Снова до его ушей донеслась ругань старухи. Она, видно, гоняла своих молодых подневольных прислужниц. Мало ей было того, что все они находятся в плену! Нужно и здесь показать свою властность, привычку командовать, вместо того, чтобы по-матерински утешить детей в общем горе. Так нет, она каждый час по несколько раз жаловалась на свою горькую судьбу, на страшный рок, на наказания за грехи, где роком и наказанием были не сколько позор и тяготы неволи, сколько общество, в которое это сиятельная старуха попала. Не стеснялась она и лупить девочек, которые подчинились ей, и тем самым показали, что не желают сопротивляться. Сейчас, вероятно, она запустила в кого-то то ли казанок, то ли поварёшку для перемешивания кумыса. Послышался плач.

Отроку осточертела эта старая карга, но и ворваться в юрту, вступить за девочек он не смел. Слишком сильно было воспитанное преклонение перед старшими, кем бы они ни были. Он плюнул с досады и пошёл прочь от юрты.

1 Среднеазиатская овчарка.

2 Медведь (каз.).

С тех пор как его поселили там, под слово воина, приведшего его и обещавшего лично сообщить его родным о необходимости уплаты выкупа, отроку вручили кожаный значок, с которым можно было беспрепятственно передвигаться по лагерю.

Очень скоро он сообразил, что в их юрте было скорее тихо, нежели шумно, скорее мирно, нежели враждебно, скорее спокойно и безопасно. В лагере будто и не потухал солнечный свет. Вокруг было много огня от факелов, ламп, костров. Огонь от очагов виднелся сквозь оголённые остовы юрт.

В конце улочки, что была утоптана между нестройными, корявыми рядами разнообразных кибиток, походных шатров, бедняцких палаток и дырявых навесов, виднелась юрта побольше и побелее. Почему-то к ней направил свои стопы отрок, так как идти в обратную сторону, в поисках своего пристанища, он уже отчаялся. Внезапно, откуда-то сбоку, он не видел точно, огненную полутьму озарила яркая вспышка. Это человек изрыгал изо рта обильную слюну прямо на факел, от чего тот возгорался пламенем. За человеком шла целая ватага. Один на каких-то ходулях возвышался над всеми. Шёл он, словно громадная корявая саранча. Другие люди были с разукрашенными страшными лицами, с высокими, нелепыми шапками на головах. С ними в пляске шли женщины, одетые в некие монетные полосы, они звенели и смеялись неестественно громким, визгливым смехом. Были там и музыканты или их подобие. Никогда ещё отрок не слышал столь отвратительных звуков, издаваемых их дудками, барабанами и глотками.

Каким-то варварским войском, внутри другого, этот вертеп прокатился сквозь лагерные ряды и стал постепенно смолкать вдалеке. Нынешний шум тысяч ртов показался отроку милым и домашним после страшного грохота фиглярского похода.

Перед собой он увидел нескольких бородатых мужчин, с виду солидных, чистых, что уже удивляло. В подпоясанных добротными кушаками халатах, со смиренно сложенными под грудью руками, они шли в одном направлении. По пути к ним присоединялись другие мужчины и мальчишки. Отрок пошёл за ними.

Этот отряд привёл его на настоящую ярмарку, вроде походного восточного базара, и тут же рассеялся в разных направлениях. Здесь же оказались давешние фокусники и артисты. Вокруг помоста, на котором расположился их балаган, бродили женщины с колокольчиками и монетами на платях. Одна из них подошла к отроку в упор и задела обвисшими, полуголыми грудями его нос. Он подался назад, а она засмеялась, обнажив чёрную дыру беззубого рта. Эта наглая горгона натурально обыскала отрока, прощупала всё тело и, не найдя ни монеты, с презреньем оттолкнула его прочь.

Издали он увидел, как на помосте высокий мужчина в одной набедренной повязке вонзил себе в рот меч. В этом адском котле отроку уже ничего не казалось невозможным, он блуждал, будто во сне. Но когда мужчина вынул длинный, тонкий меч обратно и поклонился толпе под одобрителный свист, всё же отрок открыл рот от удивления. Про себя он шептал молитвы, слышанные когда-то урывками: «бисмилляхи рахмани рахим, бисмилляхи рахмани рахим³».

3 С именем Бога Милостивого и Милосердного (араб.).

Толпа расступилась. В середине, в образованном коридоре, два молодца накидали углей, а сверху положили несколько прутьев добела раскалённого железа. Сомневаться в их подлинности не приходилось – жар стоял удушающий. Под крики зазывал перед этой страшной дорожкой появилась женщина, с коричневой кожей и красной точкой на лбу между глаз. Одета она была в полупрозрачное платье, срамное, не покрывающее даже её колен. Однако отрок сообразил, почему надо было так одеваться. С шипением женщина поставила ногу на раскалённый прут. Толпа охнула. Самые недоверчивые стали внюхиваться в воздух, пытаясь ощутить запах прожаренного мяса. Но вокруг по-прежнему стояла вонь от человеческого скопления. Женщина поставила на другой прут вторую ногу и пошла по ним. Когда путь был завершён, она спрыгнула с раскалённых прутьев и стала задирать ноги, показывая любопытным свои совершенно здоровые пятки. Медяки посыпались в мешочек, который любезно обносил вокруг мужчина с лицом, полностью обросшим волосами, как у зверя, так что невозможно было понять, то ли брови у него такие пышные, то ли борода: кроме воронок ноздрей и белков глаз было не различить ничего.

Ночь кошмаров для заплутавшего отрока продолжалась. Он поспешил отойти подальше от фокусников. Неподалёку собиралась ещё более пестрая, плотная толпа. Мальчик хотел протиснуться сквозь неё, чтобы выбраться хоть куда-то. Благодаря своей худобе и невысокому росту, ему это удалось, но вышел он не на улицу или открытое пространство, а упёрся в ограду, высотой по его лоб. Она представляла собой воткнутые глубоко в землю колья, подпёртые балками и соединённые между собой частой паутиной тугих арканов. Взрослым мужчинам, составлявшим собой толпу, перегородка была по грудь, так что они могли наблюдать то, что происходило внутри. Протиснуться обратно было уже невозможно, вокруг было полно народу. Пришлось отроку забираться по арканам, как по лестнице, наверх, не столько для того, чтобы полюбоваться зрелищем, сколько чтобы найти хоть какой-то путь к отходу.

Перед ним разостлалась небольшая песочная арена. Вокруг к ограде жались шумные, бородатые лица. Кто-то усердно жевал козлятину, кто-то харкал тёмной, коричневой слюной, третьи прикладывались к турсукам⁴ и жадно глотали содержимое.

Напротив него, с другой стороны округлой ограждённой площадки, было место для знатных наблюдателей. Там люди восседали по-восточному, на сложенных слоями подушках, курили кальяны с видом очень значимым, будто турецкие паши или багдадские шейхи. Отроку показалось, что сейчас на площадку должны выбежать райские гурии, чтобы соблазнительными танцами услаждать взоры этих высоких гостей – такое он слышал в какой-то сказке.

С правой стороны вдруг началось шевеление. Люди, облепившие ограду, стали расступаться. Послышался многоголосый гул, с приближением превратившийся в лай. Наблюдатели с того края поспешили удалиться, впрочем, без особого порядка. Вскоре место очистилось от толпы, и отрок увидел нескольких крепких мужчин, ведущих на поводу огромную собаку, с отрезанными ушами и отрубленным хвостом. Через особую калитку они вошли на арену.

4 Сосуд, сшитый из кожи. Обычно в него заливали кумыс.

Отрок никогда не видел такого пса. Ростом он был с юношу, весом пудов в шесть. Его удлинённую морду от основания носа и до кончика щеки пересекал шрам. Маленькие глазки бегали, как бы в поиске жертвы, злые и страшные. Мускулы собаки выпирали отовсюду, на ней вовсе не было жира, по бокам даже проявлялись рёбра. Видно, пёс был давно не кормленный. Он лаял и кидался в разные стороны, готовый загрызть любого, стоило только двоим индусам, его державшим, ослабить хватку.

Это был настоящий убийца, потомок молоссов, сотнями рвавших в клочья врагов эфирских⁵ царей и разрушавших своими стремительными атаками строй несокрушимых римских когорт.

Пространство за оградой возле калитки стали занимать другие псы со своими хозяевами. Выглядели они тоже свирепы, да не так, как адский пёс, стоявший на арене в ожидании своей добычи, будь то хоть тигр, хоть сам шайтан. Был там огромный пёс со львиной гривой, вдвое больше немаленького молосса, спокойно сидевший возле двоих странных, желтолицых и безбородых людей в красных платьях и с косичками на затылках. Была овчарка, крупная и злая, сдерживаемая мужчинами с пышными чёрными бровями и птичьими носами с горбинкой.

И тогда отрок заметил своего Аю, которого привёл давешний туркменский жузбасши⁶, который был вынужден отпустить отрока для выкупа, но пса оставил себе. Алабай был вял, сонлив. Его состояние совсем не подходило своей отстранённостью к кровавадной обстановке. Наверняка, подумал отрок, проклятый налётчик то ли перекормил пса тухлятиной, то ли издевался над ним другими способами. Однако хорошо было уже то, что Аю жив и не съеден, как грозился туркмен.

Молосса отволокли в сторону и крепко держали. На середину арены вышел одетый в дорогой халат и кожаные мягкие сапожки холёный узбек, по всей видимости, из оседлых. Отрок кое-что понимал из его речи.

Предстояла битва, люди хотели зрелища. Узбек растравливал толпу, подуживал, расшевеливал интерес, рассказывая о превосходных качествах пса индусов. Это был опытный, проверенный на рынках Бухары боец, с чистым послужным списком. В его нестигаемых челюстях, под его смертоносными когтями и точёными клыками только на аренах погибло более десятка псов. Далее он стал сетовать на то, что нет среди всего могучего кокандского воинства храбреца, готового выступить против страшного индийского молосса.

– Может быть, подданные богдыхана хотят выставить своего бойца? Нет? Тогда, может, горцы выставят своего храброго армянского волкодава? Нет? А ты, жузбасши? Хочешь попытать счастья? Вижу, твой алабай совсем дохлый! В нём как раз довольно мяса, чтобы наш фаворит перекусил! Ха-ха!

Отрок был в ужасном состоянии. Его то оттирали от ограды, то толпа снова несла его обратно. Забраться вновь по арканам, чтобы посмотреть на своего Аю, кликнуть его, поддержать, никак не удавалось. Его грубо отпихивали, пинали, отвешивали подзатыльники, чтобы не болтался под ногами. Всем суще-

5 Мастифоподобная порода собак, выведенная в Древней Греции. Царь Пирр Эфирский применял отряды боевых молосских псов в битве при Гераклее.

6 Сотник (каз.).

ством отрок стремился к арене, к единственному близкому существу в этом жутком людском муравейнике.

Казалось, всё проклятое кокандское войско собралось там, чтобы посмотреть, как матёрый, подготовленный пёс растерзает его уставшего друга, потерявшего вместе со своим хозяином волю к жизни.

Прогремела барабанная дробь, звякнул гулкий удар о бронзовый гонг. Толпа засуетилась и в спешке, монолитно, двинулась к арене. Отрок уже не смог так просто прорваться к ограждению – все стремились занять место, чтобы посмотреть на поединок. Отрок уже не видел, как истекал слюной и гадко рычал фаворит, всё ещё сдерживаемый двумя мужчинами.

Это был великолепно обученный боец, выдрессированный лишать жизни других псов. Много сил и монет было вложено в его воспитание. Ещё больше времени – века – потребовалось, чтобы создать путём скрещиваний разнообразных боевых, охотничьих, пастушьих пород, этого страшного зверя. У отнятого от матери щенка немедленно начинали развивать инстинкты убийцы, терзали его голодом, развивали злобу и ненависть ко всему, кроме человека. Особенно натаскивали его против своих собачьих сородичей, натравливали его на других псов, послабее, либо держали на привязи, измождённого голодом, в то время как другая собака лакомилась сырым мясом у него на глазах. Много потешных боёв он провёл ещё будучи щенком, научился хитрости, приобретал умение сильнее хватать зубами, правильнее, большее работать когтями, изучал наиболее уязвимые места для укусов в районах шеи и живота. Его развивали, заставляли бегать, прыгать, плавать, жевать обтянутые индийским каучуком палки. Позже он загрыз несчётное количество крыс и бродячих псов, барсуков и другую мелкую дичь. Наконец он вошёл в возраст, в нём обнаружили великолепного боевого пса, и он стал выступать на боях, чем принёс несметные богатства своему хозяину и славу себе, как непобедимому. Он мог убивать собак всех известных в Азии пород.

Индийский молосс смотрел сопернику в глаза. Перед ним распласталась огромная туша казахского алабая. Он знал, что соперник силён. Но и только. Сам он гораздо более ловок, быстр, зубы его острее, когти забористей. Алабай имел длинную, плотную шерсть, хоть и потрёпанную. Давно он не исполнял своих прямых обязанностей по охране баранов от худосочных волков! Тем лучше. Ещё важнее то, что у соперника нет воли к жизни, к победе, ни к чему.

Прогудели три удара в гонг. На арене уже никого не осталось, кроме бойцов. Болельщики успели моргнуть, а когда открыли глаза, то увидели молосса, уже терзавшего алабая. Он не спешил, наносил удары, отскакивал, не шёл в длительное единоборство. Почувствовав вонзающиеся в его плоть когти и зубы, алабай задвигался, забегал в робких попытках избежать боли. У него не было цели выжить, вообще не было никакой цели с тех пор, как некого стало защищать. Да и не был он бойцовским псом, он был охранником, волкодав, пастухом, но никак не убийцей ради куса мяса и рукоплесканий возбуждённой толпы. И всё же, если бы ему перерезали глотку, он умер бы молча, спокойно, быстро. Так что он уворачивался, даже невольно отбивался, пока мог.

Кровь уже не текла – хлестала из нескольких ран, упрямо, методично наносимых в одни и те же места свирепым молоссом. Опытный, он понимал, что

не пришло ещё время для последнего броска, рано ещё намертво цепляться в покрытую густой гривой шею алабая. Он должен ослабеть, потерять кровь и силы, которых в этой туше было изрядно.

Псы сталкивались над землёй в прыжках. Слюна летела в разные стороны к пущей радости толпы. Дикие глаза фаворита вылезали из орбит, когда алабай таки цеплял его, но он тут же бросался в нападение, наносил три, пять ударов за один. У алабая кровоточили уже пасть, зубы и глаза. Толпа хоть и шумела, но очень почтительно, будто в присутствии муллы. Но на самом деле они прислушивались к каждому звуку. Лая не было. Только отчаянное и свирепое рычание, потом визг, всхлипы, клокотание, клацанье.

Оба пса устали, но алабай был обречён. Он шатался, хромал на все лапы, передвигался кособоко, норовил упасть ничком, чтобы немедленно быть убитым. И тут молосс собрался с силами. Он прыгнул в отчаянном, завершающем ударе и удачно вцепился в шею алабая. Тот повалился всей тушей и задёргал задней лапой. Молосс стал жевать, в каждом следующем движении челюстей приближаясь к коже, к жизненным артериям алабая, который уже не сопротивлялся. Дело оставалось за малым, ещё двадцать-тридцать хлопков пасти – и кончено. Индус это прочувствовал и перестал торопиться, вкладываясь больше в силу, в качество укусов, чем в скорость. Лапами он вдавливал тушу алабая в песок, не позволяя уже обороняться. И тут обрезанные уши алабая шевельнулись. Они уловили среди привычных уже шумов толпы знакомый, тонкий и отчаянный голосок:

– Аю! Аю!

Он не посмел даже шевельнуться, чтобы не упростить задачу молоссу, ведь одно лишнее движение – и тот достанет до вены. Он лишь вскинул глаза. И увидел своего хозяина, своего отрока, вжатого людской массой в арканы перегородки. И всё-таки он тянул через них руки на арену, кричал его имя и горько плакал.

Возможно, алабай Аю не нашёл бы в себе силы, если бы отрок сидел на спине у доброго мырзы, жевал сушёное мясо и подобно остальным радостно наблюдал бой. Но он был в опасности. Толпа могла его задавить. А алабай был обучен защищать.

Не ожидал молосс, что соперник воспрянет. Алабай привёл в движение все мышцы одновременно, резко, порывисто вырвал из челюстей сначала шею, а потом и всю тушу. Сразу же удивлённому молоссу на морду опустилась тяжёлая, будто батырский буздыган⁷, лапа алабая. Вторым ударом был оцарапан глаз. Молосс завизжал. Слишком рано он успокоился, надо было рвать, добивать, пока алабай лежал ничком. Это последнее, что он успел подумать перед тем, как могучие челюсти сжались где-то под его грудью и вырвали оттуда кусок мяса. Славный пёс, рождённый здоровым щенком, но воспитанный злым гладиатором, издох.

А пёс Аю был воспитан стражем. Он не мог знать правил проведения боёв. Его не натаскивали на других псов. Его учили охранять своего хозяина от всего, что могло представлять опасность. И теперь это была толпа. Он ринулся туда, где с распростёртыми объятиями находился наивный отрок.

⁷ Вид булавы (каз.).

Им не дали воссоединиться, иначе огромный пёс в прыжке опрокинул бы добрый десяток бородатых болельщиков, и одному Всевышнему ведомо, скольких бы перебил в попытке оградить своего хозяина от опасности.

Свистнула плеть, и сразу девять кровавых полос образовались на теле пса. Но он не упал, а только покачнулся, и продолжил свой бег к хозяину. Тогда в воздухе блеснул металл сабли.

Голова алабая Аю покатила по кровавой арене и остановилась рядом с трупом молосса.

Владимир МИСЮК

УЖЕ НЕ РАЗДАТЬ ДОЛГИ...

***

Дмитрию Кантову

Время быстрым пожаром горит.
И послушно становится старым.
...Мой отец самокат мастерит –
Две доски и подшипников пара...

Засыпается трудно в ночи.
(Никогда, никуда не вернёшься!)
...Мама звонко в окошко кричит:
«Не катайся так сильно, убьёшься...».

Я глаза закрываю и жду:
(Память клюнет легко, без приманки)
...Бабка с тляпкой в тенистом саду,
С папиросою дед у «голландки»...

...Три сестрёнки галдят за стеной,
Словно птичья беспечная стайка...
До конца остаётся со мной
Драгоценного времени пайка.

***

Ничего не осталось в запасе,
Только смутные, горькие сны.
Только девочка в утреннем классе,
Та, в которую все влюблены.

В безупречном передничке белом
У доски... И довольно... Молчок.
...Та, что пишет крошащимся мелом:
«Я тебя не люблю, дурачок...».

ОСЕННЕЕ ШОССЕ

1

Вот и осень встаёт на постой.
Утро. Солнце. Дорога. Мы двое.
Тополя в чешуе золотой
Заплывают в стекло лобовое.

2

Не печалься, зима далека.
Ты не бойся, потрогай, подруга,
Как на ощупь гладка и крепка
Тополей золотая кольчуга.

3

Ветер только словами сорит,
Понарошку ещё налетая.
Нестерпимо на солнце горит
Тополей чешуя золотая.

4

Да, пора листопада придёт.
Да, ветвей разожмутся объятья.
Тополиное злато спадёт,
Как монисто с цыганского платья.

5

Даже зная, что тоже умру,
Видеть осень земную так сладко!
Тихо-тихо шуршит на ветру
Тополей золотая облатка.

6

Подставляй же под руку плеча
И посмотрим, как мерно из вида
Исчезают, сияя в лучах,
Тополей золотых пирамиды.

ПРИСТАНЬ ИЗ ЮНОСТИ*памяти Ивы*

– Смотри, парходик отчалил...
И кажется пьяному мне,
Что наши с тобою печали
Увёз на дощатой спине.

Слова, не попавшие в лузу...
Твердишь, отмахнувшись рукой, –
– Боюсь, что подобного груза
Не сдюжить спине никакой.

Я всё понимаю, подружка,
Повинные плечи клоня...
Но, знаю, что в сумке «чекушка»
Твоей... И она – для меня.

***

*Памяти мамы,
Александры Михайловны*

Дождик на улице.
Падают капли,
О подоконник стуча.
В блюдце с каёмкой опасно сутулится,
Тает свеча.

.....

.....

Вот и последняя капелька звонкая...
Солнце опять воспарит.
Свечечка тонкая, тонкая, тонкая
Стойко горит.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

*памяти Родины —
Союза Советских Социалистических Республик*

1.
Кто же жизнь нашу прежнюю схрумкал?
Кто же всё и куда подевал?

Остаётся привычная рюмка
Да продавленный этот диван.

И по чьей вожденной потребе
Это алчное племя пришло?
Над Москвой в обезумевшем небе
Разгорелась табличка: «БАБЛЮ».

Хлынул Запад мгновенно в прореху,
По карманам звеня серебром.
И такая – галопом – потеха,
Что ни в сказке – пером-топором.

Незатейлива, в общем-то, думка...
Может, зря я её рифмовал?..
Но ведь кто-то же схавал и схрумкал,
И куда-то же всё подевал?

2.
Всё сильнее я стал замерзать.
Всё старей год от года.
Я не знаю уже, что сказать
И себе, и народу.

Да, Россия покуда жива.
Уравнение ж простое –
Разменяла нас мамка-Москва,
Но ведь мамка – святое.

Снова велено нам потерпеть.
Счастье – близко!
Только русскую песню не спеть
На английском.

***

Всё вроде бы хорошо.
Любой ерунде назло.
И дождь по земле прошёл,
И солнце опять взошло.

Ласкающий взгляд струит
Сквозь луч берегущий Спась.
И Русь на века стоит,
В которых не будет нас.

***

Солнце над Русью красное,
Но и на солнце – пятна.
Может, скажу напрасное,
Но повторю стократно:

Будьте друг к другу добрее
За караваем-чаем...
Капитализм – гоноря –
Лечится. Отвечаю.

***

Уже не раздать долги
Лежащим в земле сырой.
Я выпью на ход ноги,
А после – на ход второй.

И дальше пойду по жи...
Сквозь парные тьму и свет.
Тропюю привычной лжи
Вслед правде, которой нет.

***

Не умею ни жить, ни стареть.
И не знаю,
Как суметь в должный час умереть,
Не стеная.

Не узнал на немалом веку
Даже малость.
Как тоску прихватить, чтоб сынку
Не досталась.

И в котомку её запихнуть
Как-то мне бы....
И без дрожи в коленях шагнуть
В прах и небо.

***

...И юности щебет, и памяти клёкот
Со мной неизменно во время прогулок.
И капель тяжёлых размеренный цокот
В висках отдаётся тоскливо и гулко...

А ветер становится злее и злее,
В продрогшей насквозь равнодушной отчизне.
И я ухожу по пустынной аллее
Всё дальше от дома, всё дальше от жизни.

***

памяти Е. Кошкиной

В доме горит свет.
Водка, табак, еда.
Ленка, тебя нет...
Стало быть, никогда

я не дождусь звонка...
Но и босой по льду,
как бы ни далека,
время придёт – найду.

Помнишь, тебе бухой
я говорил – dixi –
Лучше твоих стихов
только твои стихи.

В доме погас свет.
Время встречать зарю.
Ленка, тебя нет...
С кем же я говорю?

***

Ничего я не понимаю
И, наверно, уже не пойму.
Снова женщину обнимаю,
В беспросветную глядя тьму.

Утро ночь по стеклу размажет,
За которым валит снежок.
На прощанье она мне скажет:
– Заскучаешь – звони, дружок.

И уйдёт, помахав рукою,
И сквозь снег промелькнёт в окне,
Оставляя меня с тоскою
Беспросветной наедине.

***

Жить на краю села.
К речке брести по тропочке.
Водку не из горла(!)
Пить, из гранёной стопочки...

В русскую даль смотреть
Зорькой рассветной раннею,
И не спеша стареть
До умирания.

Дмитрий ФИЛИППЕНКО**И В КОСМОСЕ ЛЕТАЮТ СВЕТЛЯЧКИ****СНЕГА**

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот – на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

***

Гнётся к воде загорелый рассвет,
Словно небесный телёнок.
Тянется времени прожитый след
Из васильковых пелёнок.

Тает в реке облепиховый свет,
Переливается с вишней,
Йети меж сосен ползёт силуэт,
Ёжики снежные вышли.

Ели уснули в зелёной нуге,
Пахнет травой земляничной.
Как же уютно в сибирской тайге,
Сказочно и гармонично.

***

Идёт по шахте человек,
Как будто в ней живёт.

И путь его длиною в штрек
Закончится вот-вот.

Свернёт на путевой уклон
И выйдет на-гора.
Стране свой первый миллион
Он выдал в шесть утра.

Идёт герой по ламповой –
Счастливый человек.
Он бригадир, он деловой,
Но жизнь длиною в штрек.

***

Подземный космос тоже по плечу,
Светильники мерцают, словно звёзды.
Начальник по фамилии Ткачук
Во всей вселенной сотрясает воздух.

Бурление космической реки,
Но не бывает здесь погоды хмурой.
Шахтёры – это значит мужики
Без пафоса, без шоу и гламура.

А дома жёны держат кулачки,
Подземных космонавтов ждут с работы.
И в космосе летают светлячки,
Роскосмос им не запретит полёты.

БАРАК

Я помню деревянный свой барак,
Посёлок Дачный. Детства акварели.
Трещало время, цвёл в стране бардак...
И как за десять лет мы не сгорели?

Троллейбусы шуршали за окном,
Наш дом трясло, но мы не замечали.
Сосед за стенкою по кличке Гном
Повесился от горя и печали.

Я вырос, у меня давно семья,
Своя квартира, во дворе осины...

Но помню, у дороги плакал я:
Сносили детство, мой барак сносили.

***

Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напьюсь... Судьба шахтёра.
Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матёрой.

Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни и без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром всё по новой.

Остановите шахту, я сойду.
И пересяду в мир с другою былью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.

***

Седое время, словно тёплый свет,
Ложится на продрогшие деревья.
Мы с электрички, нас встречает дед,
И мы летим в студёную деревню.

В саях солома, старенький тулуп.
Укутаюсь в него, чтоб не замёрзнуть.
А бабушка уже готовит суп,
Пельмени варит, всё у ней серьёзно.

Промчались тридцать деревенским зим,
Продали дом, и в нём живут другие.
Но снится мне – по снегу мы скользим,
И не напьюсь я этой ностальгией.

Ольга КОРТУСОВА

С ЧИСТОГО ЛИСТА

***

Свернулись калачиком кошки и тучки,
и после дождя распрямились пионы,
по синей дороге со мною за ручку
шагает весёлый ребёнок.

А синяя крыша у кирхи отмыта
и светится, греясь под солнцем;
и голубь, наверное, с третьей попытки
садится на скате подсохшем.

Всё в мягкой улыбке и холе, и неге,
как будто ещё в колыбели.

Растения в счастье пустили побеги,
цветочками заголубели.

***

Если в наших палестинах
вы окажетесь случайно,
то февральские грустины
будут явны изначально,

из печалей многолетних
прорастали семенами,
разрослись густые плети,
поливаемые нами
ежедневными слезами,
умилённою молитвой.
Мы взрастили это сами,
а пора бы срезать бритвой.

Но у нас живёт в подполье
смех и нежная решимость,
а при них стихают боли,
и, уже неустрашимы

прошлой памятью, смеёмся
и влюбляемся украдкой.
Так что в наших палестинах
скоро будет всё в порядке.

А когда насупит брови
память каменная, злая,
и опять меня изловит...
И рыдать меня заставит...

Что поделать, что поделать...
Это всё ещё бывает.
Но вчера поутру пелось...
Так что я не унываю.

***

Одиночество вечера волшебю сверкает –
снегом усыпано, воздух чист,
чёрный как занавес – раздвинь руками
и загляни за кулисы . И...
Нет, не рассказывай мне. Не надо.
Сказку на ночь с хорошим концом
читает вечер. Волшебное снадобье
для души утомившейся – сон
одинокого вечера. Спите, спите,
пусть вам пригрезится море , юг,
волны Балтики или Питер,
искорки снега, звеня, споют
о немислимом и неведомом,
в них откликается эхом кристалл
звёздный, призрачный. Что наши беды...
Пусть ты грустишь и устал –
вечер твой. Истиной полнится,
одет с иголки, рыбы теней
звонами серебристыми кормятся,
на освещённой его стороне.

***

С дородной важностью гусынь
сугробы улеглись вдоль улицы,
прохожие от солнца жмурятся,
и греют красные носы.

Студёно. В самой вышине,
с вершины неживой берёзы
вороны каркают серьёзно
о неизбежном, о весне.

Им сверху всё-таки видней,
к ним неба новости и вести

доходят раньше. Воздух жестью
лица коснулся. Холодней

и ярче . Жалости не зная,
мороз объятия смыкает.
На лапах ели мёртвый снег
черствеет в предпоследнем сне.

***

Попутал бес. И путает. Темно
на этом свете. Рождество наступит
через неделю. А пока в окно
заглядывают страшности и жути.

И на душе тревога без причин
волною зыбкой. Треплется тростинка
позёмкою, всё кажется, горчит,
и огорчает , всюду есть перчинка.

В весёлой шутке детской и простой,
и в баночке любимого варенья,
и нежности тяжёлой и густой,
и в сладкой глубине стихотворенья.

В туннель уходим с риском не найти
рассветный выход. Время тёмной силы.
Последний поезд, Господи, прости,
декабрьских нас, усталых и унылых.

И тени наши чёрные при нас,
сильнее нас, питаемые темью,
возможно, победят на этот раз,
а мы исчезнем навсегда мгновенно.

Весь этот бред, кошмары прошлых лет,
ловушки чувств и мысли бесовские,
источники несчастий, ссор и бед,
и будят страсти сплетни городские...
Ещё неделя тягости и зла.
Всего неделя неблагодеяний.
Она по меркам вечности мала.
По меркам межпланетных расстояний.

***

А знаешь ли ты, что вещи
помнят и узнают,

точно ручные звери,
которым ты дал приют.

В них образ твой стародавний
остался, его не стереть,
и ты для них самый главный –
можешь любить и греть.

И, подчиняясь охотно,
старых обид не тая,
вещь проявляет кроткость,
поскольку она – твоя.

И в странном её послушанье
есть давнее волшебство,
я думаю: это тайна,
скрывающая родство.

Вещь – твоё порожденье
и продолженье твоё.
Желаний и сил сложенье
вещи воссоздаёт

из жизненной ткани. Ясно,
что ты – повелитель вещей.
Вот с этим всем я согласна.
Но зонтик в прихожей – чей?

****

Я просто эхо – не плача-смеха,
и плач порою приму за смех,
я только отклик – второй ? второе?
вторая скрипка? И да и нет.
Я блик и оклик, я отраженье
на водной глади, где блеск и дрожь.
И мне бы надо просить прощенья
у вас, у первых моих, за ложь,
за искривленье прямого стана,
и за размытость прекрасных черт,
я не смогу вам пропеть осанну,
вы не дождётесь прямых речей
благодаренья. Я то и это –
игра , забава, обман, фантом.
Но смело смейтесь, хохочет лето,
играя с рыжим своим хвостом.

****

И – с чистого листа...
Зелёный клейкий лист
ладошкой протянут для пожатья.
Из тьмы небытия , неведомого из,
проникший в жизнь , от ветерка дрожащий .

Трепещущий флажок на ветке одинок,
открыт для всех страницей для почтенья,
он изумрудный звон костром в себе разжёт
священным.

Всё с нового листа. И первая строка
даётся листиком на дереве весеннем.
Зазеленела вдруг у тополя рука,
и это – воскресенье.

***

Полощет небо облака крутые
в таёжной лёгкой речке небольшой
с живой водою, заросли густые
кудрявой зелени по берегам . Прошёл

недавно дождь. Нет, он не задержался,
мальчишкой голенастым ускакал
за горизонт и скрылся. Эй! до завтра!
Зудит настойчиво комарик у виска,

напоминая о своём , насущном.
А я смотрю на воду в облаках
и постепенно таю .Слушай... Слушай!
Что говорит бегущая река.

Как говорит. Взахлёб, слегка картавя,
ломая ритм, теряя всякий смысл,
как круглый камушек во рту катает,
бубнит ворчливо, огибая мыс.

Так в поисках словесных сочетаний
невнятицы слетают с языка,
и в тысячах осиновых листаний
есть слово, неизвестное пока.

Леонид ШЕЛУДЬКО

НЕЛЮБИМЫЙ

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1. ТАЙНА

Ваня Ладушкин мчался из школы домой с двумя свежими «пятёрками» в портфеле. Был день рождения мамы, и Ваня предвкушал, как она обрадуется. Взбежал по лестнице на четвёртый этаж, открыл дверь своим ключом, влетел в прихожую и отшвырнул в сторону тяжёлый портфель с драгоценными «пятёрками», чтобы поскорее скинуть надоевшую за день школьную форму. И тут слева, оттуда, куда полетел портфель, из-за прикрывавшей вешалку занавески, взметнув её, рухнула высокая подставка для цветов. И ваза, любимая мамина ваза тонкого чешского хрустала. И букет прекрасных белых роз, неизвестно где раздобытый вчера папой. «Ну, Ванюшка, куда мы эту красоту спрячем, чтобы мама раньше времени не увидела?» Вот и спрятал... Ваня глянул на мокрые, смятые падением цветы, на растекающуюся среди осколков хрустала лужу, не веря случившемуся, и закрыл глаза: «Не хочу, не хочу, пусть это будет сон, пусть это просто померещится!». А когда с замирающим сердцем открыл их, увидел обтянутую кожзаменителем дверь их квартиры, бронзовые цифры квартирного номера на ней, такой же бронзовый ободок глазка и пластмассовую кнопку звонка справа от двери. Кнопку, до которой он теперь дотягивался, только чуть-чуть привставая на цыпочки. Ваня аккуратно поставил портфель на пол у двери, не спеша достал ключи из кармана. Открыл дверь, перешагнул порог, аккуратно переставил с лестничной площадки в прихожую портфель. Заглянул за занавеску, увидел букет белых роз в вазе и только тогда закрыл за собой дверь, стараясь, чтобы даже защёлка замка сработала бесшумно.

– Что случилось, заюшка? – спросила мама вечером, проводив последних гостей. – Какой-то ты сегодня грустный. В школе проблемы?

– Нет, мамочка. Две «пятёрки» получил.

– Какой ты у меня молодец! А как себя чувствуешь?

– Нормально, мама, не беспокойся.

– Дай я тебя поцелую, чтобы крепче спалось, – она прижалась губами ко лбу сына, заодно проверяя поцелуем температуру – не приболел ли: – Спокойной ночи, заюшка.

«Было или не было – отлетевшая занавеска, грохот, звон и цветы в луже среди осколков – было или не было? Если не было, то почему я помню это, а если было, почему стало так, будто не было?» И даже когда уснул, устав думать об этом, ему снились белые розы – то в луже, то в вазе. Букет ещё неделю стоял в тонком чешском хрустале, пока мама не убрала совсем увядшие цветы в мусорную корзину. И случившееся с Ваней понемногу ушло в глубины памяти мальчика, начало казаться просто сном.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, родители подарили сыну велосипед, настоящий взрослый «Урал». Он учился кататься на прямых аллеях большого парка рядом с домом, любимого места прогулок и состязаний велосипедной компании окрестных дворов.

– А давай до конца, кто вперёд? – предложил однажды друг и одноклассник Мишка Уткин. Они стояли в самом начале сквозной аллеи, и Ваня кивнул головой, предвкушая азарт гонки. Привстав над сёдлами, друзья налегли на педали. Ваня вырвался вперёд, когда из поперечной аллеи, из-за прикрывавших её кустов акации, выкатилась девочка в нарядной белой блузке на изящной «Каме». Удар колеса тяжёлого «Урала» пришёлся в ногу девочки, и, уже падая вместе с нею, уже слыша крик её испуга и боли, уже бороздя по песку ладонями и чувствуя, как впиваются в кожу мелкие камешки, Ваня успел безмолвно, отчаянно воззвать: «Не хочу, не надо!». И услышал:

– А давай до конца, кто вперёд?

Ваня открыл глаза. Друзья стояли в начале аллеи, в нескольких шагах от входа. «Вон там всё это было, – он отыскал глазами злополучное пересечение аллеи, – или не было?» Глянул на ладони, которыми только что бороздил песок и камешки рядом со сбитой ударом его велосипеда девочкой. Ладони как ладони. Чистые и гладкие. Только где-то внутри затихает не боль даже, а смутное, похожее на мурашки ощущение. Было или не было?

– Ну что молчишь, наперегонки?

«Он же гнался за мной, должен был тоже в нас врубиться! Было или не было?» И ответил себе: «Для меня было. А для него не было. И для той девочки, наверное, тоже».

А вслух сказал:

– Людей много, Мишка, вдруг кто-нибудь выйдет, бабуля какая или девчонка, не успеем затормозить.

Они не спеша поехали рядом. Мишка что-то рассказывал, Ваня слушал его вполуха, пытаясь понять, что делать со своим открытием, и поэтому друг первым увидел, как из поперечной аллеи выкатилась на изящной «Каме» незнакомая нарядно одетая девочка:

– Глянь, Ванька, новенькая какая-то.

Девочка эта, Маша Красавина, скоро вошла в их велосипедную компанию, а с началом учебного года стала ещё и одноклассницей. К тому времени, когда начались занятия, Ваня знал, что делать со своим открытием. И, как только получил первую двойку за устный ответ – не нарочно получил, а просто потому, что так вышло, – тут же вернул себя в предшествовавшую уроку перемену, прочитал нужный параграф и заработал четвёрку. А заодно убедился, что двойка эта, полученная на глазах у всего класса, только у самого Вани и осталась в памяти. Сначала он обрадовался открывшимся возможностям: любые оценки можно исправлять таким образом на пятёрки, и никто ничего не узнает! Да что там оценки, после любой ошибки можно тут же вернуться и сделать так, будто её не было. И вскоре ему представился случай.

Они вышли из школы вдвоём с Мишей и заметили шагавшую далеко впереди Машу. «Догоним?!» – бросились мальчишки следом и когда, отталкивая один другого, догнали, оба грохнулись, сбивая один другого, на скользком по-

сле оттепели тротуаре. Маша оглянулась, но даже не замедлила шага, только посмотрела насмешливо свысока. Они встали, отряхнули друг друга. «Машка, а давай я понесу», – выпалил Миша и мягко, но настойчиво завладел её портфелем. Так они и пошли дальше: высокая, худенькая Маша, рядом с нею гружёный двумя портфелями Мишка, а Ваня, сразу показавшийся себе лишним при этой паре, в стороне и чуть сзади. «Ведь это я хотел у неё портфель взять, – думал он, – я, я, я, почему Мишка?! Не хочу». Он задержал дыхание и прикрыл глаза, а когда открыл их, увидел школьный коридор, не спеша идущего в сторону туалета Мишу и уже одетую, готовую выйти на улицу Машу у раздевалки. Быстро накинул пальто, кое-как на ходу нахлобучил шапку и догнал девочку:

– Маш, можно я понесу твой портфель? – волнуясь, произнёс он.

– Ну неси, – глянула она на Ваню с любопытством, – неси, раз охота.

Рядом дошли они до пешеходного перехода, слегка пробежались, чтобы успеть на зелёный сигнал светофора, и последние шаги к тротуару делали уже на красный. За их спинами зарычали, трогаясь на гололёде, стоявшие у перехода машины, и тут сквозь гул до слуха детей донёсся отчаянный скрип тормозов и негромкий удар. Они оглянулись. Шедшее по крайнему левому ряду такси наконец затормозило, из него выскочил молодой водитель, подхватил на руки пытающегося подняться Мишу и понёс к машине. Дверца захлопнулась, такси сорвалось с места.

– Ванька, – крикнула Маша, – портфель Мишки подбери, а я за ним! – И она побежала, куда умчалось такси.

Догнать её с тремя портфелями в руках Ваня не сумел, да и не портфели были тому причиной, а внезапно ставшие непослушными ноги. На скамейке у отделения травматологии, куда привёз Мишу таксист, Ваня представил себе, как, забыв обо всём, мчался за ними вдогонку друг, как кинулся он по переходу уже на красный, надеясь проскочить. И вынес приговор: «Это я виноват. Я. Я. Я». И только спустя немалое время, когда у Миши уже срослось сломанное ребро, до Вани дошло, что можно было попробовать оттуда, с пешеходного перехода, снова вернуть себя в школу, и пусть бы всё было, как сначала.

Однажды вечером отец вернулся домой расстроенным. В ответ на «ты чего такой, пап?» Ваня услышал: «Не люблю халявщиков. Никогда не будь халявщиком, Ванька, никто их не любит!». Ваня даже похолодел от стыда: неужели отец узнал тайну украсивших в последнее время дневник сына отличных отметок? Но за ужином папа начал рассказывать маме про какого-то знакомого ей Семихатова, которого он даже назвал Семихаповым: «Халявщик, ну и халявщик!», и Ваня успокоился: «никто не знает...». Но, подумав, решил, что честные «двойки» лучше фальшивых «пятёрок». И пообещал себе не использовать свой странный дар до самой последней возможности. А лучше вообще никогда.

Весь мир говорил о спасении экспедиции Тура Хейердала и посадке «Аполлона-11» на Луну, а Ваня Ладущкин с другом Мишей Уткиным готовились к поступлению в политехнический институт соседнего областного центра. Первый экзамен, устную математику, они сдавали вместе, и Миша, споткнувшийся на логарифмических уравнениях и от волнения забывший даже то, что знал, мокрый и бледный, сидел в коридоре учебного корпуса:

– Всё, кончились мои институты, даже не начавшись!

И тогда Иван без малейшего сожаления вернул себя в предшествовавший экзамену день:

– Миха, обязательно разберись, пока есть время, с этими уравнениями, по которым всегда плавал. Чует моё сердце – тебе с ними просто так не разойтись.

Они стали студентами, и на несколько лет дом друзьям заменила пятиместная комната общежития. Над их кроватями висели чертёжные доски, с одной стороны которых кнопками крепился лист ватмана с очередным чертежом, а с другой – портреты кинокрасавиц с обложки журнала «Советский экран». Их новые товарищи по студенческой группе и комнате в общежитии удивлялись дружбе таких разных людей. Начитанный, много, хотя и неглубоко знающий Иван, высокий, спортивно сложенный обладатель обширного запаса анекдотов на любую тему, даже внешне выгодно отличался от коренастого, по-медвежьи сильного Михаила, любившего больше слушать, чем говорить, а больше чем говорить – делать своими руками.

ГЛАВА 2. ТРУС

Первые два года студенчества дались друзьям очень тяжело. Ивану приходилось иногда применять, чаще для друга, чем для себя, «эффект возврата», как называл он теперь таинственный дар, уже не считая это нарушением данного себе обещания. Миша даже спросил его:

– Ванюха, откуда ты узнаёшь, где меня засада ждёт?

– Откуда-откуда, – уклончиво ответил тот, – кому ещё про тебя знать, с первого класса рядом....

– А-а-а, – протянул Миша, соглашаясь, что «с первого класса».

На третьем курсе учёба пошла ровно, а на четвёртом даже весело, и времени теперь хватало не только на неё, но и на кино, вечеринки, девушек. Нельзя сказать, что до этого они не интересовались девушками, но интерес этот был скорее теоретическим, чем таким, от которого сердце начинает гулко бухать в груди. Каникулы перед началом четвёртого курса друзья провели в компании студентки медицинского института, их одноклассницы Маши Красавиной. Гуляли втроём по родному городу, по аллеям того самого парка, где когда-то познакомились на велосипедных прогулках. Она шла между ними, и Ваня чувствовал запах волос девушки. Иногда Маша брала под руки его и Мишу, и тогда у Ладушкина начинала кружиться голова от прикосновения тонких нежных пальцев. В такие минуты он становился особенно говорливым, сыпал студенческими историями, действительными или только что выдуманскими, а Уткин, по своему обыкновению, усмехался и поддакивал иногда. За неделю до окончания каникул компания распалась: у Маши, а потом и у Миши обнаружили неотложные дела. В тот раз друзья впервые уехали из дома не вместе, и всю ночь в поезде Иван думал об оставшейся в родном городе Маше.

– Ванюха, выручай. – Артур Савицкий, высокий круглолицый парень из соседней комнаты, поплёскивая карими, чуть навывкате глазами, от взгляда которых краснели и знакомые, и незнакомые девушки, говорил, для убедитель-

ности положив ладонь на плечо Ладушкина. – Одного человека не хватает. До полной компании. Тебя.

Артур встречался с девушкой. И девушка пригласила его. На день рождения. На квартиру. Которую снимала. С тремя подругами. Но поставила условие. Привести трёх парней. Чтоб никто не скучал. Артур всегда изъяснялся короткими рублеными фразами. Был вечер субботы, других планов у Ивана не имелось, и он пошёл наводить на брюки идеальные стрелки.

В разгар вечеринки, когда Ваня, танцуя, обнимал за плечи соседку по столу, светловолосую, синеглазую Свету, которая сразу понравилась ему, да и он ей, кажется, тоже, в полутьме освещённой одним ночником комнаты раздался возглас Артура:

– Парни! Половина двенадцатого! В общагу ехать больше не на чем.

– У-у-у! – Семь возгласов сменились взрывом хохота. Света, то ли нечаянно, то ли нет, прижалась к Ивану. Он обнял девушку за талию и нашёл губами её губы – остальные пары, похоже, давно занимались тем же. В пятом часу ночи, когда все устали пить, петь и танцевать, они так и легли отдыхать – парами, кто с кем танцевал. Иван лежал на боку, обнимая прижавшуюся Свету, и думал о Маше Красавиной. Ритмично заскрипела кровать в том углу комнаты, где расположились на отдых Артур и его подруга, Света шепнула Ивану: «Ты со всеми такой стеснительный?», и тогда он снова нашёл её губы. Утром девушка Артура сообщила проснувшейся компании, что настоящий день рождения у неё именно сегодня, а вчерашняя вечеринка – «просто так». Веселье возобновилось, и парни вернулись в общежитие только утром понедельника.

Прошло несколько недель. Иногда он встречался со Светой, не считая себя вправе, а может быть, не находя повода отказывать тянувшейся к нему девушке. Они ходили в кино, бродили по городу, и Света рассказывала о себе, о родителях и подругах, о пыльных улицах и заросших бурьяном задворках детства. «Тебе не интересно, – огорчалась она, – опять замолчал». А Ладушкин, только что охотно и остроумно обсуждавший новый фильм, сам не узнавая себя, замолкал, едва разговор переходил на личное. Чем больше думал Иван о случившемся между ними на вечеринке, тем труднее ему было смотреть в доверчивые глаза Светы. Так продолжалось, пока однажды вечером дежурный не вызвал его в холл общежития: «Ваня, к тебе пришли». В вестибюле стояла взволнованная Света. Едва они вышли на улицу, девушка произнесла:

– Что делать? Не убереглась я тогда!

«Вот и расплата», – понял он, когда осознал смысл сказанного. Но ответил только:

– Пока ничего. Подумать надо, а завтра встретимся и всё обсудим.

Он ответил так, чтобы успокоить девушку. Проводил домой, а когда возвращался к себе, думал только об одном: получится или нет. Дождался, когда все в комнате уснули, и начал переносить себя в прошлое. Короткими, мучительными, полными стыда и раскаяния рывками. Он всё же вернулся в ту самую субботу. А вернувшись, сразу после занятий, не заходя в общежитие, отправился на товарную станцию, куда они с Мишей время от времени ездили подработать грузчиками. Усталый, поздно вечером переступил порог полупу-

стой по субботнему обычаю комнаты и улёгся спать. Проснувшись, понял, что друг эту ночь провёл не дома. Миша отсутствовал всё воскресенье и явился лишь утром понедельника. На удивлённый взгляд Ладушкина ответил неожиданно многословно:

– С такой девушкой познакомился на дне рождения, с такой девушкой!

«Вон как обернулось: Савицкий, не застав меня, Мишку уговорил. Но, может, у них ничего и не случилось. А если случилось, то не со Светой. А если с ней, то обошлось», – пытался успокоить себя Ладушкин. Проскользнуло между его тревожных мыслей и холодное «а если не обошлось, я тут ни при чём». Проскользнуло и тут же сгорело. «Вернусь ещё раз назад, теперь-то всего на двое суток, любой ценой уговорю Мишку вместе поехать на товарную. Только ночи дождусь».

– А как зовут твою знакомую?

– У неё светлое имя – Света!

И Ладушкин не решился лезть в судьбу друга. Ещё раз прожил эти недели, ещё раз прослушал те же лекции и выполнил те же практические занятия. Снова познакомился со Светой: «Миша о вас столько рассказывал!». Весна врывалась в распахнутые окна общежития, Миша всё свободное от занятий время проводил с подружкой, а Иван выжидал, готовый, если понадобится, опять прорваться в прошлое, а потом прожить эти недели по третьему разу. Не понадобилось. «Миша, к тебе пришли», – заглянул в комнату дежурный. Миша ушёл, а когда вернулся, то спросил:

– Станешь свидетелем на моей свадьбе?

– Почему так срочно? – заранее зная ответ, поинтересовался Ладушкин. – Весь пятый курс впереди. И защита.

– Потому, что ребёнок у нас будет.

Миша не поехал домой на последние летние каникулы. Только попросил Ивана, укладывавшего дорожную сумку:

– Моим я сам всё объясню, а ты... – Он замялся, поморщился, пересиливая себя: — Маше Красавиной... Не говори пока... Ну, про свадьбу мою. И вообще про Свету. Я потом. Сам. А лучше скажи... Нет, врать не надо. Скажи, что я на севера поехал.

– А на самом деле?

– А на самом деле, Ванюха, так и есть. Денег на свадьбу заработать надо. Да и родители Светы там живут.

– Почему ты решил, что Маше знать не нужно?

– Ладно, – он снова поморщился, – давай считать, что я тебя ни о чём не просил. Поступай, как решишь.

«Неужели у них с Машей что-то было?», – гадал Иван. Встречи, которых он так ждал, начались с вопросов о Михаиле, и он, но уже не взхлёб, как раньше, рассказывал обо всём, что не касалось последних событий в жизни друга. О том же, что интересовало Машу больше всего, твердил: «На севера подался, деньги ему зачем-то понадобились». «Да какой ты друг, если самого главного не знаешь?» – возмущалась Маша и повторяла расспросы. Потом то ли убедилась, что ничего нового уже не услышит, то ли услышала в сказанном нечто, ведомое лишь ей, успокоилась и стала прежней Машей Красавиной, об-

щительной и весёлой. Они гуляли вдвоём, ладонь девушки лежала на сгибе его руки, голова кружилась от запаха её волос. Однажды, прощаясь поздно вечером у её подъезда, он поднёс к губам ладони девушки, поцеловал их и услышал грустное: «Хороший ты человек, Ваня, но – не надо...». «Не жди ты его, – захотелось крикнуть Ивану, – не вернётся он, свадьба у Миши осенью!». Не крикнул. Заранее знал – если крикнет, или скажет, или даже шепнёт, всё равно через минуту сотрёт это из её памяти. Но не из своей. «Наверное, такой и бывает любовь», – думал он по дороге домой о своём чувстве к Маше. И о чувстве, наполнявшем эту девушку и только что, почти случайно, всего одной фразой вырвавшемся наружу. На следующий день он уехал. Маша не зашла попрощаться, и ему стало даже легче.

В октябре друг сыграл свадьбу. Он был деловит и счастлив, его Света светилась от радости, и Иван, глядя на них, вдруг подумал: «А я струсил. Сбежал от неё через прошлое. Теперь они счастливы, а мне до конца жизни о трусости своей помнить». И одёрнул себя: «Нелюбимую в жёны брать и делать вид, что любишь, разве лучше? А если и в самом деле лучше?». Он переписывался с Машей Красавиной, и всегда она отвечала на письма, но сразу после этой свадьбы замолчала. На зимних каникулах съездил домой, но у неё не нашлось времени для встречи, даже по телефону отдалась сухим: «Некогда мне, Ваня». Он понял: это конец, Маша считает его если не предателем, то соучастником предательства. Перемучился, начал понемногу успокаиваться, и вдруг весной получил письмо, в котором девушка, как ни в чём не бывало, делилась новостями, попутно укоряя его в молчании.

Близилась защита дипломов, начались распределения будущих молодых специалистов. Пришло время выбирать дальнейшую судьбу, и Иван определился в родной город. А Миша Уткин – на новый, ещё строившийся в Средней Азии завод, где ему, семейному и с ребёнком, обещали квартиру в течение пары лет. Пожелав друг другу удачи, они расстались.

ГЛАВА 3. МАША

Когда Иван после возвращения в родной город встретился с Машей, то понял: появилась в душе девушки струна, которой нельзя касаться. И он, сходя с ума от желания обнять, согреть, защитить, топтался возле неё, растерянный, бессильный изменить что-либо в прошлом так, чтобы никому не было больно.

Пришло время, и начальник литейного цеха предложил формовщику Ладушкину перейти работать мастером. Тот задумался. Одно дело отвечать за себя и совсем другое – за три десятка таких разных, молодых и в возрасте, опытных и не очень, то надёжных, как черенок от лопаты, а то скользких, как обмылок, рабочих. «Но ведь для чего-то же я получал высшее образование, – думал он, – да и «эффект возврата», если очень понадобится, смогу применить. Хотя лучше, конечно же, без него». Подумал-подумал и согласился. Маша, узнав об этом, сказала: «Не струсил. Одобряю». Они продолжали встречаться, и Иван, хотя видел, что другие молодые люди тоже оказывают Маше знаки внимания, не делал из этого трагедии, надеялся и ждал.

Он набирался опыта и уже уверенно лавировал между сложностями производственных ситуаций и отношений, не прибегая к своему непонятному,

но безотказному дару. Ему нравились ночные смены, избавлявшие от присутствия надзорного, всегда на что-то указующего, всегда чем-нибудь недовольного дневного люда, оставлявшие Ивана один на один с работой. Ночные смены начинались с тишины пересменок, когда отработавшие своё люди, грязные и усталые, уходили в душевые, а формовщики новой смены расходились по местам, не торопясь включать механизмы, и механизмы тоже устало молчали, словно стараясь продлить, сколько возможно, эти минуты отдыха. Шипел воздух из неплотностей пневмосистем, погромыхивал по монорельсу последний транспортёр дневной смены с пустым, ещё слабо светящимся остатками жара от вылитого металла ковшом, да дежурный электрик гасил лишние лампы. Но вот мягко взывали конвейеры формовочной смеси, заглушая их, ударяли пулемётные очереди полуавтоматических линий, первые струи металла, разбрызгивая искры, падали в жадно подставленные ковши, и музыка работы заполняла старые стены.

В одну из таких смен нетрезвый оператор сунул руку в работающий механизм, и прибежавший на истошный вопль Иван, не раздумывая, вернул себя в самое начало смены, сказал этому человеку «а ну дыхни» и сдал явившимся с проходной охранникам. Те с удовольствием оформили «нетрезвяк», а утром виновник встал перед Ладушкиным за проходной:

– Что, мастерок, выслужился перед начальством?! Сдал рабочего человека, сволочь? Вывернул мне карманы, гадёныш?!

– Знал бы ты, – злой Ладушкин, только что выслушавший разнос начальника на тему «надо было по-тихому решить!», не деликатничал, – знал бы ты, от чего я тебя спас, пьянь ты безмозглая, руки бы мне целовал!

Услышал ли тот в словах Ивана невысказанное, прочёл ли нечто на его лице? Или всплыло всё же на мгновение из тайного уголка памяти, как бился, дикими от ужаса глазами пялясь на торчащий из обрывка рукава обломок плечевой кости? Зажал он ладонью той самой руки свой только что извергавший матерные ругательства рот и отшагнул в сторону, уступая дорогу. Тогда и мелькнуло в голове Ивана: «Не может быть, чтобы такое следа в памяти не оставляло...». После этого случая руководство завода решило, что Ладушкин «принципиальный молодой специалист, не мирящийся с нарушениями трудовой и производственной дисциплины».

Он не терял надежды, и показалось ему, будто ослабла до боли натянутая, уставшая болеть струна в душе Маши. В тот вечер они возвращались из театра через парк, где много лет назад увидел он её нарядной девочкой на изящной дамской «Каме». Листопад царил теперь в парке, и большие жёлтые, красные и рыжие кленовые листья ласково касались волос девушки, нахально скользили по рукам, по спине и, опьянев от любви, падали к её ногам. У дверей подъезда она вдруг положила ладони на плечи спутника, привстала на цыпочки, поцеловала его в щёку возле губ: «Спасибо за хороший вечер, Ванечка», – и скрылась в подъезде. Хмельной от счастья, возвращался Иван домой, крутя в голове «ну почему я побрился утром, а не перед самым театром?» и поглаживая слегка шершавую щёку. С этого поцелуя всё и началось, а когда однажды она сказала почти буднично, почти между прочим: «Хочешь зайти? Мои на дачу уехали с ночёвкой», он уже знал, для чего поднимается за нею по тёмной

лестнице. Так и вышло: в тёмной, только луной освещённой спальне прошептала она припухшими от поцелуев губами «не боишься, что забеременею?», и он выдохнул счастливое «мы же всё равно поженимся...».

– Ты не забыла, что нам заявления в загс относить? – спросил он открывшую ему дверь, совсем по-домашнему одетую девушку.

– Нет, – проговорила она, – только сначала спросить тебя хочу.

– О чём? – улыбнулся он и вдруг почувствовал, как снова зазвенела в душе любимой больная струна.

– Ты тогда, в первую нашу близость, понял, что у меня до тебя кто-то был?

– Допустим, понял, – ответил он, чувствуя, как сползает с лица улыбка, – а какое это имеет значение?

– Хочешь знать о нём?

– Нет, – отрезал Иван, – значение имеет только одно: чтобы с той самой ночи между нами честно было.

– Именно для того, Ваня. Чтобы честно было. Моим первым стал твой друг. Миша.

– Я давно догадался, – грустно улыбнулся он, – задолго до той ночи. Она просто подтвердила.

Маша опустилась на стоявший в прихожей табурет. Будто устав от тяжёлой работы, припала спиной к стене:

– Любила я его. Думала, будем с ним вдвоём по жизни идти – Миша и Маша. А теперь получается – Иван да Марья. – Помолчала, чему-то грустно улыбнулась: – Есть такое растение, иван-да-марья. Целебное. Это я тебе как фармацевт говорю. Но и ядовитое, если неправильно применить. Не испугаешься?

– Нет, – ответил он спокойно и твёрдо.

– Тогда посиди на кухне. Минут через десять буду готова.

Когда у них случилась первая пустяковая, на ровном месте ссора, и они в первый раз помирились, Иван нашёл в одном из фармацевтических справочников Маши статью о растении иван-да-марья: «Легенда о происхождении названия говорит: молодые люди – парень и девушка – горячо полюбили друг друга, а затем поженились, не ведая о том, что они брат и сестра. А когда узнали об этом, чтобы не разлучаться, превратились в цветы иван-да-марья, окрашенные в разные цвета, синие и жёлтые. С тех пор этот цветок стал символом верности». Далее следовало описание целебных свойств и предостережение о токсичности. «Что же, поживём – увидим», – подумал он.

ГЛАВА 4. НЕЛЮБИМЫЙ

– Трус ты, Ладушкин, а не мужик. – Маша понемногу успокаивалась и, как всегда в такие минуты, жалела себя и свою незадавшуюся жизнь. – Другой бы стукнул кулаком по столу, а то и похуже, чтоб я сразу поняла, кто в доме хозяин, а ты, как всегда, в кусты: да милая, да хорошая, да люблю... А я мужика в доме чувствовать хочу!

«Знала бы ты, помнила бы ты то, что помню я. Хотя бы ту единственную оплеуху, от которой у тебя из носа кровь хлынула, истерику свою на полу, кровь на лице, на блузке, на ковре. А я до последней минуты помнить буду. Да

и у тебя в закоулочках памяти должны же сохраниться слёзы твои, я же столько тебе сгоряча наговорил, не может быть, чтобы ничегошеньки не осталось!» Но вслух он сказал только:

– Если тебе такой муж нужен был, почему за меня пошла? Видела же, что я другой.

– Видела, – вздохнула она, – конечно, видела. А что мне оставалось, когда время подошло? Не я бы тебя, так другая, как телёнка, увела. Как та баба Мишу. Ты парень видный был, да и долго ещё будешь. И добрый. Ладно, Ладушкин. Закончим, дети сейчас придут.

В первые месяцы совместной жизни она называла его Ваней, иногда даже Ванечкой, но потом появилось в её речи будничное «Ладушкин», да так и прижилось, а счастливый Иван даже не заметил. И не придал значения тому, что осталась Маша после свадьбы на своей девичьей фамилии Красавина: «Главное, мы вместе». Прошло немало времени, у них уже подрастали дочери, когда дошло до него, что между ним и Машей незримо присутствует кто-то. Тень этого человека. Даже не тень, а призрак тени, намёк на призрак тени друга Миши Уткина: «у других мужиков любое дело в руках горит...», «другие вон деньги для семьи зарабатывают...», «другой бы сам все вопросы решил...».

Хотя в общем жили они хорошо, дружно и весело, души не чаяли в дочерях, не пропускали концерты и выставки, ходили в гости, принимали гостей, а в кругу друзей, коллег по работе и знакомых считались счастливой семьёй, стараясь, чтобы так и было. И всё же чего-то недоставало красивой паре, чего-то, на чьём незанятом месте в минуты усталости или раздражения появлялась и вставала между ними эта тень.

Тем временем Иван Сергеевич Ладушкин работал уже начальником цеха. Теперь он сам требовал от подчинённых мастеров и технологов решать скользкие вопросы «по-тихому» и учил их грамотно делать это. К прежней своей репутации «принципиального молодого специалиста, не мирящегося с нарушениями трудовой и производственной дисциплины» добавил он ещё и репутацию «глубоко знающего производство мастера оправданного риска». И только он один понимал, сколько в этом «оправданном риске» его, Ивана Сергеевича, действительно глубоких знаний и обширного опыта, а сколько страховки «эффектом возврата». Ладушкин состоял в приятельских отношениях с большинством инженеров, имел авторитет у рабочих своего цеха и известность в рабочей среде завода – но и только. Коллега, начальник такого же цеха, поведал ему в минуту пьяной откровенности, помахивая перед лицом дымящейся сигаретой:

– Какой-то ты не такой, как все, Сергеич. Вот. Безошибочный какой-то, будто заранее знаешь – что, где и с кем. Всё у тебя правильно, всё измерено и взвешено. Вот. Нет, уважают тебя, конечно. И я в том числе. Но вот любить вряд ли будут. Не такой ты, чтоб тебя любить. Вот даже и пьёшь, как все, а пьяным тебя ни разу не видели. Вот.

– Ты себе даже представить не можешь, Ладушкин, какое это испытанье, какой труд – с нелюбимым жить!

Не выдержала, сказала Маша то, о чём до сих пор невозможно было говорить вслух. Сказала – и не разверзлась земля под ногами Ивана, не упало небо на его голову, вообще ничего не случилось:

– Ты права, как всегда. Я живу с женщиной, которую люблю. Знаю, что такое труд любви. И не жалею ни о чём.

– Я ведь так надеялась полюбить тебя, так надеялась! Да, видно, пока та моя любовь сгорала, она всё вокруг себя выжечь успела...

Он обнял жену, вдохнул запах её волос:

– Бедная моя, любимая. Всё будет хорошо. Одной любви нам на двоих хватит...

– Вот опять ты правильные слова сказал, – грустно заметила она, отстраняясь. – Но как меня иногда от твоей правильности бесит! И как тебя, такого правильного, мне, такой неправильной, полюбить?

«Лучше бесись, чем плачь. Когда вижу твои слёзы – хочется умереть. Вот и говорю правильные слова, иногда – до тошноты правильные. Хорошо, хоть сегодня без этого обошлось. Как чувствовал, так и сказал. – Тяжёлые мысли ворочались в голове Ивана: – А нелюбовь твоя – расплата мне за Свету, за трусость».

ГЛАВА 5. ЭФФЕКТ ВОЗВРАТА

Советский Союз рушился, новые власти делили власть, танки били по Белому дому Верховного Совета. Россия въезжала в годы, названные позже одними людьми – «святыми девяностыми», другими – «лихими». И однажды в родной город вернулся Михаил Уткин. Остановился у родителей, огляделся, снял квартиру и перевёз семью: жену и сыновей.

Иван Сергеевич Ладушкин получил повышение и работал теперь главным технологом завода. Его мнение высоко ценилось коллегами, заработанных денег вполне хватало на жизнь, а их с Машей супружескую пару по-прежнему считали эталоном счастливой семьи. Но всё это не приносило ему радости.

«Кого сделал счастливым тайный мой «эффект возврата»? – думал он, перебирая события своей жизни. – Ну, не разбилась ваза с цветами. А разбилась бы – велика беда? Да и не понял я тогда ничего. Машу на велосипеде не сбил? Ссадины наши всё равно зажили бы, да ещё и сблизить могли нас. Другу помог экзамен сдать. Он бы и без этого на следующий год поступил. Свету хотел от беременности уберечь. Не уберёг. А если бы не струсил тогда, глядишь, и полюбил бы её. И счастлив с нею мог быть. Зато другу нечаянно счастье это передал. А вот Маша поэтому несчастлива до сих пор. Дураку пьяному на работе руку сберёг. Хотя это на пользу пошло. Видно, зацепилось что-то в мозгу у него, не могло не зацепиться такое: до сих пор ведь работает и даже здороваться ещё издали начинает. Неужели только ради этого мне дар достался? Хотя вообще-то я тогда самого себя от ответственности спасал. Узнал, где упаду, вернулся и соломку подстелил. Да, соломку стелить я научился. В начальниках цеха дважды людей от смерти этим «эффектом возврата» спасал, себя, опять же, от ответственности уводя. Один потом от инфаркта умер дома в постели, а другой, новенький, вскоре уволился, я даже лица его не помню. Разное другое... Эксперименты рискованные ставил, всё тем же «эффектом» смелый, узнавал, где соломку стелить, какую и сколько. Для цеха вроде бы старался. Для завода. А завод очередные хозяева когда-нибудь продадут под снос. В луч-

шем случае под торговый центр. И будут люди ходить по залам и бутикам, не зная, что я и многие тысячи других в этих стенах половину жизни прожили. Машу мою от нелюбви спасти пытался. Надеялся счастливой сделать. Не спас. Я один помню всё так, как было на самом деле. Помню – и тащу на себе эту память».

В тот день они на даче поджидали к обеду дочь, двадцатилетнюю студентку Вику, которой с утра надо было решить мелкий, как она объявила мимоходом, вопрос.

– Младший Уткин возле неё крутится. Спрашиваю: у вас это серьёзно? – говорила мужу Маша, кроша зелень для салата. – Отвечает: ещё чего не хватало, и усмешается. А глаза серьёзные. Как думаешь, не врёт?

– Вон уже и Вика идёт, – глянул в окно Иван.

– Сидите? Эт хорошо, – впорхнула Вика в дом. – Нет-нет, мамуль, не вставай пока. Я тут тест на беременность осуществила, так она подтвердилась.

– Что подтвердилось? – то ли не понял, то ли не поверил отец.

– Викуся, ты соображаешь, что говоришь? – мать старалась казаться спокойной, но ей это плохо удавалось. – Такими делами не шутят.

– Какие тут шутки, мамуль, два раза проверила.

– И кто же тебя?.. С кем это ты?

– Кто этот перс? В смысле персонаж? Друг юности, Мишанька Уткин.

– Вот как далеко у вас зашло... – Мать говорила, будто всматриваясь в слова прежде, чем их произнести: – А он знает об этом?

– Само собой, мамуль, первым.

– И как отреагировал?

– В осадок не выпал. Говорит: айс, пойду родакам сдаваться, но старый сперва убьёт.

– Поздно убивать, – всё так же всматриваясь в слова, проговорила мать, – раньше надо было...

Они собирались ночевать на даче, но неожиданное известие всё изменило. Родители заторопились домой, дочь отказалась присоединиться:

– Надо одной побыть, сперва сама инфу перетру, потом и вместе можно.

– Небось, «персонажа» сюда вызовешь?

– Может, и вызову. Если решу, что пора.

Машина Ладускиных стояла в ремонте, и они пошли на остановку дачной маршрутки. Накрапывал дождь, ведущая к загородному шоссе дорога раздвоилась, они свернули на относительно короткую, быстрее выводящую к остановке грунтовку и шли теперь вдоль шоссе, отделённые от него полоской лесопосадки. Дождь усиливался. Иван держал над женой раскрытый зонт, но менее всего думал о дожде, потому и звучало время от времени:

– Ну как ты зонтик держишь? Весь дождь на меня!

Он поправлял зонт и снова всматривался в события последних полутора-двух месяцев, стараясь увидеть хоть малейшую возможность повлиять на эти события, и не находя её.

– Ты что, совсем зонтик держать разучился?!

Машу трясло. От сырости, от налипшей на обувь грязи, от внезапно навалившейся проблемы, а более всего от мужа, от его отрешённого, невесть во

что упёртого молчания, от неспособности понять и облегчить её тоску или хотя бы по-человечески держать зонт:

– Будь ты хоть сейчас мужиком, придумай что-нибудь, сколько я могу одна мучиться, это же твоя дочь!!

– Машенька, давай успокоимся, подождём. Вика разберётся в себе, поймёт, чего хочет, тогда и решим! – понемногу накаляясь, ответил Иван.

– Вот ты уже и на ребёнка всё переложил! Какой ты мужик?! Видеть тебя больше не могу!!

Она оттолкнула мужа и, заслонившись, сколько могла, поднятым воротником плаща от дождя, почти побежала к шоссе сквозь промежутки между деревьями лесопосадки. Вскрик автомобильных шин на мокром асфальте, негромкий звук удара – и его Маша мешком тряпья взлетела и исчезла за отчаянно и бесполезно тормозящей фурой.

– Нет! Не хочу! – прокричал он и услышал:

– Вот ты уже и на ребёнка всё переложил! Какой ты мужик?! Видеть тебя больше не могу!!

Она оттолкнула мужа, но Иван, успевший схватить жену за руку, бросил зонт, пытаясь другой рукой перехватить её за талию. Маша скинула с локтя на ладонь дамскую сумочку с окованными металлом уголками и взмахнула ею, целясь мужу в лицо:

– Ненавижу!!

Удар металлическим уголком пришёлся в глаз, от неожиданности Иван на мгновение ослеп и ослабил хватку. Маша вырвалась, кинулась к шоссе сквозь промежутки между деревьями. Он бросился за нею, отставая всего на шаг, понял, что не успевает догнать и остановить, прыгнул, вложив в этот прыжок всю свою силу и всю любовь, и успел-таки вытолкнуть, выбить её за габариты налетающей фуры. А ещё успел увидеть широко раскрытые, слепые от отчаяния глаза водителя.

Иван лежал на обочине шоссе. Под его головой была та самая сумочка. Лил дождь. Маша в грязном от падения на мокрый асфальт плаще, заслоняя мужа собою от косых струй, грязными ладонями растирала по лицу слёзы пополам с дождём:

– Ванечка, не умирай! Ванечка, я люблю тебя! Не умирай, Ванечка!!

Он знал: у него есть ещё и силы, и несколько минут времени, чтобы вернуть себя и её назад, найти нужные, правильные слова или просто увести с развилки другой дорогой. Но зачем? Ведь она только что полюбила его. Он наконец-то был счастлив и хотел дожить в этом счастье столько, сколько ему осталось. Иван глядел в мокрое, грязное лицо любимой, прощаясь с нею одним взглядом, потому что ни руки, ни губы уже не подчинялись, и тут его пробило: «как же ты без меня останешься, кто тебя беречь будет?». Собрав последние капли сил, закрыл глаза: «нет, не хочу!». А когда, уже почти не надеясь, открыл их, Ладушкины стояли на развилке. Иван покачнулся, снова ощутив ещё не вполне послушное, в холодных мурашках тело, и огляделся. Грунтовая дорога, натоптанная и накатанная любителями короткого пути к трассе, спускалась от асфальта дачной улицы по переулку вниз, под горку. Асфальт тоже выводил к остановке, только изрядно петлял среди строений дачного посёлка.

– Пойдём-ка поверху, Машенька, – поднял он над женой зонт, – дальше, зато грязи не нацепляем.

Она согласно кивнула, и вдруг почувствовала: владевшее ею всего мину-ту назад чувство безысходности, одинокости под мрачным плачущим небом осталось по ту сторону тонкой, туго натянутой ткани мужнина зонта, и теперь лишь бессильно барабанило в его купол.

Трудно сказать, изменилось ли что-то в их отношениях. Иногда они ссорят-ся, и Маша говорит Ивану незаслуженно, а порой и заслуженно обидные сло-ва, но ему даже тогда видится грязное, мокрое от дождя и слёз лицо: «Я люблю тебя, Ванечка!». Наверное, что-то происходит с его то рассерженной, то вино-ватой физиономией в такие минуты. Маша видит это, и не воспоминание даже – невозможно помнить не случившееся – а неуловимо зыбкая тень воспоминания, призрак тени воспоминания о произошедшем под проливным дождём на обочине шоссе, всплывая неведомо откуда всего на несколько мгновений, обнимает её душу. И этих мгновений бывает достаточно. Полюбит ли она его когда-нибудь, как тогда, или хотя бы просто полюбит? Кто знает, кто знает...

*Июнь – июль 2019 года,
Санкт-Петербург*

Владимир КРЮКОВ

ВОКРУГ ПИСАТЕЛЬСТВА

так я это увидел

Подзаголовок к этим заметкам – слегка изменённое название колонки, которую вёл в английской газете во время войны Джордж Оруэлл, она называлась: «Я вижу это так». А в записных книжках Альбера Камю прочёл следующее: «Я отказывался от моральных оценок. Мораль ведёт к несправедливости... Нужно держаться от неё подальше, согласиться быть судимым, но не судить». Размышление его не показалось мне бесспорным, я не готов с ним согласиться, оно могло быть вызвано настроением минуты. Однако я его тоже как-то учёл.

Что такое признание, особенно в наше, не расположенное к литературе, время? Вот некоторые старшие товарищи обижаются, что строки их нынче не кормят. А раньше – хорошо кормили. То есть их признавали. Но избави Бог от такого «признания». Просто они знали, о чём и как писать, и сколько за это дадут (в рублях).

Провинциальные писатели, конечно, сверялись со столичными, оглядывались на них. И те подавали пример писать «как надо». Я читал статью Константина Паустовского «Простой человек», написанную к 70-летию его тёзки Константина Федина. Трудно представить, что кто-то, стоя за плечом, диктовал ему строки. Трудно представить, что такой настоящий писатель, как Паустовский, не мог дать трезвую оценку творчеству Федина. Что же тогда подвигло его писать с романтическим подъёмом такое: «Мне пришлось видеть, как Федин работает. Ни у кого из знакомых писателей я не встречал такой настойчивости, такого упорства в работе, как у Федина. Он был безжалостен к себе. Он вставал из-за стола с побелевшими от усталости глазами и ещё долго был рассеян и задумчив».

Да, Федин написал в юности замечательную вещь «Города и годы». Может быть, отсвет таланта пал на некоторые рассказы и ещё одну крупную вещь «Братья». Но 70-летие приходится на 1962 год. Чем в послевоенную пору отметил Федин? Неужели дифирамб Паустовского относится и к пресловутой трилогии, которую читать просто невозможно и по причине художественной беспомощности, и по той причине, что он легко отбросил ради намеченной схемы всякую правду жизни.

Да, он в это время первый секретарь (1959–1971) и председатель правления (1971–1977) Союза писателей СССР. Может быть, здесь разгадка юбилейной статьи: польстить, завоевать расположение? Но опять же – Паустовский!

Впрочем, вот тоже Паустовский: «В своём творчестве я полагал своим долгом писателя прежде всего писать о гуманизме – о культуре, о человеческом достоинстве. Что и делал. О мерзости я не писал. Я прошу отметить, что ни разу в своих произведениях не упомянул имени того, кто был виновником культа личности...».

Далее – комментарий М. Золотоносова (книга «Гадюшник»):

«Последнее утверждение было ложью: после смерти Сталина Паустовский посвятил этому событию сентиментальный рассказ «Цветы из линованной бумаги» («Огонёк», 1953. № 13. 29 марта. С. 10), передающий ощущение сиротства, охватившее страну. Героиня рассказа Катя «знала ясно и твёрдо: она родилась, когда был уже Сталин, и вся её жизнь прошла так, а не иначе лишь потому, что её, эту жизнь, как и жизнь многих и многих миллионов, направляли его воля к счастью простых людей, его ум, его сердце, его настойчивая дружеская рука».

В провинции равнялись и на столичных поэтов. Фрондирующий Евтушенко был автором стихотворения «Партийный билет», где юный герой взял партбилет убитого лейтенанта («как он просил») и побрёл с уходящими на восток

«...в шубейку женскую одет,
и над своим ребячьим сердцем
партийный чувствовал билет».

Плохо верится в этот пафос? Ничего. Главное: позиция поэта заявлена. Но Роберта Рождественского по этой части ему не обойти.

«Мне Земля для жизни
более пригодна
после Октября
семнадцатого года!

Я в Державу верую – вечную! Эту.
Красную по смыслу. По флагу. По цвету.

Никогда не спрячусь
за кондовой завесой...

По национальности
я –
советский».

Владимир Солоухин, прозревший в горбачёвские годы, опередивший многих перестроечников в разоблачительной статье «Читая Ленина», был когда-то растроган другим:

«Я сейчас получаю партийный билет.
Коммунист умирает, но партия – нет!
Где-то новая смена уходит в забой.
Голубеет рассвет. Продолжается бой».

А ведь это уже были поэты послевоенного, послесталинского поколения. Видимо, подразумевалось, что нужно принять некие необременительные условия для комфортного существования, присягнуть, что называется, на верность.

Но в те же самые годы была и другая, настоящая поэзия. И в этих стихах не присягали, срывая голос. Просто признавались в любви к своей земле, к своей

малой родине, находя такие точные слова, которые благодарно отзывались в сердце читателя. И здесь я признательно назову Николая Рубцова, Олега Чухонцева, Анатолия Жигулина, нашего земляка Василия Казанцева. Их сборники выходили, были доступны. Читай и учись!

Но, знакомясь с молодыми стихотворцами, я с изумлением обнаруживал, как мало они читают. Меня удручало, что они не знают и не ценят опыт своих великих предшественников или достойных современников.

И не только молодым это было свойственно.

Помню, зимой 1968-го, на втором курсе университета, я оттащил в писательскую организацию два рассказика. Они были несостоятельны, теперь я это хорошо понимаю. Наверное, понял бы и тогда, если бы мне попался толковый критик. А тут председатель областной писательской организации, умудрённый Иван Захарович, стал мне пенять на лишние с его точки зрения подробности, детали. «Вот вы тут смакуете, как пар из опустевшей чашки кофе поднимается. Зачем?» «Ну как зачем? Человек ушёл из комнаты, а его присутствие сохраняется. Вот у Бунина на таких деталях...» «Да вы меня послушайте!» – перебил он. Однако через какое-то время я опять выразил несогласие и опять сослался на Бунина. Тут он мне сказал раздражённо: «Да что вы всё Бунин да Бунин! Вот нашли авторитет!». Больше я к нему не приходил. Открылась разница между писателем и членом Союза писателей. Приняли в сообщество, значит, объявили прозаиком или поэтом. Так, что ли, получается? Прямо как на должность назначить.

Годы спустя я общался с другими профессиональными литераторами. Мария Леонтьевна Халфина, человек с большим читательским багажом, говоря о литературной жизни, не оглядывалась на принятые установки, не подбирала обтекаемые выражения. Суждения её были самостоятельны, свободны. (О ней мне довелось написать подробнее в очерке «Мать и сын»).

Познакомился с Виктором Дмитриевичем Колупаевым. Его своеобразную фантастику печатали у нас, переводили во всём мире. Он попал в серьёзную американскую антологию. И при всём этом до конца жизни оставался скромным человеком. Кстати, вспоминают его ученики, он любил выражение Декарта «Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно».

А познакомились мы не как автор и его поклонник, а как читатели самиздата у нашего общего товарища Игоря Мигалкина. Игорь наделял этой литературой и меня, и своего друга.

Первое, что можно было сказать о госте, – худощавый, да что там – очень худой. Потом прибавлялось другое – добрые, внимательные глаза. Хорошо помню: разговор шёл о книге мемуаров Сомерсета Моэма «Подводя итоги». Тогда технари много читали. А Игорь и Виктор были, можно сказать, элитарными технарями – биофизиками. Оба закончили политехнический институт и работали в СФТИ при ТГУ. Игорь представил своего друга и как писателя. Оказалось, что я читал рассказы Колупаева. «Билет в детство» был напечатан в журнале «Вокруг света», который читали тогда все – там почти не было идеологической начинки. Потом его рассказы встретились мне в «Авроре» и опять понравились. Что-то сближало его с моим любимым Брэдбери, да Виктор этого и не оспаривал. Не скажу, что фантастика лежала в русле моих интересов. Но эта фантастика пребывала в области литературы.

Виктор Дмитриевич был много старше меня, родился в 1936 году. Так вот, в конце нашего разговора он отмёл это «Дмитриевич». Предложил общение на «ты» (с этим я не смирялся ещё года два). Его всерьёз занимала наука. Но эти темы меж нами не обсуждались. Хватало разговоров о литературе. Его начитанность вдохновляла. Помню, как высоко оценил Виктор «Москву-Петушки» Ерофеева.

Я очень люблю его повесть «Жизнь, как год», которую сам автор называл «фантастическим повествованием». Другие находят ближе себе что-то другое, благо написал Колупаев немало. У каждого автора есть свои профессиональные тайны. Виктор интересно объяснял рождение своих рассказов: «Сюжет в голову приходил внезапно. Я чувствовал его в свёрнутом виде. То есть в нём уже было всё от первой до последней буквы... но слов ещё не было. Этот свёрнутый в точку сюжет я носил в голове по многу месяцев, пока не наступала пора слов».

Кроме физики и литературы Виктор Дмитриевич любил людей, музыку и собак. Рекомендую меня в Союз писателей, он почти весь свой текст построил вокруг моего рассказа о псе Парамоне, найдя там и наблюдательность, и точность слова.

Но рядом жили и другие писатели. Один на рубеже 90-х(!) сказал с удовлетворением: «В будущем году «Литературная учёба» напечатает фрагменты Библии. Прочитаю наконец». «А ты что, не читал до сих пор?» – спросил я его. И прошёл у нас такой диалог.

- А где?
- В книге, где же ещё.
- Где её взять?
- В церкви.
- Ну ты даёшь!

Русский человек, он потом уехал в Израиль и сочинил сборник иудейских стихов.

Другому в середине 80-х я предлагал почитать стихи Иосифа Бродского. Но, уточнив, что это тот самый эмигрант, он читать отказался. И ведь не надо было запретные книги хранить – я ему предлагал посмотреть мои перепечатки: сможешь хотя бы «своё суждение иметь». Увы, даже знакомство со стихами, изданными ТАМ, мягко скажем, возбранялось.

А когда «Новый мир» напечатал не лучшую подборку Бродского, первую в СССР, этот самый человек хватал за руки коллег, просто знакомых и громко призывал разделить его восхищение, восторг стихами заокеанского мастера. Слышать это было печально.

Рыхлый и вальяжный Валера Привалихин (мы звали его Привал Привалович за леность и барственность) гнал газетные полосы – очерки о деятелях революции. И только исчерпал тему, как Советская власть кончилась. Он тут же спокойно перешёл на полосные материалы о лидерах сибирской контрреволюции. Прямо как нарочно: время работало на него.

Я думал, перелистывая поэтические сборники 70-х – 80-х, изданные в нашей провинции, почему там нет стихов о главном – о Жизни и Смерти. Отгадка проста. Они ведь думали о том, что можно напечатать. Если в столицах

у поэтов с именами ещё что-то проходило на эти темы, то нашим было строго заказано. Но хуже того, они и в стол ничего серьёзного не писали, как показывают сегодня посмертные публикации. Или не умели, или так крепко был вбит в их головы запрет на это.

Да что же это я, ей-богу, пытаюсь прилагать к ним меру, применимую к русской интеллигенции давних, былых лет. Пушкин не думал, что нарушает какие-то запреты, просто по душевному движению отправляя товарищам своё послание в Сибирь. Владимир Галактионович Короленко, не отступаясь от правды, в конце жизни вступил в спор с Луначарским. Можно простить растерянность Пастернака, когда в разговоре с вождём-тираном не защитил он Мандельштама. Но от вас, наши старшие товарищи, мы не ждали проявлений мужества. Что же вы трепетали перед властью имущими даже в это вегетарианское время – 70-е – 80-е годы? Как простить трусость, когда и жертвенности-то не требуется. Неужели страх из тридцатых перешёл просто по наследству? Как и привычка повиноваться. Исполнять.

Заявить что-то своё, выразить какое-то несогласие – о, это из области чудесного. В характеристике слово «исполнительный» воспринималось с плюсом. Это послушание принято как условие пребывания в литературе. Даже просто уйти в молчание – жест невозможный, непосильный. Почти подвиг.

Великой заслугой было, если один на другого не настучал, не заложил, не отрёкся. Этого достаточно, чтобы оставаться друзьями. А уж если кто-то кого-то осмеливался мягко защитить – о, это уже героизм!

Наши великие авторы XIX века завещали: писать надо о том, что никому не ведомо, неизвестно, но учуяно в воздухе времени. Лев Толстой говорил, что это неизвестное может быть даже противоположным тому, что для современников считается несомненным. Искусство должно брать за душу, вызывать гнев и радость. Я помню такие вещи, которые открывали глаза, изменяли отношение к миру, меняли душевную настрой. Их написали те, для кого писательство, по большому счёту, не было профессией, а стало жизнью и судьбой. Нередко они оставались авторами двух-трёх книг. Я думаю: можно не очень много сделать в жизни, но главное – не сделать ничего против совести. Даже в повседневной жизни.

Гладкопись, поощряемая большими литчиновниками, собственно, отбила у читателя доверие к пишущему человеку, веру в то, что писатель поделится с ним своими сомнениями, своей выстраданной правдой.

Если можешь не писать – не пиши, повторяли наши наставники. А сами активно переводили бумагу. В их поделках не было той мысли, которая неотступно мучила, той тревоги, которая не отпускала стихотворца или прозаика. Вполне можно было этого не писать. Но они писали и издавали. Приветствовали тех, с позволения сказать, творцов, которые умели угодить, а если тоньше, угадать, что нужно. Они и внешне нередко напоминали этаких официантов.

Да, они научились писать то, что наверняка пройдёт. Забавно, что писательское ремесло недавней поры можно определить массой цирковых терминов: жонглирование, баланс, эквилибристика...

И понятно, что им не нужны были «забытые» произведения, такие, по прочтении которых всем становилось ясно: нет, эти, нынешние, «не дотягивают». У тех культура несравнимо выше.

Как пример, несколько слов о писателе, возвращённом в годы гласности.

Евгений Иванович Замятин (1884–1937) в дореволюционной России пострадал за большевистскую деятельность, даже судили за повесть «На куличках». А Советская Россия отвергла его как «противника революции и представителя реакционных идей» (так в Малой Советской Энциклопедии, т. 3, 1929 г.). Он раздражал любую власть. В «новой» России раздражение шло оттого, что социальные рамки ужесточались, а самостоятельный и прихотливый его талант не хотел признавать этого. Человек, по Замятину, с неизбежностью выламывается из любых рамок, это как бы и не требует доказательств. И протест Евгения Замятина против всякой косности в жизни и в искусстве был не декларативным, а именно художественным. Он предлагал своё, новое, самобытное слово, свой подход к материалу для прозы. Конечно, раздражала «фантастика» Замятина, вырастающая из реальности, но особой – абсурдной реальности. Советский классик К. Федин вместо того, чтобы оградить его от агрессивных дураков, не дающих писателю печататься, этак «сочувственно» заметил: «Замятина испортили две болезни – «пристрастие к сатире» и «формальная изысканность».

Комментировать это не хочется.

В нашем узком кругу мы томским мастерам слова никак не завидовали. То, чем они занимались и каких успехов достигали, не могло вызывать зависти. Когда-то Анна Ахматова так определила эстрадную поэзию рубежа 50-х – 60-х: «Это другая профессия». Вот и мы могли бы повторить это по поводу писателей нашего мелкопоместного уровня.

В конце 1980-х опубликовал я в молодёжной газете статью про городской литературный семинар, где позволил себе в некоторых местах ироническую интонацию. Реакция, как говорят, последовала незамедлительно. «Главный» томский поэт позвонил мне домой, гневно выговорил, а потом вскрыл «подспудные мотивы», двигавшие моим пером. «Мы примерно ровесники, – говорил поэт, – но у меня вышло шесть сборников, а у тебя – ни одного. Вот обида и зависть разыграли». Выслушал я это спокойно, но грустно подумал, что такая логика, к сожалению, кого-нибудь, может быть, и убедит, будет усвоена и вполне нормальными людьми. Но ведь каждому не объяснить, что да как. И недостойно это, а может, даже унижительно.

Они любили ссорить людей. Меня пробовал рассорить с давним товарищем Женей Зиминым матёрый томский автор Борис Николаевич. Это есть в его мемуарах, где чувство правды ему откровенно изменяет. Он уверял Евгения, что нет и не может быть у нас ничего общего. А мы были дружны уже десяток лет.

Или вот ещё. Я напечатал в молодёжке стихотворение Александра Пименова. Там в «Песнях западных славян» рядом с Чебурашкой возникал жид (как и у Пушкина, если помните). Поволокли на меня: ладно, юный стихотворец не понял всей уязвимости своего творенья, но куда смотрел более искушённый составитель страницы. И Саше в это время напевали: ведь он (то есть я) чуть ли не подставил тебя. Вообще... чего ты с ним дружишь? Тут они Сашу доставали, и сказал он, что это уж его дело, с кем дружить, и что за свои поступки он сам отвечает, и за то, что написал, тоже.

Те ещё были писатели.

Писатели наши и думать не смели, что есть где-то в окружающем мире другая литература. Литература, престаупающая грань, некую запретную черту. За чертой для наших правоверных лежала чужая, враждебная область.

Но, оказывается, тамиздат (и даже самиздат) почитывала нынешняя чиновница от культуры. Именно почитывала. Потому что эти книги, эти тексты не сбили её с верного курса, она последовательно шла по ступеням карьерной лестницы (впрочем, не слишком высоко поднявшись). Оказывается, её папа приносил полистать что-то запретное. Как же этим не воспользоваться? Момент престижа, что ли. Однако именно она предложила включить в список намеченных томских классиков Вадима Кожевникова. Знала наша чиновница, что роман «Щит и меч» был в юности любимым чтением Президента России.

Некоторые околосредовые столичные ребята задирали меня: «Из Томска? А, родина Георгия Мокеича!». Что же, приходилось отшучиваться. Хотя Георгий Марков и полезное дело устроил – дал много денег на строительство библиотеки в родном селе. Может, отчасти потому он в представлении томищей чуть ли не титан отечественной словесности. Не логично? Ну а как ещё выразить благодарность за его доброту и щедрость.

Да что же такое, ей-богу. Неужели некем всерьёз гордиться? Нет, почему же. В Чаинском районе вырос, в Томском университете сформировался один из лучших лириков XX века Василий Иванович Казанцев. В Томске жил и творил Виктор Дмитриевич Колупаев, фантаст с мировым именем. А как замечательно начинал Виль Липатов! Не все помнят его блестящий рассказ «Мистер-Твистер», но всеми любим участокный Анискин из «Деревенского детектива». Да, после «Серой мыши» Липатов не напишет ничего равного по силе этой повести. Пойдут сказы про директора Прончатова и бескомпромиссного комсомольца Столетова, обеспечивающие безбедное существование. Что ж, и так бывает.

Повторяя вслед за умными людьми, что искусство есть оправдание жизни, я не удовлетворялся дальнейшей логикой, что оно может существовать без какого-либо контакта с возможной аудиторией, что художник может оставаться наедине со своим творением. Нет, отчуждённое творчество, не имевшее выхода к людям, было мне чуждо.

Но ситуация оказывалась тупиковой. Литературные объединения тех лет их участникам памятливы добрым дружественным общением. Но непереносимой сверхзадачей там проходило обучение тому, о чём надо писать, и о чём нежелательно. На семинарах для молодых поднималась на щит некая самобытность. Никто толком не растолковывал, что это такое, но многие молодые понимали это как незасорённость мозга чужими текстами. И тогда замечательно отговаривались таким образом: не хочу испытать чьё-то влияние и потерять свой неповторимый голос. Вроде бы правильно это назвать невежеством. Нехорошо быть неотёсанным. Нет, возражали мне, нехорошо поэту быть «больно умным».

В ту пору серьёзным было обвинение в «книжности», «культурности», «сложности». Именно обвинение. Человек с писательским билетом на таких семинарах мог с укором произнести: «Я так ничего и не понял». А стоило ли этим гордиться? Может быть, лучше постараться понять?

Мне не верилось, что возможна самобытность, возникающая из незнания. Скорее, она взрастёт и окрепнет, преодолев подражание. И тогда задышат почва и судьба. Тут, к слову, подвернулась мне книга о процитированном только что авторе. Наталья Иванова, «Борис Пастернак. Времена жизни». Как наказывает желание сказать красиво, раз уж пишешь о поэте: «Зимние стихи, зимний пейзаж, «свеча горела на столе», – конечно же, зимой, протаивая лунку в замёрзшем окне» (стр. 8). Побойся бога, уважаемый литератор – ведь свеча стояла на столе, не на подоконнике. Едва ли она при всём желании смогла бы «протаять лунку». Это я к тому, что и детали жизни тоже неплохо бы знать.

В наши дни пригождаются навыки из былых лет. Как умеют передёрнуть, добиваясь задуманного результата! Тут и понятия порядочности, принципиальности становятся относительными. Вот так дружески-снисходительно пишет Евгений Городецкий об Александре Плитченко (Сибирские огни, № 4, 2013, «Дорога к Богу»): «В те времена без членства в партии нечего было и помышлять о карьере, в этом заключались основные правила игры. У писателей, «бойцов идеологического фронта», проблем с приёмом в ряды КПСС не возникало, не возникли они и у «мальчиков» (это Карпунин с Плитченко) – обоих успешно приняли». Отец Плитченко – фронтовик – был убеждённым коммунистом. «Но в семидесятые годы время идеалистов давно кончилось, и в партию вступали ради карьеры, так что Александр здесь не исключение. А то, что понятие «коммунист» непременно означает «безбожник», причём воинствующий, – об этом Александр не задумывался, все так делают. И что ему пенять, не он первый, не он последний».

Этот пассаж уже готовит нас к повороту героя на 180 градусов. В годы, когда партия объявила гласность, Плитченко стал ратовать за передачу разрушенного собора Александра Невского Новосибирской епархии. Оказывается, он «никогда без крайней нужды (хорошо!) не декларировал свою приверженность коммунистическим идеалам... Он всего лишь соблюдал правила игры, не более того. Лампада веры не гасла в тайниках его души во все времена».

Какая чудная фраза в финале – просто слеза наворачивается.

Я встречался с Александром Ивановичем в его квартире в Академгородке. Было это в середине 1980-х. Мы приехали к нему с моим другом Андреем Сагалаевым после звонка по телефону. Андрей был тогда под впечатлением от «Двери на холме» Плитченко, живо напомнившей нам аксёновскую «Затоваренную бочкотару». Писатель нас принял тепло, говорили мы о разном. Я, в частности, запомнил его смешной рассказ о том, как они с товарищем пили портвейн на сапоге поверженного памятника тирану в Новосибирске. Вспомнили «Дверь на холме», и он простодушно признал, что без Аксёнова не обошлось. Взял читать мои стихи. У меня сохранился его ответ: серьёзно и строго разобрал мои строки, он советовал писать дальше, готовить книжку. Сохраняется в памяти и образ поэта, совсем не похожий на ловкача, изображённого в мемуаре Городецкого.

Ах, эта изворотливость! Забавно используют ныне образ монстра-государства СССР. Он, если надо, предстаёт даже страшнее, чем был реально. В телепередаче о Р. Рождественском вспоминают, что поэт вступил в партию. Ну хорошо – был такой факт, и ладно. Но одна фанатка-поклонница кричит

яростно: «А подумайте, что случилось бы с его семьёй, откажись он и не вступи?!». Правда, тут же предлагается ещё одна спасительная версия: «Он искренне заблуждался, когда это сделал».

На полном серьёзе написаны и такие заметки о книжной серии «Сибириада», основанной в 2006 году издательством «Вече».

Итак, «Дмитрий Володихин. Сибирь неисчерпаемая («Сибирские огни» № 7, 2015)». Прочитую подробно. Уверен – получите удовольствие.

«У Натальи Иртениной в «Царь-горе»... наши современники связывают верёвочку, казалось бы, разрубленную столетие назад. Офицер-монархист Пётр Шергин участвует в попытке освобождения Николая II из екатеринбургского плена. Ссылный император в последний момент отказывается от бегства, имея шансы спастись. Шергин получает от него послание, всё объяснившее. Там сказано, что государь сознательно пошёл по пути жертвенному – зная, что Россия будет спасена через много десятилетий, но сейчас не способна покаяться за грехи, за всю ту гниль, которая накопилась в народной душе, а потому на исходе дней для царя не может быть спасения на штыках, ведь от Бога ему открыта только дорога мученичества...»

Подавшись в колчаковцы, Пётр Шергин добирается со своим полком до Алтая. Обретя здесь мистическое откровение, он оставляет своему далёкому потомку бумаги, связанные с Николаем II и предсказанием о грядущем спасении России. А этот самый потомок, Фёдор Шергин, неудачливый аспирант и коммерсант с уголовной огранкой, в наши дни бежит на Алтай от бандитской мести за долги. Столичный хлыщ, бабник, болтун, он должен покинуть Москву и уносить ноги подальше. Однако спасению его мешают inferнальные силы. Добравшись до Алтая, Фёдор Шергин оказывается в критической ситуации. Под занавес ему всё же достаётся наследие предка, и Россия белая, Святая Русь как будто передаётся ему вместе с бумагами покойного офицера в законное владение...»

Автор заметок делает далеко идущие выводы:

«Такова логика единого «сибирского времени»: что завязалось давным-давно, развяжется здесь же, на великих равнинах, в тёмных урманах и раскольничьих скитах, на волнах студёного моря. Через век, два, может быть, через три, но когда-нибудь — обязательно развяжется. Логика сибирской литературы, лучшей её части, ведёт к осознанию прерывистого, дискретного единства в громадном хронологическом потоке «Сибирь».

А вот и замечательной силы финал:

«Остаётся повторить: «Сибириада» в современной литературе России – явление уникальное, каким-то чудом продержавшееся десять лет и по сию пору вполне живое. И не сказать, чтобы составители с жаром угождали вкусам массового читателя. Серия живёт в широком диапазоне: от чистых приключений до высокой прозы. Она уже подарила русской словесности несколько книг, которые впору прописывать в учебниках...».

Те ещё писатели. Никуда они не делись. И рано говорить, что их время прошло.

2015

ПРОЩАЙ, КНЯЗЬ!

Сейчас по Нью-Йорку холодному,
А может быть, по Лондону,
А может, по Мюнхену бродит он,
Смоленский мальчишка Иван.

Давно на чужбину заброшенный,
Всё бродит он, всё бродит он,
И знает одно лишь о Родине –
Что Родины нет у него.

Эту песню проникновенно, со слезой, пел знаменитый в 1960-е Эмиль Горовец. Её героем был эмигрант второй волны, который остался на Западе после гитлеровского плена.

А мы распевали эту песню с Володей Львовым, бредя именно по Лондону, по ночному Лондону. В свои 50 лет я впервые оказался за рубежами нашей страны, и не где-нибудь, а сразу в Великобритании. Вообще-то я сказал себе, что не поверю в происходящее, пока не ступлю на землю Хитроу. Но поверил чуть раньше, когда самолёт стало бить мелкой дрожью и стюардесса пояснила, что мы попали в турбулентный поток над Амстердамом. «Над Амстердамом», – повторил я и понял, что преодолел притяжение любимой родины.

Каким образом оказался я на борту этого самолёта? Сделаю необходимое пояснение.

В 1990 годы о правах человека заговорили и в российской школе. Но у наших учителей не было ни опыта, ни достаточных знаний. И всё-таки кое-где нашли верные подходы. Зарубежные эксперты, посетив Томск, высоко оценили организацию работы по изучению прав человека в технико-экономическом лицее (бывший российско-американский). Именно здесь работал преподавателем истории мой товарищ со студенческих лет Владимир Львов. Именно здесь, на базе лицея, и была проведена летняя школа. Я был среди учеников, хотя в ту пору уже не был школьным учителем. Но активно сотрудничал с газетами города, мне выпала роль просветителя. И вот мы – шестеро учеников летней школы – стали на восемь дней гостями известной неправительственной организации «Международная Амнистия».

Нас с Володей поселили в одной комнате уютного и демократичного «Джордж-отеля» в центре Лондона. В первую лондонскую ночь мы проснулись в три часа. Сна ни в одном глазу. И немудрено: в Томске сейчас пробудился уже самый ленивый – десять утра.

– Чего ж мы лежим? – сказал Володя. – Будем потом горько сожалеть о потерянном времени.

Мы вышли в незнакомую октябрьскую ночь. Нет, улицы не залиты светом. Его ровно столько, сколько необходимо для безопасного передвижения. (Я не говорю о плещущих огнями Пикадилли или Стрэнде – этих витринах города). Идти можно достаточно уверенно – пешеходные тротуары не обрываются

резко, как у нас, на въездах во дворы и на пересечении с переулками, а плавно переходят в дорогу.

В полном безлюдье лежал перед нами район Лондона. Вдруг как из-под земли вырос громадного роста негр. Ладони его были сложены в замок, он потряхивал этой рукотворной копилкой, там гремели монеты. Довольно громко он стал взывать к нам: «Ченч! Ченч!». Возможно, речь шла об обмене. Но какой обмен на ночной улице? Мы дружно замахали руками, изображая полное непонимание. Не сразу, но отстал.

Так получилось, что свободное от встреч и занятий время мы проводили с Володей. В первый же вечер натолкнулись на магазинчик со своей особой аурой. «Крот-джаз», или лучше «Джазовый крот» ему название. И правда, такие милые антики-кроты копались там в коробках и на полках, в дебрях компакт-дисков и пластинок. И мы с Володей тотчас присоединились к ним. Он быстро выудил в «компашках» Синатру, а я в архивном виниле откопал подлинные шедевры – оркестр Бенни Гудмена, Луи Армстронга в компании звёзд, Чета Бейкера. Из динамика изливались звуки трубы, поддерживаемой контрабасом. Два продавца напоминали вчерашних хиппи, хотя лишь один был длинноволос, а другой – вполне лысый. К ним подходили, заговаривали, смеялись завсегдатаи, и я по-хорошему им завидовал.

И ещё один магазин мы открыли. Он был материальным аргументом против лгунов, уверявших, что Запад не читает настоящей литературы. Не скажу «за весь Запад», но здесь в книжном развале встречались Чехов и Достоевский, Диккенс и Фаулз, Толстой и Пастернак. Мы обозвали про себя магазинчик «Академкнига», но толкались тут читатели совсем не академичного вида, простые люди разного возраста.

Впрочем, кто их разберёт, чем они занимаются в жизни. Одеваются англичане просто, лишь бы удобно было. Женщин с подведёнными глазами мы увидели только на открытии в выставочном зале экспозиции нашего Эрмитажа «Русское золото». Вот там, в холле, и правда, блестело золото и отливало серебро, прогуливались мужчины во фраках и дамы в платьях с обильным вырезом со спины.

...В последний вечер мы отправились в уже ставший родным паб под названием «Лондон». Здесь мы близко – буквально локтями у пивной стойки – общались с простым английским народом. Здесь видели на телеэкране разгром нашим «Спартаком» их «Арсенала» и бурную реакцию болельщиков. Здесь всегда было шумно и висел табачный дым, но уходить не хотелось. Несмотря на многолюдье ни разу не возникло какой-то ссоры.

А в тот последний вечер как по заказу нам была явлена нестандартная для демократической пивной картина. Вошли мужчины совсем не пролетарского вида, можно сказать, джентльмены, и дамы в вечерних длинных платьях. Забавно, что они спокойно вписались в обстановку. И мы стояли рядом, потягивая свой «Кроненбург» и «Гиннесс» и смотрели на золотые (или золочёные) браслеты на щиколотках дам.

А потом, сами понимаете, вновь Хитроу, самолёт, который уносил нас, и Великобритания из реальности превращалась в золотой сон, перемещалась в копилку памяти.

«Я берег покидал туманный Альбиона...».

Почему я так подробно вспоминаю эти дни? Потому что по возвращении мы уже так тесно не общались, хотя и виделись неоднократно.

Мы знакомы со студенчества, с 1967 года. Факультет у нас тогда был ещё не разделён – историко-филологический. В одной комнате общежития оказывались и будущие филологи, и будущие историки. Володя был томич, но, как и положено, бывал здесь в долгих гостях. Вот как-то на втором курсе в тёплой компании нас и познакомили. Кроме имени у него было навсегда приставшее прозвище Князь. Понятно, историки слышали сочетание «князь Львов». А ещё, конечно, от манеры держаться с достоинством аристократа и несколько отстранённо. Красивый юноша смотрел на тебя как будто с некоторым вызовом или высокомерием. Но после общения за стаканом вина он представал другим, а ты принимал эту манеру – ну и пусть, если ему так нравится! Но тут надо было знать меру. Как-то я поприветствовал его небрежно: «Привет, Князёк!». Он взглянул с усмешкой и сказал язвительно: «Привет, поэтик!». Прозвучало обидно.

В пору учёбы на ИФФ кто-то сочинял стихи, кто-то пел в капелле, кто-то играл в местных бит-группах, а кто-то, как Боря Овценов, пел под гитару свои песни. Обнаруживались организаторы других творческих начинаний.

Князь стал одним из создателей рукописного журнала. Всё было сделано по правилам того времени: сверено со студсоветом. Первые страницы – жизнь факультета, далее находилось место для творчества молодых и для гостей города. Мы с Володей встретились в гостинице с участниками классного коллектива «Поющие гитары» (тогда их называли ВИА, надо расшифровать: вокально-инструментальный ансамбль). Забавно прошла наша встреча. Князь флиртовал с Фёдоровой, солисткой группы, мне пришлось взять информационную часть на себя. Но «журнальное дело» не увлекло его всерьёз и надолго.

На третьем курсе стал собирать сборник стихотворений студентов ИФФ. И собрал. Вроде в многотиражке нашей затею одобрили и хотели такую книжицу напечатать. Но дальше дело не пошло. Почему? Кто знает. Мы спрашивали, он просил подождать. Не дождалось. Уже в начале 2000-х подарил мне рукописные листы, собранные под тетрадную обложку. Там и стихи самого Князя:

Меня полюбят девушки Парижа,

И я убью второго Бернажу.

Теперь уже приходится пояснить, что Бернажу – известный фехтовальщик, гвардеец кардинала Ришелье, потерпевший поражение от Д'Артаньяна. Неужели (неровен час) скоро придётся объяснять и кто такой Д'Артаньян?

После вуза Князя замели на офицерскую службу в Заполярье. Наша встреча в кафе «Иней» после его возвращения потом переключалась в мой рассказ. Он говорил, что очень любит Томск, скучал по городу. Ну и, само собой, воспоминания скрашивали, насколько возможно, постылую службу.

После возвращения стал он преподавателем в техникуме, преобразованном в русско-американский колледж. Пусть история и обществоведение не были здесь предметами из главных, старался, чтобы ученикам это было интересно. Коллеги вспоминают его добрым словом.

В начале 90-х, помню, столько он мне рассказывал об истории томских улиц и домов, даже тетрадь с некими тезисами показывал. Но так ничего и

не написал, не попытался подготовить к напечатанию. А из тетради выбрать было нечего. В конце концов он махнул рукой: «А, сейчас пишут все, кому не лень. Вон сколько навалили». Вроде того, что ему и не стоит быть в этом ряду, не княжеское это дело.

Вспоминаю этот замысел в череде подобных, несбывшихся.

Князь загорался и гас. Ну а если честно, не могу сказать, кто из нашего окружения так уж идеально состоялся.

И всё-таки Князь наконец нашёл себя. Ведь и вправду аристократ не делает карьеру, не ловчит, обманывая ближнего. Он обретает значимость по-другому. Вот и Князь неким образом поднялся над нами, стал если не повелителем и демиургом, то обладателем Большого Знания. Вдруг сделался он ходячей информационной базой для выпускников факультета. Он знал, как сложилась жизнь и судьба многих и наших сокурсников, и ребят постарше и помладше. Был, что называется, в курсе. Зачем ему это надо? Ума не приложу. С появлением соцсетей его личное справочное бюро укрепилось. Он устроил дело так, что к нему, как в океан реки, стекалась разнообразная информация. Стал мобильнее – сводил друг с другом потерявших контакты после расставания с вузом. При встречах я увидел, как он этим всерьёз увлечён.

У меня во время учёбы сложился круг друзей, товарищей, приятелей. После выпуска я с ними поддерживал отношения: с кем-то встречался, пил, делился замыслами. С кем-то обменивался письмами. С кем-то лишь открытками. Остальные естественным образом отпали навсегда. Ни к кому из них не было недоброжелательства, зависти, ревности. Пожалуй, не вся правда. Некоторые были неприятны – пошляки, заведомые карьеристы, партийные чиновники, приспособленцы. Но вот и об этих дрянных людях знал Князь. Иногда пытался и мне рассказать, как да что с ними. Я отметал с порога. Если это есть университетское братство, говорил я ему, готов из него выйти. Он посмеивался.

Наверное, я в чём-то не прав. Может быть, излишне непримирим. Вот недавно пришло электронное письмо от Алексея Демьянчука. Письмо о Князе.

«Всё больше и больше удаляемся мы друг от друга, от студенческого нашего братства. Чаще это происходит почти незаметно. Ну, почил в Бозе такой-то... Небесное царствие. Иной почил, третий... А вот ушёл Князь – и оборвалась некая очень важная нить. Князь был такой НАШ, такой человек ИФФ. До последнего дня жизни он оставался студентом. Все почти связи, вся информация, всё дыхание наших студенческих лет приходили от него. И, что очень дорого, не от Владимира Викторовича, но от Вовки, от Князя... И как-то пусто становится в Томске, в универе. Потому что и Томск, и универ без Князя – пустая статистика, пыльный учебник истории, валяющийся где-то на антресолях со старыми валенками и забытыми гаечными ключами».

Последние строки про пыльный учебник и старые пимы на антресолях – почти такой же пыльный расхожий образ беллетристики прошлого века. Но все чувства и переживания Алексея я понимаю.

Нет, университет без Князя не стал для меня пустой статистикой. Всё-таки это нечто другое, многослойнее и богаче. Но, кстати, и не этот, величаемый сегодня запанибрата «универ». Я, слава богу, застал времена, когда ещё не за что было его так обзывать.

В начале двухтысячных я шёл к площади Революции (ну пусть Новособорной), привычно не глядя по сторонам. «Вова!» – окликнул меня Князь. Он сидел на скамейке, постукивал ладонью рядом с собою. Я сел. Князь потягивал из бутылки напиток.

– Будешь? – протянул мне.

Это называлось «джин-тоник». Я глотнул – не понравилось. Дальше Князь пил один. Думаю, ему было приятно само название.

Позади нас был торец Сибирского физико-технического института. Напротив, через дорогу, начиналась университетская роща. А здесь шли мимо красивые, как всегда в этом месте города, девушки.

– Вот что забавно, Вова, – сказал Князь, – когда мы здесь пробегали студентами, эти девушки ещё не родились. Да какое там, они далеко ещё не были запланированы. А глядя на них, вспоминаем былые годы.

Ахматова не любила в воспоминаниях прямую речь. Вот и я не стану. Князь спросил о том, не кажется ли мне, что наши лучшие годы – это студенческие. По его интонации я понял, что он-то себе на этот вопрос ответил. Я, помню, что-то хотел возразить, но, помолчав, согласился. Да, потому-то мы сейчас, вполне себе стариканы, вспоминаем их благодарно. Мы ещё поболтали, разошлись, не уговариваясь о новой встрече, мы и так виделись – город маленький.

Была у нас и такая, можно сказать, забава. В тот день, когда по телику вечером предстоит программа о джазе или западной рок-музыке, или фильм с участием кумиров юности Кирка Дугласа, Юла Бриннера, мы звонили друг другу – кто кого опередит, – сообщая о времени и канале, на котором это прокатят.

Вот тоже интересный эпизод нашей жизни, причём с точной датировкой. 21 декабря 1979 года во время обеденного перерыва в нашей районной газете мы с Толиком Перервенко двинулись к газетному киоску. И встретили тут Князя. Он тоже, как и мы, подошёл за газетой «Правда». С чего это вдруг? А дело в том, что исполнилось 100 лет со дня рождения Сталина. И мы хотели узнать, что они там наверху решили: безусловно восславить Отца Народов или же сделать некоторые оговорки. Нет, полного реабилитанса не произошло. «Перегибы» были уравновешены «успехами». Ну что ж, хотя бы так. Хорошо было бы это отметить. Но нам надо было сдавать секретарю полосы в номер, и мы распрощались.

Ещё помню: был однажды правозащитный семинар в каком-то месте. Объявили перерыв, все вышли в коридор, а там из радиодинамика пел Ободзинский, была передача о нём. Прошло время, всех позвали в зал, но мы позволили себе задержаться и дослушать.

Однажды накануне своего дня рождения Князь позвонил, предлагая местом завтрашней встречи сделать двор в моём Тимирязево. Именно двор. Погода стояла ласковая, жара немного свалила. Назавтра, 18 июля 2003 года, к обеду, появились в этом моём дворе Князь, его взрослый красивый сын и двое незнакомых мне мужчин. Перезнакомились мы быстро при поддержке вина и пива, посидели за столом, я предложил пойти к нашему озеру, там бродили по берегу, сидели у воды. Остались хорошие, с настроением, фотографии того дня. Кроме названных, на них моя жена Ольга и наш сын-трёхлетка. А Володе, значит, исполнилось в тот день 54.

Через 17 лет и 1 месяц после этого дня Володя Львов, наш Князь, умер. Я узнал об этом вечером после его похорон.

...Мы с Ольгой подъехали к дому на улице Карла Маркса. На нём был номер из моей записной книжки. Но что-то было не так с этим добротным сооружением в два этажа. Я растерялся. Ольга оказалась сообразительнее и увлекла меня во двор. О боже! Ну конечно, со двора к нему примыкает ветхий двухэтажный дом. И я узнаю его. С моей рассеянностью простительно, и был-то здесь всего несколько раз: в студенческой юности, когда Князь захотел показать мне свою коллекцию марок. Потом с Толиком Перервенко в конце 90-х зимним вечером явились в гости. Наконец, уже в новом тысячелетии отмечали здесь приезд в Томск Лёши Демьянчука. Из группы отмечавших нет уже Бори Овценова и Жени Зырянова. А теперь вот нет и хозяина квартиры.

Мы поднялись по дряхлой лестнице на площадку второго этажа. Не покидало ощущение убогости, ветхости окружающего – раньше этого не замечалось. Мы постучали в соседнюю дверь, которая почти сразу и открылась. Соседка Светлана заговорила с нами без предварительных приглядываний и выяснений, кто такие. Она сказала, что дом этот постройки 1860 года. Она рассказала о последних месяцах Князя. Во-первых, он оставил преподавание в своём колледже. Во-вторых, его оставила жена. Об этом он говорил мне по телефону. Он скучал по дочерям. Почему-то я уверял его, что это глупость, затмение, что она непременно вернётся. Я хорошо помнил их вместе, рядом. Она не вернулась.

Томск пустеет с уходом моих товарищей. Я по слепоте принимаю за них других, чем-то похожих внешне людей. Многих уже не встретить на главном проспекте города, и Князя на набережной Томи неподалёку от его дома тоже.

УРОКИ НЕМЕЦКОГО

Я полюбил искусство в том числе и за его космополитизм. Чтобы не звучало так подозрительно, скажу: за его всеобщность. Его ценности принадлежали не государству, а людям, желающим их понять и принять. Время и обстоятельства помогали либо мешали проявиться этим ценностям, но в итоге они становились нашим общим достоянием.

Однако я всегда знал, что Слово прежде всего обращено к людям, родным по языку. Потому стихи, написанные на русском, это – достояние русской литературы, и я как русский человек законно горжусь, что у меня есть Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин и Ахматова. Это мой язык с первых месяцев существования. Словами на этом языке обозначались самые близкие мне мать, отец, бабушка, потом домашние вещи, затем трава и деревья, а позже такие понятия как душа, любовь, смерть.

Но потому искусство и является великим явлением, что оно либо говорит с разными народами без посредства слов как музыка и живопись, либо при посредстве перевода происходит замечательное взаимопроникновение культур. Примеров тут не перечислить и, называя одного переводчика, рискуешь обидеть другого и третьего.

Два околотитературных впечатления.

В Дюссельдорфе, городе прославленном и старинном, больше всего запомнились мне огромные кленовые сухие листья, которые ветер гнал по набережной Рейна. Они почти гремели, проносясь мимо. Поражали их размеры. Мне вспомнилось из школьной поры то, что связано было с именем реки:

Прохладен воздух, темнеет,
И Рейн уснул во мгле....

Незабываемое детское впечатление. Берта Андреевна, наша учительница, читала «Лорелею» Гейне по-немецки:

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten
Daß ich so traurig bin;
Ein Märchen aus alten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Как это звучно! Наверное, я впервые был очарован стихами на чужом языке.

Один из переводов:
Не знаю, что стало со мною,
Печалью душа смущена.
Мне всё не дает покою
Старинная сказка одна.
(Вильгельм Левик)

А разве не чудесно это:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Johann Wolfgang von Goethe (1749-1832), «Ночная песня странника».
И сколько бы я потом ни прочёл переводов этого маленького шедевра Гёте, в сердце откликается лермонтовский:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

* * *

Мои старые друзья по Томску Вилли и Лида привезли меня в ближайший к ним городок Оснабрюк. Я знал, что это родина Ремарка, моего любимого писателя с юных времён. И что же? Мы побродили по улочкам, посидели за столиком кафе на площади под открытым небом. Разве это добавило что-нибудь в моём восприятии Ремарка? Ничего.

В давно известном пошлом толковании особенностей языков мира итальянский – для сердечных песенных излияний, немецкий – язык приказов и команд.

Но какие красивые у немцев имена цветов: Vergißmeinnicht (Фергисмайнихт) – не забывай меня (незабудка) и птиц: Nachtigall (Нахтигаль) – соловей.

Вот примеры, где звучание слова просто вызывает восторг, эмоциональный отклик, потому что в звуке – сама смысловая суть. Магнитофон (Tonbandgerät). Помню, как мой друг Андрей Сагалаев произносил по слогам этот самый Tonband-gerät, помогая руками изобразить наш неподъёмно-громадный и громоздкий старый катушечный «Тембр». Это не унижало магнитофон, он пользовался заслуженным уважением, просто он был таким – большим и тяжёлым.

А Витька Козлов в седьмом, кажется, классе школы в восторге повторял немецкое «schmutzig» (шмютцих), означающее «грязный». Так оно нравилось ему точностью звучания, такое он слышал в нём отвращение к грязи, что даже брезгливо морщил нос, протягивая «ю», процеживая «ц».

В деревне Татьянаовка, в школе-восьмилетке мне довелось и немецкий преподавать. Читаем текст. Один проказник, простодушно глядя мне в глаза, произносит, старательно выговаривая: «На хер». Остальные с интересом ждут. Я отрицательно помотал головой, не поднимая голоса, поправил: «Нэер. Читается: нэер. Ха не читается». После чего все мы не исподтишка, а по-доброму рассмеялись.

* * *

Одно из самых незабываемых моих германских впечатлений – чистота и порядок, пресловутый Ordnung, который охотно поддерживается всеми. На родине мне говорили «знатоки» западного образа жизни: «А ты попробуй, брось там пачку папирос или разведи огонь в лесу – тут же выскочит страж закона и взыщет по полной». То есть, всё объяснялось страхом наказания. Но я не увидел там нигде попыток незаметно напакостить полицейскому, подбирая на улице пустые пакеты и коробки... Не было этого.

Доехали с дядей Володей до окраины Дюссельдорфа, а там и пошли пешком. По лесистым горам, по жёлтой палой листве, которая пахнет так же, как у нас: остро, грустно. Встречались громадные деревья, не обхватить. Лежали упавшие стволы, древние, поросшие клочьями мха. В гору можно было подниматься хоженными тропками, а можно идти напролом, укорачивая путь, но тут, вполне как в наших лесах, начинался бурелом, трещали под ногою сучья.

В лесу достаточно мест, определённых для костра. Мы шли долго, встречали их не раз, и похоже, они расположены вполне с учётом традиционных переходов. И урны для мусора не выглядят кощунственно, как рисовал один

из побывавших «там». Дескать, представляешь, оскорбление какое: вдруг среди дикого леса – урна! Нет, там в лесу душа отдыхает, а в нашем, освоенном человеком, – печалится.

Отделённые проволочной сеткой гуляли в дикой природе олени. Потом явились кабаны, посмотрели на нас равнодушно и умчались в глубину леса. Рядом со мной, у сетки, были дети разного возраста, и я пожалел, что нет со мною моего маленького друга (я говорю о сыне).

С вершины одной горы открывался замечательный вид на Дюссельдорф. Тут стояла скамейка в соседстве с большой ёмкостью для мусора. Мы сидели, глядя сверху на старый город. И я думал: «Наверное, вот так же, десятки лет назад, можно было пройти этот долгий подъём, сесть на горке и смотреть вниз на родной город, в котором живёт отец, прожили дед и прадед, и вывески над булочной или цветочным магазином те же, только подновляемые. О, liebe Heimat! Чего их понесло на Восток, в поля неведомой России. Как же легко их, людей порядка и культуры, оболванил Гитлер. Неужели даже не думали, что увязнут там, а потом те, кто уцелеют, побегут назад, но не смогут укрыть их родные стены».

* * *

Под Ганновером жили тогда Володя и Эрна Марьины. Эрна и сейчас там живёт, а вот Володя упокоился в немецкой земле.

Они сводили меня в этакий живой музей – современное животноводческое хозяйство, ферма. Здесь всё наглядно, всё по-настоящему работает. Глядел на громадных добродушных хрюшек, почёсывал крутую голову барана, погружал пальцы в густую овечью шерсть.

Мы шли обратно, было, наверное, около нуля, потому что мелкие лужицы прихватило ледком. Вдоль дороги попадались плодовые деревья. Сорвал яблоко, надкусил, ожидая чего-то кислотоватого и был совершенно сражен изумительным вкусом. И груша оказалась сочной и спелой. Так это всё было необычно, не с лотка и прилавка, не в контексте какого-нибудь сада, а на обычной просёлочной дороге.

Накануне мы совершили ещё одну прогулку. Дорога из бетонных плит шла по большому пустынному полю. И привела на нежилое пространство. Год назад здесь располагались павильоны ЭКСПО. Некоторые сооружения сохранились, и оттого безлюдье выглядело как-то странно. Мне вспомнился тоже странный фильм Алена Рене «Прошлым летом в Мариенбаде» с такими долгими проходами по каменным пустырям. Даже из того, что осталось, можно воссоздать размах происходившего. Немецкий павильон в виде гигантского почтового ящика впечатляет, йеменский воспроизводит дворец с внутренним двориком за высокими стенами с коваными воротами...

* * *

Немецкий Ordnung впечатляет на кладбище. Долгие ряды одинаковых плит на ровном и чистом поле, ограниченном деревьями. Кто из покойных был богаче, кто беднее, кто известнее в миру, кто никак не проявился – всё это не откроется пришедшему сюда. Однообразный пейзаж рождает некое успокоение.

Умиротворение. Это пространство, отданное ушедшим, нигде не нарушается чем-то лишним и ненужным. Никогда не любил (и теперь уж не люблю) наши кладбища, уставленные так называемыми оградками (их величают почему-то так, с уменьшительным суффиксом). Уже и в памятниках есть некая состязательность, так ещё и в этих оградках, на углах которых то самолетики, то шары, то острые пики. И сами они – чёрные, зелёные, синие. Кое-где столы, лавки, чтобы можно было присесть, разлить, выпить. А тут ведь другое, здесь предполагается вечный покой.

Несколько лет назад я оказался на старом кладбище при деревне, которая тоже почти вымерла. Редкие здесь ограждения из штакетника повалились и сгнили. Было несколько железных, но, сказала мне сопровождавшая старушка, приехали на грузовике люди и увезли их на металлолом. Теперь это спокойное, малоприметное место, но могилы стариков, рядом с которыми я прожил когда-то полгода, мы отыскивали. И едва ли к ним кто-то ещё придет. И забытьё это будет, признаем печально, естественным.

* * *

Очень тронули в этих поездках по Германии терпимость, доброжелательность, приветливость в общении работников почты, продавцов, контролеров в трамвае. А водители автобусов дальнего следования даже шутят с пассажирами, травят под настроение истории и анекдоты.

На пути в Амстердам мы попали в штау – большую автомобильную пробку. Наш гид вёл достаточно занимательные исторические штудии, и досадовать было некогда. Этот дефицит времени мы почувствовали там, в столице Нидерландов. Мы передвигались по улицам достаточно проворно, некогда было приглядываться. Да ещё нужно держать ухо востро, чтобы не попасть под велосипед. Их там совершенно невероятное количество. Катят быстро и агрессивно, всадники выкрикивают что-то, видимо, ругательное или молчат, как бы в упор тебя не видя – не успеешь, значит, опоздал. Одного из наших задела ощутимо, ему не понравилось.

Помню название какой-то видеострашилки, фильма ужасов «Амстердамский кошмар», так это точно о них, о велосипедистах.

В конце дня всё-таки дали минут сорок на свободную прогулку. Мы с Володи́ей Михайловым (германским родственником) вышли на площадь. Тут как бы на пьедесталах кривлялись живые памятники, лица раскрашены под мрамор или медь-бронзу. Туристы фотографировались с ними. На ратуше пробили часы. Зацокали копыта, на площади появилась карета. Праздничная сбруя на лошадях, кучер на передке. Это было здорово. А потом мы снова шли группой, быстрым шагом по улице Красных Фонарей. Я как-то не сразу понял, что девушки в освещённых тёплым светом кабинках – не музейные фигуры или участники спектакля. Это товар. А, поняв, удивился: вот как всё просто. Они были разными, эти девушки: худенькие и пышные, светлые, смуглые, мулатки. Они смотрели на прохожих спокойно или занимались своим делом, причёсывались, подводили брови. Пожилой крупный дяденька приоткрыл дверь и вёл с одной из них переговоры.

* * *

Юлиан, сын Володи, моего покойного товарища по Тимирязево, теперь уже вполне освоился на новом месте жительства. И с работой ему повезло, на заводе делают многожильный кабель, производство стабильное, без кризисов и сокращений. Берётся за сверхурочную работу, получает хорошо. Дорос до бригадира производства. Потому что надёжен, понимает производственную дисциплину. Турки, когда приходит время молитвы, оставляют рабочее место, бросают на пол коврик и предаются общению с аллахом. Хозяева смотрят на это терпимо: такова традиция благодарности этому народу за послевоенное возрождение экономики.

К нашим переселенцам относятся поостороже. Хотя ни о какой дискриминации, конечно, речи нет. Просто, говорит Юлька, мы так и останемся для них другими немцами. Они и не отталкивают, но и не приближают.

За эти годы лишь с одним (!) местным немцем у него наладились товарищеские отношения. Бывают друг у друга в гостях, помогают в домашних делах. Юлиан познакомился с его дедушкой. Дедушка рассказал замечательную историю. Как-то в Дюссельдорфе устроили выставку военной техники времён второй мировой. Старика заинтересовал танк, вокруг которого он ходил, разглядывал его с разных сторон. Молодой солдат бундесвера, из obsługi, желая помочь, спросил: «Пояснить что-то, папаша?». «Спасибо, сынок, – отвечал ветеран, – я на таком танке пол-России проехал». Его танк подбили, он попал к нашим в плен, но ему с двумя товарищами удалось бежать.

Что можно было понять из окна автомобиля? Наверное, будь я водителем, оценил бы автобан. Не зря Саша, сын моих томских друзей, прибавляя газ, косил на меня испытующе. Я кинул взгляд на спидометр, машина шла на скорости 180, как будто самолёт по небу, как будто не было под нами дороги – не шелохнет, не покачнёт. Серые бетонные стены по сторонам не позволяли оценить скорость, только на просторе, вне ограждений, ты понимал, что это воистину классно.

Что-то я видел из окна автомобиля, что-то в более спокойном режиме сквозь окна электрички.

И всё-таки душевное или сердечное впечатление оставило привычное мне средство передвижения. Мы с Вилли Робертовичем сели на велосипеды и поехали улицами их селения, потом покатали вдоль длинной лесополосы. Близ обочины горели сложенные в кучи листья. Этот интернациональный горький запах пробудил чувства, которые не надо было оформлять словом – и единства мира, в котором мы живем, и близости человеческих переживаний, потому что я видел бауэра (крестьянина) средних лет, который шевелил горящую листву и созерцал огонь, опершись на грабли...

Я сказал своему товарищу: «Ну прямо как у нас». А он возразил: «Нет, тебе просто повезло. Есть всего две пятницы осенью, когда разрешают разводить костры. Но этих дней вполне хватает».

И ехали мы дальше, и Вилли говорил мне: «А вот тут внимательнее, тут ежи дорогу переходят». Я кивал. Нет, по моей вине ни один немецкий ёжик не пострадал.

* * *

Так получилось, так уж мне повезло, что посетил я Германию трижды. Второй раз мы были там всей семьей – с Ольгой и Глебом. А в третий вновь я один.

В моей сегодняшней пенсионной стабильности есть своя отрада, своя красота. Но совсем не случайным было приглашение в гости от моего ученика Юры из сельской школы 1970-х годов и его жены Эммы, давно уже граждан Германии.

Говорят, пространство растягивает время. Тот, кто в пути, проживает несколько дольше.

Вот так, продлевая жизнь, летел я в феврале 2016-го из Сибири в Москву, затем из столицы до славного города Гамбурга. А там, встреченный Юрой, катил на его «Ауди» в городок Мёльн, в окрестностях которого и живут мои друзья.

В этот раз я провёл за рубежом больше месяца. Половина этого срока прошла в путешествии на этом самом автомобиле по немецким городам, а затем и по итальянским. Об этом я подробно рассказал в своём очерке «Польза впечатлений» (он есть в книжке «Заметки о нашем времени. Вторая часть»).

Яркие картины природы и сейчас являются во сне. Какое жилище было у нас в горах, куда так долго взбиралась машина. Циферблат на кирхе золотился, как бы противясь хмари и сырому туману, стелившемуся на уровне креста. На вершинах лежит снег. Но он и здесь на крышах аккуратных домиков и на деревьях. Неподалёку ворон нашёл небольшое чёрное деревцо, устроился и начал кричать. Сначала одиноко, потом ему отозвался его невидимый мне собрат. Мы просыпались рядом со снегом: вот он, почти у порога. А потом скатывались вниз, в долину, где уже зеленела трава и поднимались робкие и мелкие белые цветы.

Вечное и временное по-особому сопрягаются, когда они рядом.

Вспоминаются встречи в несуетной обстановке.

Господин Вольфганг Шталь (Herr Stahl) – сосед моих друзей. Аккуратный и, как я сразу почувствовал, уверенный в себе человек благородного облика. При встрече я соорудил две-три фразы по-немецки. Он с улыбкой ответил. Провёл в комнату, предложил шампанского. Показал большой лист на стене – своё родовое древо, ветви тянулись на сотни лет. Родовитые ветви и с его стороны, и со стороны жены. Показал фотографию отца, офицера вермахта, отбывшего срок в лагере под Свердловском. Не замечая моего смущения, неладов с языком, он выслушал мой перевод стихотворения Аннетты фон Дросте-Хюльсхофф, следя по оригиналу. Похвалил за соблюдение размера и рифмовки, сказал, что она тоже вестфальская. «Тоже» означает, что и его род оттуда.

Конечно, пришлось общаться через Эмму как переводчика. Herr Stahl сказал, что он поклонник экспрессионизма, показал работы на стене. Я консерватор, сказал он и обвел рукою интерьер комнаты и вправду строгий, со старинной мебелью.

Наш вечер завершился в ресторане, где пили белое сухое вино. Я спросил позволения прочесть по-немецки свою миниатюру о Маленьком Принце. Произвело хорошее впечатление. Шталь напомнил мне еще один афоризм из

этой истории, кроме отмеченного у меня про приручение: «Видеть сердцем, а не глазами». Сердечно прощались и крепко обнимались с хозяйкой, спевшей, как и полагается, начало «Катюши».

Юра как-то рассказал мне то, о чём поведал ему старый товарищ Олаф Рамин. То, что он вспоминал со стыдом, но, видимо, навсегда сохранил в памяти. Так вот, Рамин зашел в больницу навестить своего учителя (тому около восьмидесяти). В это время женщина-санитар что-то проделывала у постели больного. Рамин небрежно встал в стороне. И учитель сказал ему:

– Что же ты стоишь при женщине – руки в карманы?

И однажды вечером нанесли нам визит тот самый господин Рамин с женой. Обаятельны оба. Этот мягкий пожилой человек – знаток литературы, музыки, языков. Правда, не знает русского. А я опять пожалел, что не подтянул свой немецкий. Только и смог припомнить строки «Лорелеи» Гейне, что читала нам когда-то незабвенная Берта Андреевна.

Die schonste Jungfrau sitzt
Dort oben wunderbar,
Ihr goldnes Geschmeide blitzet,
Sie kammt ihr goldenes Haar.

Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем её золотым.

(Самуил Маршак)

Ну вот, кажется, так можно закольцевать эти мои нестройные заметки о германских впечатлениях, об уроках немецкого.

Эльвира ЗАВЬЯЛОВА

ПОЕЗДКА ПО ЕНИСЕЮ

Томские художники почти ежегодно летом-осенью отправлялись на натуру на север. Многие написанные В. Гроховским, Я. Пановым, В. Поповым, В. Череминым, А. Шумилкиным и другими пейзажи стали сибирской классикой, участвовали в многочисленных выставках, включая всероссийские, и вошли в музейные собрания. Прибывший в Томск в 1966 году Герман Завьялов пополнил их ряды. Он был страстным путешественником, и после поездок по большим и малым сибирским рекам рассказывал байки, которые передавались из уст в уста, но, к сожалению, их не успели записать.

Новые территории будущий художник сначала осваивал вместе с родителями-учителями, которые были организаторами национальных школ северных народов и часто переезжали с места на место. С детства прочно вошли в его жизнь реки, где традиционно располагались селения коренных жителей.

После окончания Московского художественного института имени В. И. Сурикова Герман выбрал город на реке, который к тому же был географическим центром страны, откуда открывался путь во все стороны света. Вскоре с друзьями он построил свой первый катер и отправился на север Томской области. В следующие десятилетия он писал и писал неяркую и суровую природу Нарымского края, создав его живописную летопись.

Но до Оби был Енисей. С него художник приступил к творческому освоению сибирских рек. Воспоминания участницы поездки Эльвиры Максимовны Завьяловой написаны через много лет, но сохраняют живую память о том незабываемом лете.

Л. О.

В 1962 году Герман задумал собрать коллектив ребят-художников из своих друзей в путешествие по Енисею на август – сентябрь. Самая красивая пора – осень, комаров уже нет, так как ночи стали прохладные, в тайге – рыжие пятна осенней листвы. Охота открыта, дичи много, рыбалка хорошая. Собирались-то многие, а поехали Виктор Семеняков (училищный друг), Махмуд-туркмен, весёлый парень (из группы института), хотел приехать Стрелов Миша, но какие-то дела задержали его в Москве, он обещал быть чуть позже, ну и, конечно, я, нигде не отстававшая от Германа. Он договорился с Курти-лешевым, своим училищным другом, жившим в Красноярске, у которого мы могли остановиться до отплытия.

Заранее Гера добыл где-то лоцманскую карту по Енисею с точно расположенными на ней посёлками по нашему маршруту. Он, конечно, за командира-капитана. Ребята решили сначала сшить парус. Все сидели на полу и сшивали куски прочного грубого, уже раскрашенного холста. Когда парус был готов, решили его расписать ликом Спаса Нерукотворного во всю верхнюю часть паруса. Очень красиво получилось! Изображение должно быть видно издалека-

ка по реке. У всех были рюкзаки, этюдники, картон вместо холстов (полегче чтобы). Да, я очень благодарна сёстрам Куртилешева, которые организовали поход на Красноярские Столбы, это было незабываемое событие.

Мы там провели полтора дня.

Ночь была удивительная! По лесу до утра бродили олени из заповедника и звенели колокольчиками на шеях, подбирая остатки пищи от туристов, а мы жгли костерок в каменном гроте и разговаривали о красотах вокруг нас, о звёздах (небо было ясное) и, конечно, о долгожданной поездке.

И вот мы выехали на пароходике в Енисейск. Герман с друзьями решил лодку покупать в Енисейске, там они были дешевле, там же оборудовать её, а потом уже плыть. Впереди были большие енисейские пороги – река-то скалистая. Тут только опытные лоцманы проводили парходик на надёжное русло реки. Таких больших порогов дальше не было за всю поездку, но маленькие были впереди. У Германа они были отмечены на карте, но он предупредил ребят, чтобы они мне не говорили о них, чтобы я не испугалась. Груз распределили по возможности, кто сколько унесёт. Кроме паруса, палаток были ружья, патроны, одежда, фуфайки, шапки и ещё много чего. Даже не представляю, как это всё они донесли (уже подзабыла).

Это была моя первая поездка как художника. А сколько их ещё будет в жизни... На этом пароходике всё тряслось от мотора (видно, хороший был мотор), ни сидеть, ни спать было негде с нашим грузом, и мы расположились на одном из его бортов, но там стояли бочки, с горючим, вероятно. Одна бочка выше, другие ниже, такая лестница из четырёх бочек, и я, сморившись, легла на них и уснула. Плюс ещё тряска, моторный отсек был под нами. Но это молодость!..

Всё было уже оговорено между нами. Ребята по прибытии в Енисейск сразу кинулись к местным жителям выспрашивать, можно ли где-то купить дешёвую, но прочную большую лодку. Денег-то немного, все студенты. Жители подсказали. Осмотрев несколько лодок, выбрали одну, заплатив, сколько запросили. Ну теперь она наша на всю поездку.

Надо было её оборудовать, подремонтировать и устроить под хозяйственные нужды. Нос лодки самый сухой (он всегда над водой), осталось только сделать отсек с закрывающейся крышкой, а внутри – маленькие полочки для спичек, соли, чая. Крышка на двух петлях, а сверху обшили клеёнкой от дождя. Там были макароны, хлеб, сахар, одежда, патроны и т. п. Соорудили мачту, купили верёвки для перемещения паруса (вправо-влево), купили два весла и ещё одно для кормы, чтобы рулить. Поначалу занимался этим Герман, он был рулевым, но потом он обучил и ребят.

Надо было соорудить ящик, продувной, с полками, где хранились бы этюды (у всех ведь были масляные краски) и сохли на ходу лодки, но чтобы при этом и не мокли от дождя. Для этого по бокам приспособили спускающиеся клеёнки: когда дождь – спускали, сухо – поднимали.

И вот наутро мы отплыли, как первооткрыватели: радость в душе и неизвестное впереди. Гера ушёл ориентироваться по бакенам и по створам, я верила ему, и ребята тоже. Думаю, многое ребята узнали от него: как вести себя на реке, на охоте, на рыбалке и в походной жизни. Всем было интересно. Были и ещё пороги на реке, уже небольшие, но, чтобы не пугать меня, все молчали.

Плывём однажды, смотрю, а вода «кипит» под лодкой, я смеюсь, а ребята знали, и переживали на этом отрезке пути. Не помню, как назывались такие пороги, но местные жители говорили, что беды случались и на них. Мы прошли благополучно, все вздохнули. Хорошо, что я узнала о них много позже.

Русло Енисея прямое, не то что Обь, и под парусом идти одно удовольствие, не надо никакого мотора. Тишина, и только журчание за кормой. Слышимость на воде идеальная.

Вообще мощная река как бы вырублена и заполнена водой. Полноводная – залюбуешься! Один берег крутой, со скалами и тайгой, а другой более пологий и тоже с тайгой. Все берега усыпаны галькой, камушки чистенькие, промытые водой и обсушенные ветром, как будто мозаика. Стерильность в поездке обеспечена.

Приставать к берегу – одно удовольствие: выпрыгнули из лодки, и сухо кругом. Правда, для лодки плоховато, всё время трётся дно, но она была прочная. Выбрали хорошую большую лодку, длина её была метра 4,5–5. Как только приставали к берегу, сразу надо было ставить палатки и заготовливать дрова для костра, благо, они были везде по берегу, и сухонькие. А ребята, снабдив дровами малый костёр, на котором надо было приготовить пищу, начинали заботиться о большом костре. Все хотели есть, так как по реке проехали несколько часов. Я начинала готовить из того, что было: или дичь, или рыба, или грибы, или консервы. Чай был плиточный, калмыцкий, со сгущёнкой. До сих пор помню вкус этого чая: это был нектар, такая вкуснятина. Однажды высадились, и я обнаружила по всему берегу между камушками дикий лук с зелёными пёрышками. Попробовала: действительно, лук. У нас он называется «бузулук». Больше я о заправке супа насчёт лука не беспокоилась. Он рос по всем берегам.

На всю ночь надо было сделать большой костёр. Берега-то сухие, без ила и песка, и брёвна, которые плывут по реке, а потом их выбрасывает на берег, тоже сухонькие (их уже обдуло ветром). Ребята приносили бревна три, складывали их бок о бок по ветру в длину и поджигали. Они лежали, как в печке, и постепенно вместе горели. Горели они всю ночь, наутро оставался лишь маленький костёрчик. Вечером, когда сидели у костра, и светло, и тепло, и всю ночь можно спать спокойно, ни один зверь не подойдёт к палаткам до утра.

Но однако утром в лужице, в глине мы увидели следы медвежьих лап. Но, как нам показалось, они были давнишние. Страшновато. Также слышали на другой стороне реки рёв медведя, ведь осенняя пора, а у них время гона. Герман предупредил ребят, чтобы держали нож под подушкой, а ножи были у всех, чтобы можно было в любой момент разрезать палатку и выскочить, а ружья были под матрасом. Так что мы всегда пребывали в боевой готовности. И спали даже крепко, «без задних ног», так как умаялись за день, да ещё и этюды писали.

А красота кругом была дивная. Вошла я в лес и сразу села за этюд, дальше и не пошла, потому что и здесь было что писать. Написала приличный этюд с замшелыми деревьями, лесными грибами и зелёным мхом, а на земле гранит-скала просматривается.

Вспомнилось, был такой случай. Бурундучков много в тайге, очень они были красивые. Это зверьки меньше белки раза в три, с пушистыми хвоста-

ми. Собирая грибы, Гера вроде бы подбил одного, чтобы привезти в Москву как сибирский трофей. Положил его на ведёрочко с грибами, и он лежал... А потом, когда Герман отошёл, бурундук вскочил с ведра и убежал. Я это видела сама. Мы были рады, что он удрал. А пока я писала этюд в тайге, бурундучки посвистывали и глядели, как я пишу, сидя на дереве неподалёку. Очень любопытные зверьки. Больше Гера никогда не стрелял в них. Помню случай: пристали к берегу, а вдалеке так красиво опустились на воду два лебедя белоснежных. Я побежала к ним, а Герман так заорал на меня: «Не подходи, остановись!», что лебеди, побыв совсем немного, полетели дальше. Я ведь городской житель. Потом он объяснял нам, что лебеди летят на Юг, и когда они очень устанут, садятся в какой-нибудь лужице, чтобы отдохнуть и покормиться. И трогать их ни в коем случае нельзя. Об этом знают все на Севере от мала до велика.

Мне Герман тоже подарил охотничий нож в ножнах. У него был охотничий билет, а ножи мне нравились всегда, да и сейчас тоже. Где бы я ни путешествовала по заграницам, всегда посещала выставки с оружием и всегда рассматривала коллекции ножей. Красивые они. Наверное, я в другой жизни была воином. Но в то же время боюсь ножей, боюсь обрезать.

При удобном случае ребята рыбачили, это и еда, и удовольствие огромное. Когда была удачная рыбалка, делали на костре «подовухи». Это так делают северяне, а Гера нас научил. Поймав рыбу, надо быстро её распотрошить, выбросить кишки и голову, распластать её, разрезав от брюшка до позвоночника, но сохранив кожу. Получается мясо с кожей и косточками. Посыпать солью на одну-две минуты, а затем как бы хлопнуть по воде солью, слегка смыв её с рыбы. Прикрепить растянутую и уже слегка подсоленную рыбу на досточку гвоздиками и расставить досточки вокруг жаркого костра. И начинается волшебство. Во-первых, начинает стекать сок из рыбы и как бы заветривать первые слои мяса, во-вторых, рыба начинает розоветь, поджариваться до красивого цвета. Ведь рыба жарится быстро. А около костра уже висит дивный аромат от такой вкуснятины. И вот начинаешь отщипывать по чуть-чуть сбoku, сил нет дожидаться, когда же она поджарится окончательно. Ещё немного и готово. Едим – это что-то!.. Горячая, сочная, в меру солёная, шкурка так и отлетает, косточки сами выпрыгивают. И вкус, вкус необыкновенный! Но надо делать и так же расставлять вокруг костра следующую партию рыбы. Это будет еда на завтра, когда мы вновь поплывём на лодке, а также на случай дождя. В дороге будет только холодная, но всё же вкусная подовуха и чай.

Однажды я в лесу наткнулась на грибы: опять на пеньке и около него. Никто никогда их здесь не видел и не собирал, их была целая плантация. Я собрала, сколько мне было надо, и решила сварить суп с макаронами. Но ребята посмотрели на эти грибы с опаской, сказали, что это могут быть поганки. Я же точно знала, что это съедобные опять. Суп получился отменный, я покушала вечером, а ребята не стали его есть, какие-то консервы ели. Наутро я – живёхонька, и они доели этот суп.

Знатная рыбалка была у Германа. Он всегда любил прихвастнуть, а уж тем, что знал и любил, тем более. Ну, черта такая. Ещё в Москве он запасся кроме тонкой лески и мелких крючков ещё самой толстой леской (2 мм, кажется, если такая есть, не помню точно) и двойными якорями-крючками.

Мне было всё интересно, что он сделал. Я этого не видела никогда и не знала. Так у меня по жизни всегда: чего не знала, то хотела увидеть и узнать. Герман взял два якорных крючка, связал их проволокой, получился огромный якорь с четырьмя большими шипами. Перед этим ребята ходили на охоту, и он, имея в виду большую рыбалку, так, на всякий случай, убил на охоте белку. Содрал с неё шкурку, как чулок, а мясо выбросил. Нанизал эту белку на якорь шкуркой наружу, вот тебе и приманка на тайменя. Таймень – это хищная рыба крупного размера. Как потом объяснил Герман, таймень иногда питается мышами, которые бегают по скалам, он видит из-под воды мышь, выпрыгивает и хватает её. И вот мы расположили стоянку около огромных камней, скорее, даже небольшого утёса с каменной площадкой. А кругом тайга... Берег был крутой, в гальке весь, а ещё выше и выше уже на скалах – тайга. Ширина галечного берега была метров 30, а склон берега примерно 25 градусов. Весь вечер у костра были разговоры о рыбалке, и мы действительно слышали, как около нашего утёса плюхались огромные рыбы. Значит, правильное место Герман нашёл для рыбалки. Никаких снастей у нас в поездке не было, только леска и крючки. Всё делалось вручную: нужна удочка – подошёл к кусту и вырезал удочку, какую тебе надо. Гера знал места, где можно ловить, ведь он северянин, из Тикси. Всё его детство было среди рыбаков и местного населения.

Ребята ушли на рыбалку рано, я ещё спала. Слышу шум, ребята кричат, и вижу целое сражение с рыбой. Она была большая, ну, больше метра, силы необыкновенной. Гере хватило сил её поймать на этот якорь с белкой, подвести к берегу, а дальше тяжёлая, и ему не под силу, хотя ребята преклонялись перед его силой. Он, недолго думая, взвалил леску на плечо (он был, по-моему, в фуфайке) и, как мог быстро, побежал вверх по галечному берегу. Ему так хотелось, чтобы она не оторвалась и не уплыла назад, но, видно, хороший он сделал якорь. А откос, то есть берег, был очень крутой. Тут ребята пришли ему на помощь, но и рыба билась, как могла (это очень сильная была рыба). Рыба была побеждена! Ели до отвала, потому что надо было поскорее съесть её, так как холодильников никаких не было. Очень вкусная была рыба. Вот так вот: всё в жизни надо знать и уметь.

Очень странно, но чего только не бывает в поездках. Мишка Стрелов, который задержался в Москве, всё-таки объявился при странных обстоятельствах. Пока мы плыли под парусом по Енисею, а судов там не очень много, нас давно приметили капитаны теплоходов. Они ходят туда-сюда и видят, что мы в пути. Лодка, парус примитивный, но со Спасом наверху. Они уже терялись в догадках, что это за романтики? И дождь, и ветер, и холод – всё переносят. Таких здесь ещё не было, и Спас был большой и красивый, ребята постарались в росписи. А Мишка приехал в Красноярск и узнал, что мы где-то на реке, в дороге уже прилично по времени и расстоянию. Ведь тогда ни сообщить, ни позвонить не было возможности, только надежда на счастливый случай. Мы уже решили, что он не приедет...

Он сел на теплоход, человек он был общительный и находчивый, поговорил с капитаном. Капитан ему объяснил, что плывут тут какие-то люди под парусом расписным, встречали их несколько раз, но не знают, кто это. Мишка объяснил им, что это его друзья-художники, что он отстал и хочет к ним

присоединиться. Капитан ответил, что нет ничего проще, он через рупор на реке вызовет их, и друзья заберут его. Удивительно, как на одной из стоянок они заметили нас – ведь берега-то два, мы останавливались то на одном, то на другом. Наверно, бинокли были хорошие. Заметили и кричат в рупор, а по реке хорошо слышно: «Эй, художники, забирайте своего друга!». Ребята быстро прыгнули в лодку и поплыли на вёслах к теплоходу. С теплохода бросили лестницу, и наш Мишка оказался в лодке. Мы-то уже поднадоели друг другу, а тут – свежий человек. Все были очень рады! Замечу, что никаких разногласий и ссор никогда не было. Приличная команда.

Герман не очень задерживался на одном месте, он знал, что хорошая погода оборвётся сразу, и начнутся холода. Он хотел доплыть до Дудинки, а это очень далеко. Вот не помню, доплыл он до неё или нет, кажется, нет, холода начались.

Когда приехал Мишка, ребят стало больше, и дичи стали быть больше. Это были утки различные: кряквы, нырки и, по-моему, одну гагару подстрелили. Пух у гагары был такой плотный, еле ощипали, и жирная очень была. Встречались и рябчики, а один раз был лесной голубь, он ведь тоже питается ягодой и тоже вкусный, как рябчик. Когда дичь разыграли, он достался мне.

Однажды пристали к берегу, времени до вечера оставалось мало, быстро поставили палатки и принесли дрова, пока их было видно по берегу. Быстро взяли ружья и пошли на охоту на уток. Я осталась одна на берегу, но с костром, и стала готовить еду. А я, конечно, большая трусиха. Река и тайга рядом, а на берегу лишь я да костёр. Место новое, незнакомое. Пасмурный день, стало темнеть, а их всё нет. Один только просвет на горизонте, остальное – тёмное небо. И вдруг в этом просвете, с которого я не сводила глаз, далеко-далеко появились фигуры. У меня отлегло от сердца. Это шли ребята с охоты, за поясом висели утки, и разговоры, разговоры, как и положено у охотников. Поели, что я наварила, и до утра спать, а на следующий день все сидели и щипали уток – пух по ветру. Гера научил, что щипать надо в противоположную сторону от роста пера, научил и как потрошить правильно. Завалили дичь в ведро на варку, наелись. Такая удачная охота бывает редко. Оставшийся суп взяли с собой в лодку, и через некоторое время наш суп от холодной лодки и воды стал холодцом. Доедали его на ходу уже в виде холодца. По молодости да на свежем воздухе, да когда есть хочется – всё вкусно.

Как-то у нас хлеб закончился, а до посёлка километров 60 или больше, уже вечерело, и вот мы стали выбирать стоянку. Плывём недалеко от берега, и вдруг видим протоптанную тропинку, и ведёт эта тоненькая тропинка вглубь тайги. Знаем, что люди тут не живут, и по карте нет никакого посёлка. Пошли по тропинке, видим: на берегу стоят две лодки, да и тропинка свежая, значит, люди есть. Может, продадут нам хлеб. Углубились в лес, смотрим – изба из круглого леса, хозяйственные постройки и никакого посёлка. Я ещё обратила внимание: кругом красная брусника растёт не тронутая.

Навстречу нам вышел старик, крепкий такой. Поздоровались, спросили, можно ли у них купить хлеба. Он пригласил нас в дом, там у него жена, тоже в тёплых длинных штанах. Милая такая женщина. Он постарше, а она помоложе. Застеснялась, говорит, хлеб-то есть, только он не свежий уже, и отдала нам каравая три, кажется, и денег не взяла. Хозяин же принёс в глиняной

чашке солёных огурцов, огромных по размеру, и мёд. Эти люди были рады нам: «Кушайте, ребята!». Мы попили чаю, поговорили. Оказалось, дети у них в городе живут, редко приезжают, в прошлом году не были. Первая жена хозяина умерла, он привёз вот эту из посёлка, помоложе. Зима длинная, заходят и медведи, и волки. У них собаки, корова, лошадь, две лодки у берега, банька, стога сена и тайга. А ему ничего не надо, он живёт натуральным хозяйством. Удивился, как это мы заметили его тропинку с реки. Живут себе в труде и заботах, и счастливы. Уходя, мы дали ему патроны. И вот попробовали этот ржаной хлеб, а он на сметане замешан, и не хлеб это, а лепёшка сметанная: так и тает во рту. А женщина стеснялась, давая нам его. Наверное, хотела скотине скормить, да мы забрали у неё этот хлеб и съели с большим удовольствием. А в разговоре этот человек нам сказал: «Вы меня запомните на всю жизнь, моя фамилия Жаров». Вот я и запомнила. Вот такие люди в Сибири встречаются.

Я доехала до Вороново, и мне надо было отправляться в Москву. У меня с 1 сентября начинались занятия, а им ещё плыть целый месяц, у них занятия с 1 октября. Уезжала я одна на теплоходе до Красноярска, а там поездом в Москву. Они из своей поездки возвращались этим же путём.

Валентина ШИНКАРЕНКО**ПЕРВОПРОХОДЦЫ****ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ**

Проектно-изыскательский институт транспортного строительства «Томгипротранс» основан в 1935 году, когда многочисленные изыскательские и проектные организации страны были объединены под знаком Всесоюзного проектно-изыскательского объединения «Союзтранспроект». Это один из старейших институтов в Сибири и первый проектный институт в городе Томске. Одним из главных направлений его деятельности были инженерные изыскания и комплексное проектирование железных и автомобильных дорог.

В. И. Ястремский, проработавший всю свою жизнь в «Томгипротрансе», пройдя путь от инженера до главного геолога отдела инженерной геологии, пишет в своём рассказе «БАМу – 30»: «Мало их тогда оставалось. Первых, чья молодость в те, уже такие далекие годы, прошла рядом с тобой, БАМ. В военных кирзачах, в лияных гимнастёрках, при медалях первые, умудренные опытом, изможденные войной и болезнями, как-то приосанились, расправили плечи и передали нам задор, последний заряд энергии, и повели нас в свой, кто-то в последний маршрут к тебе, БАМ.

Первый пикет и первые просеки, первый шурф и первая скважина, первая палатка и первый костер, первая любовь и первая бамовская свадьба.

И пошли первые десанты (строители), первые метры насыпи, первая площадка будущей станции. Они все считали себя первыми. А о нас «скромно» забыли. К ним ехали писатели, журналисты, артисты... Народу нужны были герои.

О нас редко вспоминали. А мы уходили вперед, и впереди нас никого не было. Вернее, было. Мы находили старые полусгнившие репера с четкими надписями стоянок и датами давно прошедших лет, обвалившиеся шурфы, старые тропы, мы шли первыми по следам первых. Видишь, БАМ, мы помним о тебе, не забывай и ты нас и помни, что мы тоже были там первыми».

Мы с мужем тоже часто думали о том, почему о нас забывали. Кто же первый? Иногда и обидно было. Ведь на самом деле строительные бригады шли за нами. Не могли они первыми проложить рельсы новой трассы, если у них не было на руках инженерно-геологических заключений, профилей трассы, сведений о разведанных карьерах грунта для насыпи... Почему так мало рассказов и повестей о первопроходцах-геологах БАМа? Это же огромный интересный литературный материал со всеми трудностями, ошибками, гордостью и, конечно же, романтикой геологических изысканий.

Сейчас, вспоминая те годы, всегда удивляюсь, где мы брали физические силы на преодоление самих себя, преодоление страха перед одиночным выходом на трассу (а по технике безопасности это недопустимо), но надо было срочно заканчивать работу на участке и осваивать другой. Откуда брались

силы каждое утро для выхода на трассу, когда ты ещё не пришёл в себя от вчерашнего броска. Но ведь выходили, работали, возвращались в свои палатки, падая на нары от усталости, иной раз не было сил пойти на ужин. Изыскания шли и летом, и зимой, жили в палатках, топили печки, чтобы не замёрзнуть. А когда документировали выработки, застывали пальцы. Чтобы было теплее, опускали руки в растопленный парафин, которым консервировали монолиты пород для лабораторных исследований. Парафин застывал на руках, как перчатки, немного уменьшая холод. Вот так жили, работали, немного отдыхали, отмечали праздники, радовались удачному завершению работ.

В конце июня 1974 года пассажирский поезд Томск – Андижан уносил новоиспечённого горного инженера-гидрогеолога Валентину Борисову (то есть меня) в таёжный родной посёлок Тягун. Там ожидали моя семья и мои друзья, чтобы поздравить с окончанием учёбы в институте.

Письма Олега следовали всегда за моим перемещением в Тягун, затем снова в Томск. Мой друг с конца апреля работал в полевой партии. Его письма насыщены описаниями местных примечательностей, рабочих моментов, как он проводит свободное время. Каждое письмо наполнено грустным ожиданием, когда же я устроюсь в «Томгипротранс», советами по подготовке к выезду в поле, и – главное – когда же ожидать меня у них в экспедиции.

Олег ещё в 1973-м, в первый год после института, участвовал в инженерно-геологических изысканиях восточного участка БАМа, на трассе Тында – Чульман.

В 1974 году мы уже вместе работали на Западном участке. И тоже считаем себя одними из первых там, на изысканиях БАМа.

В Нижнюю Гоголевку я приехала по прилагаемой схеме маршрута во второй половине августа. Олег был на буровой, меня встретил геолог Серёга Григорьев. Представили начальнику партии Тихонову Николаю Николаевичу (далее Ник.Ник). Вечером вернулся Олег, радости нашей не было предела. Собрались за общим столом, познакомилась со всеми, отпраздновали мой приезд. Можно начинать мою трудовую деятельность на западном участке БАМа, в самом его начале.

По приезде меня временно поселили в комнату, где жили Олег и геолог Сергей Григорьев. Серёга как порядочный человек перебрался в соседнюю комнату. Олег расположился на его кровати. Разглядывая их комнату, обратила внимание, что на стене, около которой стояла печка, видны следы обгоревшей древесины. Спросила, что это было, неужели пожар. Он поведал историю возникновения характерной картины на стене. За неделю до моего приезда, растапливая печку, решил ускорить процесс возгорания дров, подлив в неё бензин. Из жерла печки извергнулся поток пламени на Олега и на стену рядом. Друг мой успел увернуться от огня, получив небольшую порцию ожога в виде опалённых бровей и ресниц. А вот Серёгин новый пиджак и брюки, висевшие на стене рядом, получили трансформацию по полной программе. Пока Олег боролся с пламенем, поливая его водой, костюм превратился в жалкие лохмотья. Зато на стене появился шедевр пламенной росписи, обрисовав контуры ушедшего в небытие костюма. Представляю, как выразил Серёга своё изумление по поводу художественной росписи. «Почему, – кричал пострадав-

ший, – сгорел именно мой, а не твой костюм!» Мой друг, который вызвал к жизни пламенного художника, пообещал возместить сгоревший костюм, купив новые пиджак и брюки. Я слушала эту историю и думала, что в этой ситуации можно было лишиться и глаз. Олег тоже был напуган тогда, сказал, что этот урок он запомнит на всю жизнь. А меня предупредил, чтобы никогда не пользовалась услугами горячего при растопке печек.

Первые дни самостоятельной работы как геолога на бурении скважин прошли на удивление вполне удовлетворительно. Старательно вела записи, делала зарисовки поверхности площадки бурения, что мне очень нравилось. Отбор и описания образцов грунтов в первые дни согласовывала с буровым мастером. Виктор оказался весёлым и добрым помощником, показывал, как надо проводить отбор проб, вырезать монолиты. Он подсказал тонкости правильного определения названий грунтов. Опытные геологи, например, отличают глину от суглинка методом пробы их своими зубами – стопроцентное попадание. Я удивилась: неужели надо во рту разжевать глину или суглинок, думала, что он разыгрывает меня. Но оказалось, действительно это верно в полевых условиях, если возникает сомнение в точности названия грунта. Попробовала сама на своих зубах – если кусочек пробы не скрипит, значит, это точно глина. Суглинок содержит некоторый процент песчаной примеси, на зубах песчинки выдадут определённый скрежет и звук. Ох и «наелась» я этих проб. Но, главное, ни разу не ошиблась в правильности названия. Супесь и суглинок иногда выдавали сомнение, когда их гранулометрический состав был близок к границе перехода. Правильные коррективы уже выдавала грунтоведческая лаборатория. Первая неделя пролетела незаметно. Олег вечером проверял мои записи, делал замечания, исправляли ошибки при необходимости.

Тем временем придвигалась дата нашей регистрации брака с Олегом. В партии шла незаметно подготовка, закупали продукты и напитки. А мы стали думать, в чём же невеста пойдёт в загс. Выбор не очень большой, но довольно интересный, в таких нарядах никто не появлялся на собственной свадьбе. 1 – полевой геологический костюм и кирзовые сапоги, 2 – клетчатая рубашка, джинсы и кеды, 3 – домашний халатик и тапочки. На этом перечень иссяк. Жених обдумал варианты и сказал, что любой подходит, лишь бы невеста не передумала выходить замуж. После работы начальник партии вызвал нас на ковёр и строго сказал: «Надо бы одеться соответственно церемонии. Что у вас есть?». Повторила свои запасы одежды. Олег сказал, что у него есть приличный новый пиджак, брюки, туфли. Ник.Ник. решил, что будем одевать невесту. Он повёз меня в ближайший магазин, где выбрали незатейливую набивную ткань розового цвета (а выбирать-то не из чего было), белую кружевную тесьму. Баба Ганна выдала швейную машинку «Зингер», дань проигравшего войну государства. Мы с практиканткой Валею устроились в арендованной комнате шить свадебный наряд. Я умела неплохо кроить и шить благодаря моей маме. Студентка выполняла более простые операции по обработке швов изделия. К утру платье невесты было готово. Простая модель, но нежный розовый цвет с белыми кружевами украсили наряд. Осталось совсем немного для завершения – купить туфли. Олегу доложила, что платье готово. Надо выбрать обувь из имеющегося перечня: кирзовые сапоги, кеды, тапочки – что лучше. Жених

подумал, серьёзно констатировал, что наилучший вариант – сапоги. Это будет просто удивительное зрелище, никто никогда в жизни не превзойдёт мой наряд, запомним на всю жизнь. А мне почему-то стало грустно, глаза выдали слезинки, намочив рубашку на груди жениха. В конце рабочего дня съездили в ближайший посёлок, но там для меня соответствующей обуви не было. Зато купили простенькие обручальные кольца. Оставалось завтра – последний день перед свадьбой.

Утром Ник.Ник. поехал за необходимыми деталями для буровой установки, а мы отправились заканчивать бурение скважины. Вечером ко мне в комнату зашёл начальник партии, поставил на табуретку белые красивые чехословацкие туфли. Я обомлела, надо скорее примерить. С тихой надеждой в душе осторожно примерила их, встала, прошлась по комнате. Подошла, обняла своего начальника и расплакалась. Он тоже обнял меня, проговорил: «Ты чего, дочка, неужели не подошли?». Высказала благодарность, удивление, как он мог подобрать именно мой размер, а главное, где отыскал такую красоту. Оказывается, весь день был потрачен на поездку в Тайшет, посещение нескольких магазинов. Помолчав, добавил, что нельзя оставлять невесту без свадебного наряда. Господи, всю жизнь ему благодарна за его доброе отношение. Он стал для нас с Олегом посажёным отцом в день торжества. Всю подготовку для проведения дня свадьбы взял на себя.

30 августа 1974 года яркие лучи утреннего солнца коснулись крыш маленькой станции Нижней Гоголевки, заглянули ко мне в окно: «Вставай, соня, не проспай свой торжественный день». А я и не спала всю ночь, лежала с закрытыми глазами. В голове моей мелькали эпизоды нашего неожиданного знакомства с Олегом...

Вот и церемония бракосочетания. Всё – я уже не Борисова, а Валентина Петровна Шинкаренко. Фейерверк шампанского над столом, глухой звон гранёных стаканов, весёлые голоса друзей с добрыми пожеланиями завершили первый этап нашей торжественной церемонии. Свадебный кортеж, состоящий из уже повеселевшей компании, отправился в обратный путь в Гоголевку, где нас ожидало продолжение торжества за праздничным столом. Теперь уже справа по ходу движения, торопливо неся вслед за нами свои прозрачные воды, речка Бирюса потихоньку закручивала водовороты, бурлила, стараясь привлечь к себе внимание. Наверно, ей тоже хотелось пообщаться с нами, высказать своими речными мотивами нам добрые пожелания.

Мы не могли не уважить знаменитую Бирюсу, выбрали чудесную поляну. Шампанское полилось в наши гранёные стаканы, выполняющие роль бокалов. Включили транзистор, под звуки мелодичной песни исполнили наш свадебный вальс-танго. Надо было уже продвигаться дальше, а нам так не хотелось, чтобы заканчивалось это волшебство.

Такси-вездеход, не сбавляя хода, въехал на территорию нашей базы. Лихо развернувшись, остановился почти рядом со свадебным столом. Я выбралась из вездехода. Перед взором застыла шеренга всего состава нашей партии. Я смотрела на наших ребят и не узнавала их, особенно рабочих. Одетые в нарядные рубашки, чисто выбритые лица, аккуратно причесанные волосы, добродушные улыбки! Красавцы! К нам спешили Ник.Ник. и баба Ганна с хле-

бом-солю. Прозвучали приветствие и приглашение к столу. А большой стол, сбитый специально из досок, ломился от праздничного угощения. Чего только тут не было: пироги, картофель с мясом, овощи, фрукты, рыба, напитки на всякий вкус. Очень хорошо постарались ребята, всё было вкусно! Застольные речи пронизаны душевным настроем и доброжелательными шутками. Преподали подарок от всех – большой катушечный магнитофон «Яуза».

В разгар свадебного пира послышался шум подъехавшей машины. К нам прибыли гости из соседней партии во главе с Б.И. Петровым. Узнав про свадебное мероприятие, не могли пропустить такого момента. Пришлось подставлять столы для гостей. Они приехали со своим вкладом в застолье, преподали подарок – лучший в то время транзисторный радиоприёмник «ВЭФ-204» Рижского завода.

Мне нравилось начало нашей семейной жизни, наши разговоры о будущем.

В один из вечеров меня вызвал Ник.Ник., выдал задание на проведение обследования ж.д. насыпи. В состав работ входили зондировка насыпи скважинами ручного бурения, проходка шурфов и закопушек. Я обязана провести полную документацию горнопроходческих работ. В конце нашего разговора начальник пояснил, что придётся с бригадой рабочих выехать на другой перегон, на меня возлагается ответственность за выполнение задания. Вот тут я притихла, вернее, испугалась неожиданной самостоятельности. Ник.Ник. пояснил: в партии объём работ большой, сроки выполнения поджимают, все геологи распределены по разным объектам. По видам работ моего задания проконсультируйся с Олегом. Посмотрев на меня внимательно, предупредил об особенностях работ на ж.д. насыпи, объект опасный, так как в непосредственной близости от нас идёт постоянное движение как грузовых составов, так и пассажирских поездов. Необходимо быть внимательными, при приближении поезда всем отходить на безопасное расстояние. Никто ради нас останавливать движение на железной дороге не будет. Вернувшись в комнату, доложила мужу о завтрашнем выезде на перегон. В его глазах тоже отразилось беспокойство за меня, но вслух прозвучали слова поддержки, что я справлюсь, главное – быть увереннее в своих действиях. Мы весь вечер обсуждали методику проведения работ, набросали план действий на первые дни. Предстоял выезд сроком на неделю. Олег тоже предупредил об опасности данных работ.

Ранним утром подошла машина, рабочие загрузили в неё свои необходимые инструменты, продукты, две фляги воды, необходимый запас дров, доски для сооружения спальных мест, рюкзаки с личными вещами. Начальник партии уведомил, что через три дня нам привезут дополнительно продукты и воду. В составе нашего маленького отряда были один буровик, четверо рабочих и я, инженер-геолог, всего шесть человек. Ник.Ник. строго предупредил всех, чтобы выполняли все указания Валентины Петровны. Особо отметил: если узнает, что рабочие будут употреблять алкоголь, незамедлительно последует увольнение. Я видела, что Олег волнуется, попросил буровика мне помогать (к сожалению, не помню его имени). Всё готово к выезду, машина взяла курс к намеченному пункту работ. Моя голова лихорадочно думала, перебирая предстоящие рабочие моменты. Почему-то мне было тревожно, постоянно думала, как я справлюсь с рабочей бригадой.

Машина въехала на обозначенный разъезд, подкатила к небольшому домику обходчика, который пустовал. В нём решили обустроить наше временное пристанище. Внутри дома была одна комната, на входе небольшие дощатые сени. В комнате находился деревянный топчан, стол и одна табуретка, в углу железная печка-буржуйка. Решено, что топчан достаётся мне, рабочие построят из досок общее спальное место на четверых, а буровик захотел спать в спальнике на полу. Пока внутри дома кипела работа, я вышла осмотреть прилегающую территорию. Метрах в тридцати находился сарай, около которого виднелась пристройка, видимо, туалет. Это уже неплохо, так как в округе не просматривались поросли кустарника и деревьев. Место было пустынным и унылым, поверхность поросла угнетённой травянистой растительностью.

Шла уже вторая половина сентября, который успел оставить свои погодные отметины. За постройками сарая увидела несколько кустиков смородины и малины. Наверно, это творение проживавшего здесь обходчика. На оголённых веточках, потерявших свою летнюю красоту, душистую зелень листы, покачивались раздуваемые ветерком несколько высохших листочков и сморщенных сухих ягодок. Внизу от самого корня, среди осыпавшейся листы, проглядывали новые росточки с маленькими листиками нежно-зелёного цвета. Видимо, возвратные тёплые деньки сентября разбудили почки смородинового куста, они, не задумываясь о последствиях, потянулись вверх к синему небу. Нагнувшись к росткам, засыпала их усохшими листьями, может быть, смогут пережить холода, дожить до весны и возродить силу старого куста молодыми побегами. Собрала с веток смородины и малины оставшиеся сухие листья и ягоды. Будем добавлять в чайную заварку, насыщая её целебным вкусом и запахом, который всегда напоминает далёкое детство. В моём детстве домашний чай всегда заваривали с листьями таёжной смородины.

Обустройство жилища закончено, приготовили ужин, обсудили объём работ на завтра. Одного из рабочих определили в качестве истопника, поддерживать тепло в домике. Кроме этого, в его обязанность входило готовить завтраки и ужины, в обед мы будем пользоваться сухим пайком и чаем, приготовленным на костре, другой рабочий идёт помогать бурить скважины, остальные будут заниматься проходкой шурфов. Всем отдыхать, завтра приступаем к освоению перегона. Ещё раз мысленно обдумала начало работ, обозначила для себя профили, на которых будут проходить зондировочные скважины, шурфы, закопушки.

Первый день работ на разъезде прошёл почти нормально: разметили профили, приступили к проходке запланированных скважин и шурфов. В первый же день мы ощутили всю «прелесть» рабочей жизни на ж.д. насыпи. Поезда в этот день проходили в жёстком графике, не давая нам полностью развернуть обследование как надо. Только начинаем проходку скважины, на горизонте появляется очередной опасный объект. Спускаемся вниз, пережидаем движение товарняка. Возвращаемся, продолжаем работу, а вдали маячит уже следующее чудо ж.д. техники. И так целый день, работа тормозится, не успеваем войти в график намеченного производства. Ладно, товарняки, прошли и всё. А вот красивые пассажирские поезда преподнесли кучу неожиданных «подарков». Проходя мимо нас, выплеснули под колёса фекальные сборы, из окон ле-

тели бумажки, окурки, остатки пищевых отходов. Кое-как успела увернуться от очередного «сюрприза». Кто-то из рабочих крикнул: «Берегись!». Оглянувшись, увидела летящий прямо на меня увесистый пакет, отскочила в сторону. Пакет приземлился у моих ног, рассыпав яичную скорлупу и обглоданные куриные кости. Спасибо вам, уважаемые пассажиры, я не голодна. Тут же вспомнила письмо Олега, где он описал свои чувства – «Второй день зондируем ж.д. насыпь, самая паршивая работа». Да уж, паршивей не бывает. Кроме этого, находясь в верхней части насыпи, вблизи стальных рельсов, ощущается смешанный букет запахов – нагретый на солнце мазут вперемешку с туалетными отходами, гниющими пищевыми остатками, незабываемое ощущение! Но работу надо продолжать и выполнить в срок.

Первые три дня втягивалась в работу, бегая от скважины к шурфам, проводя документацию вскрытых грунтов. При этом надо было следить за ликвидацией проходок, стараться вернуть грунт в той же последовательности, как его вынимали. Чуть ослабишь внимание, рабочие нороят быстренько завершить шурф, уверяя, что всё сделали как в инструкции. Приходилось давать выговоры, когда обнаруживала халтуру.

С рабочими моментами вроде бы справлялась, а вот с бытовыми было трудновато. В первый же вечер обнаружила, что мужички немного были навеселе. На мои вопросы, откуда спиртное, потихоньку ухмылялись. Похоже, привезли с собой, упрятав в рюкзаки. Предупредила, что если увижу пьяными, отправлю на базу с докладом. Кроме того, приняв увеселительную дозу, весь вечер спорили ни о чём, применяя нецензурную речь, курили в комнате, спать было неприятно. Устроила собрание по данному поводу, вроде бы согласились придерживаться принятого общего распорядка. Среди рабочих выделялся молодой парень, недавно освободившийся из колонии, Витёк-шалый. С виду парень-то неплохой, хорошо работает. А вот не мог жить без выпивки, хоть немного да надо. А когда принимал изрядное количество, становился неуправляемым в поведении. Вначале спорил, потом мог и кулаки пустить в ход. На третий вечер произошло столкновение в среде рабочих. Я пыталась с ними разговаривать, перевести в мирное русло, предупредила, что придётся доложить начальнику партии, отправить на базу самых нетерпимых. В этот вечер Витёк сошёл, как говорят, с катушек. Орал матом, кидался на других, а потом развернулся ко мне с выкриками: «Кто ты такая? Да пошла ты... что ты понимаешь, да пошла ты отсюда, пока цела». Стал двигаться в мою сторону, в руках неожиданно оказался нож. К нему кинулись рабочие, пытаюсь остановить. Я застыла на месте, не двигаясь. Витёк взмахнул ножом и поранил серьёзно руку одному из мужиков. Закричав ему, что же он делает, кинулась к раненому человеку, получив тоже ранение в плечо, правда, неглубокое, нож немного содрал кожу. Тут все мужики навалились на него, забрали нож, стали бить Витьку куда попадут. Кое-как утихомирила всех. Побитый парень упал на нары и заснул глубоким сном. А мне тогда было не до сна. Я была душевно разбита, не знала, как дальше жить здесь в одной комнате со всеми. Работу-то надо делать. Да и работяги, чувствуя свою вину, не спали, шёпотом переговаривались.

Утро следующего дня проходило тихо, я пила чай, сидела задумавшись. Витёк подошёл, стал извиняться, сказал, что он не помнит ничего, больше та-

кого не повторится. Не знала, как мне поступить: отправить его на базу или оставить. Рабочих рук и так не хватает, если уедет, придётся задерживаться на более долгий срок. В это время пришла машина, привезла продукты и воду. Надо было решать этот вопрос. Витёк снова подошёл, просил не отправлять его на базу, он всё осознал, будет исправно работать, спиртное больше не примет. Решила поверить, оставила со строгим предупреждением. Машина ушла, забрав отобранные пробы грунтов.

Перегон закончили, задержавшись ещё на два дня. Собрали свои пожитки, привели в порядок домик, послуживший нам приютом на несколько дней. Ну, вот и всё, моя эпопея самостоятельной работы вдали от базы завершилась.

По прибытии на базу сдала пробы грунтов, отчиталась перед начальником по выполненной работе. Вечером поделилась с Олегом своими впечатлениями о проведённой работе, кроме тяжёлого случая с рабочим. На следующий день Ник.Ник. объявил общий партийный сбор. Вначале он высказал благодарность за выполненную работу, а потом вдруг перешёл к обсуждению случившейся у нас неприятности. Я с удивлением смотрела на начальника, откуда он узнал про это. Я не докладывала о том случае. Шеф высказал мне неодобрение за то, что я не отправила виновного рабочего с машиной на базу, почему скрыла всё от начальства. Оказывается, об этом доложил водитель машины, а ему рассказал кто-то из рабочих. Мне был объявлен выговор за то, что я сокрыла пьянство среди рабочих и допустила непозволительную драку. У меня не было сил на возражение, была обида. Начальник поставил на голосование вопрос об увольнении Виктора немедленно, с плохой характеристикой. Среди состава партии пошли разногласия, поднялся шум, также высказались в защиту меня. Дали выступить виновнику случившегося. Он выглядел очень несчастным, просил не выгонять его, иначе всё плохо кончится, он никому не нужен. При всех просил прощения у меня, смотрел умоляющим взглядом. Мне его было жалко, куда парень после нас пойдёт, действительно, никому не нужный человек. Мнения разделились, что делать с рабочим в данной ситуации. Ник.Ник. проявил твёрдость в своем решении, уволить, но плохую характеристику, так и быть, не выдавать. На этом собрание закончилось. Я поплелась к себе в комнату одна, Олег остался с начальником партии что-то ещё решать. Когда он вернулся, сказала, что не хочу ничего обсуждать, на душе очень тяжело. «У нас есть что-нибудь выпить?» – сказала я и заплакала. Муж достал бутылку токайского вина, выпили, включили транзистор, просто сидели, слушали музыкальные композиции Рэя Конниффа.

...Наш полевой сезон близился к завершению. Заканчивалось последнее бурение скважин на оставшемся участке, полевая грунтоведческая лаборатория постепенно сворачивала свои работы, готовясь к выезду в Томск. Начальник партии заказал железнодорожную платформу для погрузки техники, последних проб грунта, ящиков с полевым скарбом. Я, Олег и часть геологического персонала выехали в Томск пассажирским поездом в начале ноября. Несколько человек остались сопровождать платформу, выехали позже. По прибытии в «Томгипротранс» сдали полевую документацию, полевое снаряжение. После этого нам разрешили короткий отпуск на неделю, который мы использовали для встречи с родственниками в моём родном Тягуне. Седьмого ноября от-

праздновали серебряную свадьбу моих родителей. Заодно и нас с Олегом все поздравили с созданием новой семьи.

Первые месяцы 1976 года, примерно, до середины лета, места расположения лагеря полевой партии периодически менялись, что зависело от вида работ. В этом году строители железнодорожной трассы шли по пятам изыскателей. Техника, в основном японская, трудилась от самого Усть-Кута, продвигаясь все дальше и дальше в сторону Давана. Экскаваторы «Като» своей зубастой пастью ковша вгрызались в грунты разведанных геологами карьеров, загружали все в мощные самосвалы «Магирусы». Огромные бульдозеры «Камацу» с множеством приспособлений у них с легкостью разбирали скалистые выемки. Сзади у них были стальные клыки, которыми разбирали препятствие, спереди большой нож сгребал в кучу развороченные породы. Конечно, наблюдать за работой такой мощной техники было интересно. Самосвалы сновали один за другим по дороге, поднимая клубы пыли. Шум и гул от работающей круглосуточно техники разносился далеко по тайге. Грунт отсыпался в ж.д. полотно (насыпь), по которому укладывались стальные рельсы.

Вот тут-то и обнаружили первые признаки некачественной работы строительства особо важного объекта – насыпное полотно будущей железной дороги. На некоторых участках насыпь вдруг повела себя не устойчиво, потихоньку стала расплываться в разные стороны, как тесто на сковородке. Нередко отмечались просадочные явления. В других местах, где расположены гофрированные трубы в теле насыпи, выполняющие роль водопропускных сооружений, обнаружилась их деформация. Кроме просадки полотна, образовались опасные трещины. Все эти негативные явления никак не соответствовали безопасности будущего движения по железной дороге. Начались взаимные претензии: строители считали виновными геологов, которые якобы разведали и дали заключение грунтам не отвечающие существующим нормам. Геологи, в свою очередь, проведя дополнительные исследования, доказали, что качество рекомендуемого материала удовлетворяет нормативным документам.

Так что же происходит с отсыпанной насыпью? А причина оказалась довольно простая. Разведанные и рекомендованные месторождения строительного грунта практически все отвечали необходимым требованиям. Совсем малое количество месторождений не прошли аттестацию, выданы отрицательные заключения, переведены в разряд забракованных. Так, например, в районе Ульканского прижима, грунты (супеси) показали высокую степень тиксотропности, что снижает их прочность. По внешнему виду они вполне пригодны к использованию (сухие, плотные), но при механическом воздействии (вибрация, встряхивание), супеси начинают выделять воду из микропор, разжижаются и растекаются. Если такие грунты попадают в насыпь, то она под воздействием вибрации, от движения будущих составов, просто расплывется, провалится, что может привести к крушению поездов.

Почему я так долго пишу об этом? Потому что по рассказам Олега, воспоминаниям Людэ Ястремской, да и мне пришлось с этим столкнуться, строители очень часто игнорировали изученные месторождения и отправляли в полотно вообще неизвестный грунт. А послужила такому факту спешка, надо было выполнить призывы партии «Даешь БАМ», «Сдадим объект досрочно»

и другие. К тому же длинные рубли падали в карманы водителей «Магирусов» не за качество выполняемой работы, а за количество ходок. Водители, я думаю, и не только они, стараясь увеличить число фиксируемых ходок, не задумываясь о качестве отсыпаемого материала, нередко игнорировали наши разведанные месторождения, особенно если они были далековато от будущей трассы. Выбирали неизученный грунт поблизости и отправляли в полотно дороги. Олег рассказывал, что он и другие геологи заметили такие моменты, пытались остановить самосвалы, объясняя, что это может привести к нарушению целостности объекта. Но, увы, к нам не прислушивались, грубо обрывали такие предупреждения. Причем, от геологов были направлены письменные требования к их начальству, и также никто к ним не прислушался. Однажды Олег не выдержал, встал посередине дороги, пытаясь не пропустить машину. Водитель выскочил из кабины, дело чуть не закончилось дракой, предупредил Олега, чтобы не лез не в свое дело, иначе при случае его никто не найдет в тайге. Вот такие страсти бывали на великой стройке страны...

Пришлось заниматься паспортизацией отработанных карьеров, зондировать насыпь, изучать соответствие отсыпанного материала в насыпь выданному заключению по месторождению грунтов. Геологи также проводили обследование искусственных сооружений (металлические трубы под насыпью). Один из первых мест палаточного лагеря был берег реки Таюры, в двух километрах от поселка Звездного. Люда и Олег вместе с рабочими и Кучумом долгое время занимались обследованием. Вспоминают один из случаев, когда они находились внутри трубы, внимательно осматривали ее стенки, фиксируя все видимые изменения поверхности. Кучум в это время проводил свое следственное дело вверху, на насыпи. Иногда доносился его радостный лай, извещающий, что наверно все в порядке. Вдруг к ним в трубу торопливо забежал наш исследователь, прижав уши, приник к ноге Олега и жалобно заскулил. Люда вышла наружу посмотреть, кто же так напугал бесстрашного песика. На насыпи стоял чернокожий человек, видимо, из племени сенегальцев или гамбийцев. Его кожа в лучах солнца светилась сине-черным оттенком. Негр удивленно смотрел на Люду, широко улыбался, сверкая белоснежными зубами. Представляю нашего Кучума, который никогда таких людей не видел, наверно, подумал, что это неизвестный страшный зверь с белыми устрашающими зубами. Помахав друг другу руками, разошлись каждый в свою сторону. Недалеко от Звездного стоял интернациональный лагерь им. Патриса Лумумбы. На БАМе в то время работали молодежные ударные отряды со всего света.

Всякое бывало. Сложность рельефа, представленного горной системой Байкала, обозначила особенности изысканий данного места. В геологическом задании определены основные виды работ – проходка шурфов на поперечных профилях трассы, инженерно-геологическая съемка участка. Бурение скважин по скальным породам не проводилось. Только в пойме реки Куермы работала буровая бригада, где с ними вел документацию Олег. Проходка шурфов давалась нелегко. Будущая трасса проходила в межгорных долинах, склоны и днища которых сложены делювиальными отложениями, обломками скальных пород – следствие осыпей, схода лавин, селевых потоков. Чтобы выполнить работу, необходимо было физически поднапрячься. Каждый шурф

давался рабочим с большим трудом, двух-трехметровые глубины с выборкой обломков пород разного калибра требовали серьезных усилий. Хорошо, если это щебенка или галечник, либо небольшого диаметра валуны. Порою вскрывались такие глыбы, которые даже вынуть из выработки не удавалось, чтобы углубиться на заданную величину. Обходными маневрами между ними докапывались до конечного результата. Иногда призывали на помощь рабочего, вскрывающего соседний шурф. Проходка шла медленно. Рабочие по-разному относились к такому труду. Кто-то старательно выполнял задание, а кто-то и не очень хотел испытывать себя, жалуясь: то спинку прихватило, то ручку или ножку повредил. Мы работали бригадами на трассе. Со мною были человека четыре шурфовика. Навстречу нам двигалась другая бригада, возглавляемая Людмилой. Встречаясь на трассе, соображали совместный обед. Однажды встреча пришлось на зимовье, которое стояло на берегу Дельбичинды. Согрев обед, поделившись своими проблемами, закончили чаепитием, запечатлев этот момент для истории.

Кроме нас по соседству работали строители, отсыпали автодорогу, вели взрывные работы на выемках под будущую трассу. Наш шеф и начальник строителей договорились о взаимном оповещении, где и когда работаем мы, где в это время ведутся опасные работы по взрывам. Однажды моя бригада работала на профиле недалеко от будущей выемки. Отработав утренние часы, дала сигнал на обеденный перерыв. На костре согрели мясные консервы, вскипятили чай.

Я собрала посуду, спустилась к речке, чтобы привести ее в чистый вид. Присев к воде, вдруг услышала громкие хлопки, а через мою голову на другой берег летели довольно увесистые валуны. От неожиданности встала в полный рост, оглянулась назад, пытаюсь понять, что происходит. В это время на меня бросился рабочий Борис Мельников, свалил на землю и закрыл своим телом. Не поняв ничего, сначала хотела возмутиться, чего это он меня завалил. Но он пригнул мою голову, крикнув: «Замри». Минут пятнадцать длилась канонада взрывов. Взорванная выемка обрушила на нас шквальный камнепад, который нес снаряды разного калибра от мелочной пыли до глыб размером в один метр. Вода в Дельбичинде вскипела от падающего каменного материала. Мы с Борисом отлеживались на земле, а в голове у меня одна мысль: где же находятся другие рабочие. После обстрела быстро поднялись, спросила у защитника, нет ли у него повреждений. Убедившись, что есть небольшие ушибы спины, побежала искать других мужиков. Один из них, Угурчиев, с округленными от страха глазами, стоял, спрятавшись за ствол сосны. Другой рабочий, Степанов, долговязый и худой, нарушая технику безопасности, спрятался в выкопанный шурф. От взрывной волны стенки выработки сдвинулись, обвалив на него валуны до самого верха, подмяв его ноги. Собрала людей к нему на помощь, чтобы освободили горемыку. Сама помчалась к выемке, от злости выругалась некультурно, почему не согласовали работы. Строители тоже испугались за нас, ответили, что их никто не предупредил. Не закончив дневные работы, вернула бригаду в лагерь, написала докладную начальнику. Два дня шли разборы полетов, один начальник обвинял другого, выясняя, кто должен первым оповещать о работах на трассе. Степанов получил травмы ног, может

быть, и не совсем уж сильные, но сразу лег поболеть подольше, жалуясь на невзгоды судьбы.

... Перебирая письма мужа, обнаружила, что за период его пребывания в экспедиции в 1976 году нет ни одного письма с БАМа. У меня на руках было только одно, за третье сентября, когда я уже сама, оставив сына на попечение дедов, выехала к ним в полевую партию. Письма, конечно же, были, вот только где они осели, не смогла вспомнить.

Прошло много лет, поиски их не увенчались успехом. Остался большой архив фотографий, зафиксировавших полевую жизнь этого периода. Кроме того, слава Богу, живы наши очень близкие и дорогие друзья, которые работали вместе с Олегом, а потом и со мной. Это Ястремские, Валерий и Людмила. Наша дружба длится много лет, и нам уже немало годочков, но многое помним. Я попыталась представить этот период по фотографиям, воспоминаниям друзей и по рассказам Олега, когда он был ещё жив. Иногда вечерами мы вместе с ним перебирали фотографии, с лёгкой грустью беседовали, дети наши слушали и удивлялись жизни родителей из таких далёких времён.

В 1978 году весной принимала участие в экспедиции на изысканиях под вторые пути Ташкент – Саксаульская. Летом этого же года уехала на изыскания под военные площадки в Забайкалье вблизи монгольской границы. И только в 1982-м, после рождения долгожданной дочки Иринки, ушла из «Томгипротранса» в геологоразведочную экспедицию. Наконец моя ещё студенческая мечта заниматься подземными водами осуществилась. Я стала гидрогеологом, принимала участие в разных проектах гидрогеологических исследований. Началась новая ступень нашего жизненного пути. Прощай, «Томгипротранс». Мы много приобрели ценного в стенах этого института.

Мы были молоды, быстро забывали какие-либо неудачи, шли вперёд, радовались всему, к чему прикасалась наша жизнь.

Сегодня в нашей рубрике представлены краеведы посёлка речников Самусь Мария Иннокентьевна Пахорукова и Леонид Никодимович Войцеховский

О НАШЕМ ЗНАМЕНИТОМ ЗЕМЛЯКЕ

Викентий Викентьевич ПЕКАРСКИЙ

(02.02.1937–01.2.994)

Викентий Викентьевич родился в семье интеллигентов. Его мама была главврачом Самусьской линейной больницы.

Почему такое название было – линейная? Дело в том, что она находилась на линии движения пароходов Западно-Сибирского пароходства. Мимо посёлка Самусь проходили все суда пассажирского и товаро-пассажирского назначения, перевозилось много грузов. А значит, и весь плавсостав и его семьи обслуживала эта больница.

Марианна Георгиевна Пекарская (в девичестве Кавецкая) была универсальным врачом: и хирургом, и гинекологом, и терапевтом. Живущие в обском бассейне люди страдали язвой желудка, потому что с питанием было трудно, как и в целом по стране. В основном опирались на подножный корм. Приходилось оперировать язву желудка. Этим мастерством Марианна Георгиевна владела в совершенстве. Её как специалиста очень ценили в Томске. Часто из водной больницы Томского речного пароходства отправляли в Самусьскую больницу на реабилитацию. Особо тяжёлых Марианна Георгиевна оперировала сама.

Сын Викентий, будучи школьником, попросился к маме на операцию. Она каким-то образом разрешила ему присутствовать. Вначале ему сделалось плохо. Но в дальнейшем он так увлёкся, что впоследствии стал хирургом с мировым именем.

Папа Викентия был прекрасным капитаном большого грузопассажирского парохода «Пролетарий». Наш флот, который перевозил «всё для фронта и всё для победы» в том числе и продовольствие, находился на военном положении.

Экипаж флота носил форму и подчинялся строгим законам военного времени. А Викентий Данилович Пекарский с честью исполнял свой долг капитана и человека. Он был внимательным к людям, очень добрым, несмотря на то, что имел грубый и крепкий голос-бас. Тактично, но если возникала необходимость – требовательно разговаривал с работниками транспорта, жителями посёлка. О нём ходили в народе легенды, основанные на биографических фактах капитана. Старшее поколение передавало эти истории, и сегодня ещё живы люди, кто помнит эти рассказы.

Викентий был очень увлекающимся юношей, как и все люди его поколения.

Он интересовался и боксом, и лыжами, и велосипедом, и коньками. Увлекался игрой на фортепиано, в их семье было старенькое пианино «Векслер», освоил игру на баяне.

В пятидесятые годы иметь наручные часы было символом сверхблагополучия. На всех фотографиях послевоенного времени фиксировались люди так, чтобы на руке были видны часы.

Викентий в девятом классе попросил, чтобы отец купил ему ручные часы. На что Викентий Данилович предложил сыну пойти работать грузчиком в Колпашево на погрузке муки. Так он заработал на часы.

Самусьская линейная больница получила новенький грузовичок «ГАЗ-51». И Викентий в свои последние школьные каникулы попросил шофёра научить его водить машину. Шофёр по имени Миша всё лето возил дрова. А рядом с ним подросток Викентий учился управлять машиной. У него это ловко получалось. И это ему пригодилось в дальнейшем.

Большим увлечением его был автомобиль. В то время автопарк в СССР представлен был отечественными машинами. В его личном автопарке в течение всей жизни были автомобили. Любил посидеть за рулём. Вывозил свою семью, друзей на природу. Совершал дальние поездки.

Впоследствии Викентий Викентьевич стал великим, именно великим (!) учёным. Одним из первых в мире делал операции на открытом сердце. Вся аппаратура, необходимая для этого процесса, была изготовлена томскими специалистами. Врачи всего мира, приезжавшие в Томск на симпозиумы, крайне удивлялись: откуда в таком заштатном городе, который и на географических картах не всегда показан, вдруг появилась такая аппаратура и такой учёный.

Викентий, ещё будучи студентом, поехал в Киев к известному кардиохирургу Николаю Михайловичу Амосову ассистировать ему на операциях. Амосов подивился его упорству, настойчивости. Профессор ему поставил условие: «Шесть часов простоишь на операции – с тебя будет толк». Будучи физически крепким, выносливым, Викентий выдержал шесть часов. Через год профессор Амосов сам его пригласил в свою клинику, а Пекарский был тогда ещё студентом.

В середине 1980-х годов он стоял у истоков создания так называемой «кремлёвской таблетки». Выходил по этому вопросу на связь с министром здравоохранения Чазовым – очень влиятельной в науке и политике того времени фигурой.

Пекарский делал операцию на сердце одному из членов японской императорской семьи. Сначала кардиолога попросили провести операцию на собаке. Убедившись в его профессиональной компетентности, позволили и на людях. Есть снимок этого события. Его приглашали практически во все европейские страны.

В ту пору молодёжь, школьники пятидесятых годов XX века, стремились к образованию. Десятки, если не сотни людей посёлка, закончив Самусьскую школу, стремились на учёбу в техникумы, институты, университеты. Когда нашему посёлку городского типа навязывают статус сельского поселения, села, деревни, дачного посёлка – это неправильно и неточно.

Неправильно потому, что, не зная прошлого, корней посёлка, нельзя и что-то новое строить. Не случайно говорят, что из корней прошлого вырастают побеги будущего.

Нам не надо забывать лучшие традиции, имена героев нашего прошлого. Наш лицей носит имя В. В. Пекарского, есть мемориальная доска, стенд, посвящённый знаменитому земляку.

Проблем сейчас много. И самая главная из них – воспитание будущего поколения.

Леонид Войцеховский

ПАМЯТЬ ОСТАЁТСЯ**Евгений Алексеевич ВЕРЗАКОВ**
(18.06.1936–22.07.2021)

Второе столетие стоит на берегу Томи посёлок речников Самусь. Славен он замечательными людьми.

Проходят годы, десятилетия. Наступает пора окончания земного пути. И тогда мы вспоминаем всё то доброе, хорошее, что оставляют после себя люди, уходя в мир иной.

Два года назад отметил свой 85-летний юбилей потомственный речник, прошедший все стадии служебной лестницы, сын капитана, директор Самусьского ГПТУ-3, заместитель генерального директора Самусьского судостроительно-судоремонтного завода Евгений Алексеевич Верзак.

Тогда поздравить с юбилеем съехались его выпускники, работники речного транспорта. Праздник получился тёплым, запоминающимся.

А через месяц Евгений Алексеевич покинул наш мир.

Ветераны речного флота выступили с предложением сохранить память о нём.

И вот 16 июня этого года состоялось торжественное увековечивание памяти Е. А. Верзакова и его отца, капитана Обского пароходства Алексея Савватеевича.

В тёплый солнечный день на территории усадьбы семьи Верзаковых собрались жители посёлка, ученики, гости.

Первым выступил бывший директор Самусьского ССРЗ Владимир Васильевич Амосов. Он и открыл мемориальную доску, прикрепленную на стене дома, где жили отец и сын. Затем памятные слова сказали депутат Думы ЗАТО «Северск» Олег Николаевич Иванов, коллега по работе Николай Алексеевич Михайлов.

Советник директора по воспитанию Самусьского лицея Нина Павловна Стрельникова выразила надежду, что в дальнейшем этот дом и усадьба приобретут статус музея речников.

Школьники читали стихи, посвящённые речникам, и преподнесли в дар макет корабля, изготовленный учениками.

Слова благодарности за память о своём отце произнесла дочь Верзакова Ирина Евгеньевна.

Интересна история усадьбы Верзаковых. Этот дом Алексей Савватеевич получил в качестве поощрения как передовик производства. Из пяти домов, построенных тогда для этих целей, он один сохранился в неизменном виде. Верзаковы здесь жили с 1936 по 2021 годы.

Сегодня этот дом выделяется среди прочих. Нет, не евростандартом или капитальным забором, какие мы сейчас часто встречаем.

Домик аккуратный, первоначальных скромных размеров, штaketник ограды деревянный, поставленный ещё в прошлом веке. А вот на фронте его красуется штурвал, изготовленный умелым мастером из дерева ещё при жизни отца.

Это и есть главное отличие. Евгений Алексеевич гордился этим отличием. Но память остаётся не столько в строениях, домах, сколько в делах человеческих.

Перелистываю книгу об истории ордена «Знак Почёта» Самусьского судостроительно-судоремонтного завода (1879–2004) «Корабельных дел мастера». Там целый список тех, кто причастен к её изданию. Но вот именно «причастен». А инициатором, идейным вдохновителем, если хотите, создания печатного памятника завода является он – Евгений Алексеевич Верзаков. Пройдут годы, десятилетия. И тем ценнее для потомков будет этот памятник.

Не случайно в своём стихотворении ветеран педагогического труда, краевед, старейший, всеми уважаемый житель посёлка Леонид Никодимович Войцеховский отметил:

*И пусть в союзе нашем знают:
Мы делу преданы душой.
Не зря Самусь упоминают
В энциклопедии большой.*

Е. А. Верзаков – почётный гражданин посёлка Самусь, почётный работник речного флота России, много лет он командовал пароходом «Здоровцев».

Уже работая в заводууправлении, Евгений Алексеевич каждый день проходил мимо портрета своего отца, кавалера ордена Ленина, капитана буксировщика «Большевик». Это обязывало держать равнение на него.

С малых лет Евгений драил палубу на пароходе «Большевик», стоял у штурвала. Несколько лет он был капитаном-наставником.

Позже судьба его вывела на берег: он стал директором профессионально-технического училища, где обучали речному мастерству так называемых «трудных подростков» со всех регионов СССР.

Потом вернулся на завод. Истинный краевед, собиратель материала об истории посёлка, судостроительного завода, частый гость у школьников, он всегда был в гуще поселковых дел. Ему до всего было дело.

Его воспитанники, выпускники отзываются о нём так: «Это была эпоха, монолит в его лице. И когда ушёл из жизни наш батя, мы осиротели. Приезжали попрощаться с ним, вспоминали, как он нас воспитывал. Только благодаря ему мы стали людьми, а не пошли по неторной дорожке. Красивый он был во все свои годы».

Слегка сипловатый голос, несколько усталый интеллигентный, добрый взгляд – таким я впервые увидела Евгения Алексеевича Верзакова.

Евгений Алексеевич был очень добрый и уважаемый человек в посёлке и за пределами, поэтому память о нём должна жить в Самуськах, пока будет стоять посёлок на берегу Томи...

Мария Пахорукова

Ксения ГУТОВА

ОСКОЛКИ

И они все ещё ходят где-то, пьют чай – с сахаром и без, как привыкли, устают, а потом улыбаются и не знают, что они стали «одними из», а были «вопреки», но не «благодаря».

Из твоего окна был виден строительный кран, там светящимися чернилами было что-то написано, но я никак не могу разобрать, потому что снег валит слишком густо, и все теряется в бликах, ряби, этом вечном ворошении.

– В операционную заходим, как в баню. Снимаю оставшееся.

Вместе с неработавшей веной мне вырезали здоровый нерв. Теперь я должна чувствовать чуточку меньше, но не чувствую ничего. Безответные гудки. В пепельнице вырос ёж из окурков. Птицы прилетают и расклеивают их, пытаясь что-то найти.

Заходишь в эту чистую комнату, как ныряешь в ледяную воду. Внутри комок, но виду не подаёшь. Кто лежит – я или она? Руки распластаны катетерами или скрещены в немом согласии? А внутри так холодно, и тело поливают спиртом, он жжет и душит, и скупая слезинка катится к виску, заживо снимая скальп.

Мелкая дрожь застревает в голодном животе, в спине выгибаешься и мысленно считаешь: должно быть примерно пятнадцать, а потом отпустит. «Примерно» – это и семнадцать, и тридцать, и год – у всех в общем по-разному. Боль нарастает, считаешь, считаешь, ничего не помогает, нужно нырнуть и жить в ней, это такое упражнение, медитация – первоклассный тибетский монастырь. Пятизвёздочный почти.

– Ты там как, живая?

Живая. Наверное.

Чистая комната, я заранее помыла полы. Громкая комната. Страшная...

Ресницы впиваются в веки, и челюсть ходит ходуном. Лицо мое ощутимо морщится, потому что оно не может отразить того, что...

Твое тело теплое, я знаю, какое оно, оно останется таким же навсегда. Потому что не будет завтра, будет только вчера, «несколько недель назад», «посмотрите ваши лучшие снимки за прошлый год». Потому что какой-то нерв случайно вырезали, и теперь не поймёшь, откуда именно.

Легкая музыка, что-то гавайское. Я потом подумую об этом, сейчас это слишком близко, мне нужно рассмотреть все получше. Ты ждал письма – ну так что ж, вот твое письмо, попробуй согреться куском ледяного взгляда.

Твое тело холодное, и я все ещё жду, что ты откроешь глаза и скажешь, что все это неправда, что кто-то где-то ошибся, и мне не нужно мыть эти чёртовы полы и ставить три табуретки в ряд, чтобы потом упасть на колени и тупо выть.

Комната теплая, тихая. Как будто все поставили на паузу, и ты не ты, и я не я. В тишине гулко бьется сердце. В кармане случайный спичечный коробок, я положу туда свою жизнь – вот и все, неплохая получилась история.

Ранки затянутся, швы расплавятся, и останется три алых пятнышка: не забывай, эти трещинки теперь с тобой. Хирург расскажет анекдот, я вынырну из боли, и покажется, что этого не было, что я все придумала, мне привиделось, но тебя уже не будет рядом, чтобы сказать, что я есть и все будет хорошо.

Моя фарфоровая девочка, ты снова все забыла, снова потерялась и теперь бродишь по улицам одна. И фонари виновато вылупились слепыми рыбьими глазами, таращась среди илистого тумана. В ножке трещинка – теперь ты не сможешь пойти на ту набережную, и твой кукольный городок давно сломали и сдали в утиль. Ты будешь обжигаться коньяком и сигаретами, пока не отратишь зубки, чтобы защищать свою тихую комнатку...

– Готово. Завтра на перевязку.

***

Мы улыбаемся: я – потому что довольна новым цветастым сарафаном, сестра – на всякий случай, потому что ничего не понимает – ей всего год. Ты смотришь бессмертно. Простая рамка. Рядом потрескивают часы, напоминая, что с каждой секундой мы становимся дальше от того дня двадцатилетней давности, от всех тех дней, в которых мы были другими. Вдруг они вскрикивают, потому что им, часам, кажется, что наступило что-то важное, что пора вставать, бежать, что-то менять и создавать, но нет – я просто забыла отключить будильник, оставшийся со вчерашнего дня. На этот раз вы опоздали, и мне даже жаль вашего пустого рвения.

...Проведи по спинам книг пальцем, перелистни дневник, отразись в зеркале. Я помню то, что должна там увидеть, но все равно не узнаю. Потухли свечи в больших стаканах, седой налет уснул на полках, выцвел «Девятый вал» на открытке. Вещь становится вещью, когда на нее долго не ложится ничей взгляд.

...Ты стоишь на крыльце, укутанная в старую пихору, сжатую под подбородком. Улыбаешься и машешь вслед, скрипнула калитка, не отворачиваешься, так и видно по плечам, что хочешь заплакать на прощание по привычке, но сдерживаешься, гладишь старую трясущуюся собаку. Немножко кольнет в груди, когда издали взгляну на сырой от дождя дощатый забор, в корочках тонкого льда лужицы, теплый дом. Я знаю, ты все стоишь там и улыбаешься мне вслед, а первый снег тихо падает на пустое крыльцо под незагорающим фонарем.

УРОКИ ДЕКЛАМАЦИИ

УТРО

Где закончилось вчера и началось сегодня, если не было сна? Вчера было грустно, а сегодня вовсе нет – вот и вся разница. Время то растягивается, то сжимается, и жизнь иногда тесна, а иногда слишком просторна, и ты не равен самому себе, потому что не всегда можешь узнать себя в зеркале.

Вот смотришь на себя чужими глазами. И весь ты как ладони, как в миниатюре – в новой куртке, прядь волос около лба чуть сбилась под влажным ветром, пружинистый шаг. И вспоминаются взгляды и прикосновения, которые

легли, а не прилипли, и слышишь, как кто-то говорит, что лицо твое светло и ты хорош. Да, как же я мог это забыть! Да-да, я хороший, и все со мной будет хорошо... Как замечательно, что я хороший и могу идти ранним утром по зябкому городу, а солнце еще не скоро будет печь, и все так приятно блестит зеленой открыткой от росы.

И снова будет день и будет ночь, и будет сначала жарко, потом холодно, когда-то наступит зима, но до нее еще далеко, и можно гулять по старым улицам и сидеть на детских площадках, проходить мимо темных окон и заглядывать в светлые по ночам, и так будет всегда, хотя все пройдет. Вот новая любовь, и все как в первый раз, и снова пересматриваешь свою жизнь и что-то отдаешь другому – лучшее вперемешку с болящим и страшным, а оказывается, что тебе остается еще больше. На тебя смотрят, тебе улыбаются, с тобой курят сигарету напополам, и ты снова чувствуешь себя способным доверять. Или так, как было в том прохладном трамвае, на который ты едва успел запрыгнуть жарким летним днем около городского сада, а внутри была тень, не людно и тряско-шумно, между щелястых стен гулял свободный ветер, а пьяный мужик не решился войти. И мы ехали через стены разросшихся кленов с обеих сторон от рельсов и впервые в сотый раз видели поплывшие окна, одинокий велосипед, кота на подоконнике второго этажа в обрамлении простых занавесок – и нам было не страшно. Нам не было страшно, и от этого было хорошо. «Остановка – переулок Ванцетти», – звучит так нежно-звонко, и пахнуло душноватыми анютиными глазками, и ехать дальше так хорошо.

Кондукторша с испитым лицом села на свое место и раскрыла книгу про школу ведьм. Нарисованные брови не двигаются, а глаза быстро-быстро скачут вдоль строчек. Одутловатые щеки и много раз проколотые уши, желтые волосы обломались и убраны косынкой со лба – но ноги... Когда она встает и идет в конец вагона, она кажется самым логичным и красивым существом, которое можно было поместить в трясущуюся железную коробку. Где-то наверху играли в кости, когда дали этим бронзовым мягким ногам – изящные маленькие пальцы, тонкие блестящие голени, округлые бедра – такое лицо и такую жизнь – без школ для ведьм, с простым житейским волшебством, которому учат только продавцы черешни на трамвайных остановках, облака молскары после летних дождей и колокольный звон с горы.

ИЗ ОКНА (НОЧЬ)

Солнце давно закатилось, но душноватый воздух еще прилипал к телу; дворник вышел поливать чахнувшие деревца под окном – влага поднимается радугой в свете фонаря, не доходя до первого этажа. Днем город был живым, спешащим, голодным; теперь лежит в дремоте, поминутно просыпаясь от неосторожных движений в подворотнях. Город не может успокоиться и то и дело сливается в отражениях со светом проезжающих мимо автомобилей – город устал, но сон придет только под утро.

Твоя боль прошла мимо меня – лишь скользнула ветряным языком – или веткой? – по стеклу. Как будто ставнями закрыли окошко ларька на остановке, где, по словам ненадежных рассказчиков, продавали вкуснейшие пирожки.

Как будто раньше нехитрая выпечка всегда масляно, призывно сияла на витрине, а потом лавочку прикрыли, окошко заколотили, и все – нет ни жалости, ни сочувствия, ни запасного спасательного круга. А ты бьешься, бьешься, сверяешься с часами, но внутри никого нет – пусто.

Окна распахнуты, но все равно душно. О чем говорить, когда «то самое» растаяло, стало лужицей или пятном. «Из твоего окна была видна...» – буду я потом вспоминать, а, собственно, какая разница, что там было? Томь ли, Волга, магазины, обшарпанные пятиэтажки, часовня, синагога, мечеть? Разницы нет, осталась заноза; оторвавшись от конкретной улицы, та комната со светлым окном продолжает блуждать в памяти, приклеиваясь то к «сегодня», то к «завтра» и не оставляя в покое.

Мое окно другое. Я не закрываю его, и осенью птицы слетаются и ворошат пепельницу, а зимой снег лежит на полу неуместно, как будто в самом доме, зато воздух свеж. Я не хочу смотреть свысока на то, что было, – мне хочется, чтобы эта история никогда не заканчивалась тяжелой плитой с двумя датами. Наблюдая за гаснущим в полете окурком, я всегда вспоминаю человека, который случайно упал с крыши соседнего дома. Он забрался туда, чтобы посмотреть на город птицей, почувствовать себя живым от страха, а потом упал – и так всегда и бывает: просто был, просто не стало, кончился. Но думать об этом все равно что прикоснуться холодными руками к теплому телу, поэтому, проследив за смертью последней сигаретной искорки, я запускаю новую, и так мое окно можно опознать в темноте. Лишь иногда мигающая точка засветится подольше, замрет задумчиво и разразится слезами, упреками, текстами, а потом снова смолкнет, и ничего – так всегда и бывает.

Сколько их было, сколько их будет: в трещинках, косых, мертвенно-чистых и обитаемо мутных, свежих, светлых, темных – окон-глаз, мимо которых мы прошли и пройдем, или остановимся рядом в удивлении, присвоим памятью, покуда хватит сил. А мне и дальше – прежде форточки видеть гвозди, прежде сердца вспоминать вину.

Дыши легко.

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Твоя жизнь — это всего лишь история. Или — «аж» — аз — значит, и «есмь». Но нет, ты есть, пока я вижу тебя, и значит сейчас, как и тогда, Пётр ответит: «аз несмь». Кто пишет о тебе, кто слушает тебя? В ком тебе нравится своё отражение? «Да будет дорога твоя легка, да будет прям твой путь», — но не будет — нет, конечно, не будет: это был бы не ты. А ты ли перед моей мыслью — сейчас? А тогда ты ли был — всегда или именно в ту секунду, когда я?.. А вижу ли действительно? А тебя ли?

И сила трения не отменяет начала фразы, начала чувства, того прошлого, прошедшего, ушедшего, увядшего, но не забытого, но родного, но далёкого, но в памяти, в памяти... И сила тяготения сталкивает яблоко с тонкого края — и вместо него чуть-чуть страха, щепотка раскаяния, вечное сопряжение имен. Как ветру не гнать сухого листа, так и мне — не писать о тебе, не видеть нежного лба со знакомой бровной дугой, разбить лицо на части, забыть по очереди нос, губы, глаза, скулы, веки, зубы, сетчатку, ресницы, родинки, морщинки,

трещинки, улыбку, пятна, слезы, следы, твой дом, всё исчезает, время рассыпается, оставляя только память о неслучившемся.

Чувство становится открыткой, поселяется в бумажнике случайного прохожего, уезжает в другую жизнь, а с ней уезжаешь и ты, и память о тебе становится рукописью. Вам одобрена кредитная карта — да помилуйте, я и так в неоплатном долгу перед ним — перед тем, который... За которого... С которым... В котором... Вместо которого теперь зияющая пустота — на него упал метеорит, да, поэтому его нет, он позже перезвонит, обязательно перезвонит, и безгрешные утешатся. А метеориты летят прочь от земли, прочь, прочь летят... Летят...

***

Я лежу в палатке, и корявый корень впивается мне в спину. Если лечь на бок, начинает стрелять в ногу. Нос торчит из спальника – холодный. Не спится, хотя и не так тревожно, как дома.

За палаткой шумит река. Птиц здесь не слышно в принципе, а ночью особенно. Интересно, какие-то животные приходят ночью в лагерь на запах еды в потухшем костре? Это было бы как-то архетипично, что ли...

Рядом со мной лежит Человек. Спит. Мы знакомы почти четыре года, но, вглядываясь в его лицо, я понимаю, что совсем его не знаю. Я смотрю на него через особую призму своих чувств, и это всегда искажает объект восприятия настолько, что от него ничего не остаётся. У него восточные глаза, обгоревший нос и чуть впалые щеки. За неделю похода отросли глуповатые усы и красивая щетина; морщинки вокруг глаз заглубились, и весь он стал как-то старше. Говорят, когда люди долго живут вместе, они становятся похожи, но мы все такие же разные, как тем далеким летом, когда в городе шли теплые ночные дожди. Хотя иногда мне кажется, что, слишком внимательно всматриваясь в него, я сама растворилась и перестала существовать как нечто отдельное. Кто знает...

НАЧНИ С НАЧАЛА

Обрыв дымится сухим снегом, залив внизу морщится и недовольно рычит, но слабо, незлобно – шторма не ждем. Залезть сюда можно только на четвереньках: снег заледенел под ветром и превратился в скользкий наст, за камни тоже не ухватишься – везде лед, лед, белизна. Сияние. Отсюда видно маяк – небольшой и одинокий – ожидаемо.

Север будет помнить тебя чуть дольше, чем юг хотя бы потому, что твой след вмерзнет в песок и побережье сохранит его до весны. Потом в песке проснет жар, жажда, и все следы встанут теми людьми, которые их оставили, – то-то праздник начнется! Их смоеет не сразу, они повисят тенями над водой, повоюют даже, увидят закат и рассвет, а потом уйдут – вернутся ли к хозяевам, отправятся ли в океан, бездомные?..

Мир не создан для человека. Нужно идти против ветра, чтобы куда-то прийти, нужно отчаянно сопротивляться дрожи в утробе, чтобы вылезти, нужно бежать в тысячу раз быстрее, чтобы оставаться на месте. Миру – ветер, человеку – коробочка. Повезет, если из двух форзацев.

Мы спускаемся с горы, и ты что-то рассказываешь. В тебе – весь мир, потому что ты был повсюду, каждый пляж и каждая тропинка знают звук твоего шага. Путешественник не покоритель, а гость; повезло тем, кто смотрел в твои глаза и слышал твои истории.

Камни внизу долго кормились соленой водой и в конце концов обросли белесыми панцирями. На них не ступить, даже снег не решается их укрыть. Их называют яйцами драконов, но не округлая форма – причина такому названию, а человеческое желание встретить жизнь там, где ее нет, встретить родственность там, где есть только ветер, брызги и песок. Словом утвердить существование тех, кого больше нет или еще не было, – и здесь вычурность встречается с детской наивностью.

Твоя красота не северная: в тебе много жизни, которая льется наружу с каждым взглядом. В каждом слове – улыбка много чувствовавшего, но еще не усталого человека. Ты идешь упруго, потому что знаешь, что дорога есть и никуда не исчезнет, как надпись на открытке самому себе с другого конца света, опоздавшей настолько, что и не вспомнишь, что имел в виду, когда писал многозначительное бессмысленное послание.

Солнечный удар (?)

***

Всё в жизни должно быть осердечено.

Во всём должна сквозить простота принятия, нужности и вдохновляющего света. Я знаю, что завтра может всё измениться, но сегодня мне так приятно быть внутри моего чувства, ощущать телом подступающие слезы и протягивать наивные нити в далёкое пространство иных городов, мыслей, укладов повседневности.

Время искажается, не позволяя зафиксироваться хоть на каком-то моменте: прошлые дни слились в один бесконечный разговор, ноту моего высокого смеха и тонкое касание то ли рук, то ли самого пространства. Ощущение какого-то высокого полёта, почти забытое, но очень знакомое, осязается всем телом, которое то становится слишком лёгким, и мысли прижимаются ко лбу изнутри, грозясь пролиться слишком смелым взглядом, то тяжелеет устало, напоминая: в любом стремлении так много жажды обладания, что тебе придётся выплакивать её по каплям день за днём, чтобы сохранить себя в честности.

Вспомни, что некуда спешить: тебя дождутся и найдут, тебе надо просто быть, чтить свою самость, чтобы вовремя откликнуться на призыв, не расплескав и не испортив души по дороге.

...я больше не — я больше не — я больше не — я больше — всего, что может во мне родиться.

О РАССКАЗАХ КСЕНИИ ГУТОВОЙ

Проза Ксении Гutowой, скорее, жизнеутверждающая, и это утверждение силой поэтического слова. Слово здесь зрелое, зримое. Повышенное внимание к внутреннему состоянию не отвергает и не обедняет внешний мир, но «одухотворяет прикосновением», обогащает собственными мыслями и чувствами. Всё, чего касается взгляд автора, становится выпуклым, значимым, «осердеченным».

У автора нестандартный взгляд на вещи, редкое умение вслушиваться и всматриваться в частности и детали, запечатлевая сиюминутную картину и состояние души. Она стремится наделять чувством и сознанием всё вокруг, «встретить жизнь там, где её нет, встретить родственность там, где есть только ветер, брызги и песок».

Это помогает справиться с ежедневностью, с «несостоявшимися сюжетами, не встретившимися судьбами, несказанными словами», с «полувзглядами, полувздохами, полужизнями».

Рассказы написаны густо, изобретательно, афористично, у каждого свой особый стиль продиктованный выбранной темой. Он то фрагментированный, ассоциативный, то размеренный, живописный, с неторопливым вглядыванием в подробности, в лица. Удивительное для молодого автора знание деталей внешнего мира, умение наполнить его цветом, звуками, запахами. Это добротная, разнообразная и талантливая проза.

*Татьяна МЕЙКО,
член СП России.*

ПЕРВАЯ КАПЕЛЬ

В 2023 году детско-юношеской литературной студии «Первая капель» исполнилось двадцать лет. В юбилейном году библиотекарями Ниной Дмитриевной Ситниковой и Ивановой Анатольевной Дунец был издан сборник поэзии и прозы юных авторов литературного объединения.

Открытие детско-юношеской литературной студии «Первая капель» города Колпашево состоялось в 2003 году. Работой студии на момент её организации руководили член Союза писателей России Александр Николаевич Луговской и заместитель директора ЦБС города Колпашево Валентина Андреевна Калининкина. Поэтическое название детско-юношеского литературного объединения не случайно. Первая капель – это начало весны, первые подснежники и первые детские шаги в прозе и поэзии.

С сентября 2021 года, после скоропостижного ухода бессменного руководителя «Первой капели» на протяжении почти восемнадцати лет Валентины Андреевны Калининкиной, детско-юношескую литературную студию возглавила библиотекарь Иванна Анатольевна Дунец, поэт, эссеист, прозаик.

Литературный краеведческий проект выполняет задачу развития у ребят литературного вкуса. Занятия в студии проходят один-два раза в месяц на различные темы: и по поводу знаменательных литературных дат, и конечно, содержат профессиональную часть, где студийцы учатся писать стихотворения и прозу.

В настоящее время в объединение входят дети от 7 до 17 лет – талантливые поэты и прозаики города Колпашево. В 2021, 2022 и 2023 гг. детско-юношеская литературная студия «Первая капель» приняла участие более чем в десяти значимых конкурсах районного, областного, всероссийского и международного уровней, в которых юные таланты занимали достойные места, получая и признание коллег по перу, и заслуженные награды.

По итогам каждой встречи (занятия) литературной студии в СМИ и на сайте библиотеки публикуются статьи и очерки, содержащие краткое изложение событий, включая выполненные домашние задания участников литературной студии.

Одарённые представители детско-юношеской литературной студии «Первая капель» – Николь Беляева, Маргарита Гелашвили, Милана Гладких, Евгения Киреева, Арина Кузнецова, Екатерина Куртукова, Алёна Леухина, Степан Леухин, Ксения Рюнтю, Екатерина Тюнина, Вера Шаповалова и другие пишут стихотворения и малую прозу, удивляя и вдохновляя жителей города Колпашево своими произведениями.

МБУ «Библиотека» издало шесть сборников поэзии и прозы начинающих авторов «Первой капели»: «Первая капель представляет» (2008), «Вестник капельской орбиты» (2010), «Перекрёсток вдохновений» (2012), «Я бегу от строчки к строчке» (2015), «Моя взрослеющая Муза» (2022) и «Первая капель: стихотворения, проза» (2023).

Поздравляем «Первую капель» с днём рождения! Вдохновения и успешной творческой реализации желаем от всего сердца всем талантливым участникам!

*Иванна Дунец,
руководитель детско-юношеской
литературной студии «Первая капель».*

НИКОЛЬ БЕЛЯЕВА, 11 лет

ОТДУШИНА

На «Капель» я хожу,
И стихи я там пишу.
Это хобби для меня
И отдушина моя!
Стихи мне помогают
И душу раскрывают!
Я мысли собираю
И их в стихи слагаю!
Кому какая разница?
Мне-то это нравится!

ЛЮБЛЮ Я РОДИНУ МОЮ!

Давайте рисовать пейзаж!
Возьмём мы в руки карандаш:
Здесь побежали облака,
А ниже потекла река,
Справа – деревья, слева – дом,
Как же красиво смотрится он,
А из окошка смотрю я –
Прекрасна Родина моя!
К нам в гости бабушка идёт,
И пирожки с собой несёт,
Собака погнала кота, –
Смеётся Родина моя!
Картина солнцем залита!
Вдаль уплывают облака,
А я кричу, а я пою:
«Люблю я родину мою!».

ВИННИ-ПУХ

Мой любимый милый друг –
Медвежонок Винни-Пух!
Он весёлый и смешной,
Он подружится со мной!
Мёд он просто обожает,
Пчёлам гнезда разоряет,
От укусов весь опух
Мой любимый Винни-Пух.
Каждый день в лесу гуляет
И друзей своих встречает,
Любит он в гостях бывать
И все сладости съесть.

МАРГАРИТА ГЕЛАШВИЛИ, 17 лет

+++

Среди разрушений и пепла
Память живых слышна.
Мы помним, как Родина встала,
Когда прозвучало – ВОЙНА!

Бойцов героический подвиг,
Слёзы матерей их и жён
Огнём вписаны в вечность,
Он болью сердец их зажжён!

Пусть зазвучит слава
Тем, кто землю спас!
Потому что их право
На жизнь – отдано за нас!

ЕВГЕНИЯ КИРЕЕВА, 17 лет.**МАМИНЫ РУКИ**

Мамины руки пахнут молоком и вечностью. Они обнимают тебя со спины, губы шепчут слова: «Ничего не бойся, солнышко. Знай, я рядом». И вмиг тебе становится так тепло и легко, ты словно улетаешь в облака. Воскресное зимнее утро, канун Рождества. Тебе пять лет, ты безмятежно сладко спишь, заботли-

во укутанный мамой в одеяло. Солнечные лучи, словно играя, дразня тебя, пробиваются сквозь занавески. Ты лениво просыпаешься, сладко тянешься и лежишь, мечтая о чём-то.

Улетая в облака, ты паришь, но тебя спускает на землю, возвращает в реальность ласковый голос мамы:

– Просыпайся, солнышко. Доброе утро.

Ты бежишь умываться, а затем завтракать. По телевизору идут мультфильмы, и вот ты – самый счастливый ребёнок на земле, окружённый заботой, лаской и любовью самого дорогого человека – твоей мамы.

+++
Глупое сердце, не бейся,
Ты причиняешь мне боль.
Я бы хотела, как в детстве,
Сонный уют и покой.
Мне не хватает времени,
Что беззаботно прошло.
Ах, как мы все повзрослели,
Что не заметили... Стой!
Мы не заметили главное –
Жизнь проходит быстрее.
Ах, глупое сердце, не бейся,
Я не хочу быть взрослей.

ЕКАТЕРИНА КУРТУКОВА, 11 лет.

РОДИНА

Что значит РОДИНА МОЯ?
Это – свежая весна,
Это дом, где я живу,
Это яблоки в саду,
Моя любимая семья –
Мама, папа, брат и я.
Это город мне родной,
Он, конечно, не большой,
Но самый лучший для меня!
Буду я любить его всегда!
Нравится мне в парке прогуляться,
С друзьями там же повстречаться.
«Привет!» – сказать и улыбаться,
Хочу здесь НАВСЕГДА остаться!

БАБА-ЯГА

В одном лесу дремучем,
Средь ёлочек колючих
Стоит одна избушка,
А в ней живёт старушка.

Старушка в ступу села
И над лесом полетела
Мухоморы поискать,
Чтоб для зелья их собрать!

Гуси-лебеди, га-га,
Это... Бабушка-Яга!

АЛЁНА ЛЕУХИНА, 14 лет**АДЕЛАИДА РОЗЬЕ**

*Знаете ли вы, что после смерти
злые люди превращаются в камни?*

В прошлой жизни меня звали Аделаида Розье. С глубокого детства я мечтала стать балериной. Я ежедневно тренировалась в надежде, что однажды выйду на сцену и стану известной. Но каждая моя попытка взлететь оканчивалась виртуозным падением. И так лет до тридцати, пока надежд совсем не осталось. Жизнь моя напоминала мне круг, у которого нет ни начала, ни конца. А чтобы исполнить свою мечту, тебе нужно из него выбраться.

Ты стоишь внизу этого круга и пытаешься взобраться на самый верх, думая, что там и есть выход, но, упав в трёхсотый раз, осмотревшись по сторонам и начав здраво мыслить, понимаешь, что выхода нет и все твои проделанные старания были напрасны.

Остатки своей недолгой жизни я провела в не столько гордом, сколь печальном одиночестве. А смерть моя наступила от остановки сердца 6 июня 1923 года. Оно было слишком большим для этого маленького безжалостного мира.

Мне всегда было интересно, что будет после смерти. Оказалось, что люди, закончив свою земную жизнь, перерождаются в предметы, символизирующие их прошлое. Я стала циркулем.

Если хорошо подумать, то моя жизнь и вправду была похожа на него. Моим любимым движением в балете всегда было «фуэте», это когда одна нога стоит на полу, а другая отведена в сторону, и при всём этом человек вращает-

ся вокруг своей оси. И именно такое движение при своей работе выполняет циркуль.

Циркуль выписывает форму круга. Так я и ходила по кругу, получая самый лучший результат, какой только могла, вновь и вновь начиная сначала. Да и при жизни я сравнивала всё со мной происходящее с кругом. Я всегда считала циркуль бесполезным и никому не нужным предметом. Его покупают только школьники и студенты, да и то на несколько уроков математики, а потом за ненадобностью забывают и забрасывают в самый дальний угол письменного стола.

Но всё же в моей истории есть некий happy end, ведь всё могло быть намного хуже. Меня могли произвести в Китае, притом бракованной, и из-за этого меня никто бы не купил, а позже – выбросили бы на свалку, где я до конца своих дней валялась бы в грязи.

Но меня сделали целой и продали очень даже хорошему мальчику Антону. Он пользуется циркулем каждый месяц, и в то время, как он чертит круги в своей тетрадке или же альбоме, я закрываю глаза и представляю, как выступаю на балетной сцене с элементами «фуэте» – и это самое лучшее, чего я только могла пожелать.

Аделаида дописала этот печальный рассказ о своей жизни в личном дневнике, который на самом деле был скомканным кусочком шпаргалки, вздохнула и легла спать, прижавшись к остальной канцелярии Антона.

СТЕПАН ЛЕУХИН, 10 лет

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА ПОЛОСАТИКА

Жил-был котёнок, его звали Полосатик. И он любил лежать на травке. Этот котик очень любил гулять! Один раз он потерялся и его искали целый день. Оказывается, он уснул на травке. Полосатика занесли домой. Коты вообще спят больше половины своей жизни. Проснулся он уже дома и пошёл кушать. Когда Полосатик поел, он снова начал играть на улице и не заметил, как случайно вышел из-за ограды. Тут его увидела собака. Она побежала за ним со всех ног. Полосатик пролез через дырку в заборе и побежал домой. Котик был напуган, весь дрожал, но скоро успокоился. Наш герой, конечно, устал и завалился спать.

Полосатика разбудил какой-то шум. Это лаяла вчерашняя собака. Котик встал и пошёл к своему хозяину. Его взяли на руки, погладили, почесали за ушком, и он опять сладко уснул. Когда он проснулся, увидел деревянный домик, на нём было написано «домик Полосатика». Полосатику он понравился! И он начал играть там, ещё ему положили туда мягкую подушечку. Очень Полосатик любил спать и на коленях у хозяина, смотреть на ворон и считать их.

Один раз Полосатик засмотрелся на ворон, досчитал до ста, утомился и уснул не в своём домике, а прямо на улице около дома. Когда он проснулся, он уже лежал на своей подушечке. Видно, его принесли сюда заботливые хозяева. Пока они его ждали, эти добрые люди испекли торт из Вискаса. И всё это было

потому, что у Полосатика сегодня был день рождения! Ему исполнилось три месяца! А в качестве подарка он получил чудесный резиновый мячик. И ещё ему покрасили домик в полосочку. В его любимые цвета – белый и серый. В раскрашенном домике Полосатику очень понравилось! И он начал ещё больше любить своё маленькое жильё. И кажется, что Полосатику ужасно понравился торт из Вискаса. Потому что он вылизал всю свою тарелочку дочиста!

Как-то Полосатика выпустили на улицу поиграть с его мячиком. Он и не заметил, как вновь вышел из ограды.

– Гав! – раздалось над его ухом.

Он очень сильно испугался и подпрыгнул.

– Я погиб! – подумал котёнок.

– Давай дружить! – пролаяла собака.

Так они и познакомились. Кстати, собаку звали Белый, потому что шерсть его была белая-пребелая. И они начали вместе играть в мяч! Потом Полосатика позвали хозяева, забрав домой. Когда на следующий день котик вышел на улицу, там никого не было, хотя они с Белым договорились встретиться. Оказывается, Белый уехал с хозяевами в деревню на целых семь дней. На целую неделю...

Полосатику казалось, что неделя – это очень много. Потому что ему было всего три месяца и две недели, и недельный срок ему показался огромным. Полосатик загрустил и захотел поиграть в мяч, но оказалось, что Белый ещё и случайно взял его мячик с собой в деревню. И Полосатик загрустил ещё больше! Он целый день думал об этом, ни о чём больше думать он не мог. Закрывал глаза и представлял свой зелёный мячик. Открывал глаза и тяжело вздыхал...

КСЕНИЯ РЮНТЮ, 13 лет

ГОСТИ С ЧЕРДАКА

После школы Соня отправилась домой, потому что по телевизору показывали её любимую передачу. По приходе домой она быстро переоделась и села перед телевизором. Передача уже началась, как вдруг телевизор выключился. Она не очень удивилась – на улице был сильный ветер.

Соня вспомнила об антенне, которая была внутри чердака, и выбежала на веранду, как вдруг с чердака донёсся скрежет. Соне стало не по себе.

Она уже передумала идти туда, но любопытство взяло верх. Соня поднялась по лестнице и перед тем, как открыть дверь, зажмурилась. И тут девочка отчётливо услышала: «У-ху».

Открыв глаза, Соня увидела семью сов, которая сидела на антенне внутри чердака. Совиная семья как-то смешно и одновременно мрачно смотрела на неё. Соня уже собралась подойти к совам поближе, как неожиданно они улетели в открытую форточку.

Девочка недовольно фыркнула, потому что хотела рассмотреть их поближе. Ну а когда Соня вернулась домой, телевизор работал, но, к сожалению, любимая передача уже закончилась.

ЕКАТЕРИНА ТЮНИНА, 13 лет

+++

Зима в России сурова и смертоносна.
Зима. В снега укутались сосны,
Солнце укрылось за седыми облаками.
Здесь зима была, есть и будет веками.

Зима. На лужайке среди соснового бора
Кто-то стоит одиноко, стан её высокий и гордый –
Девушка в старенькой шубе,
Черты её лица прекрасны, но грубы.

Стоит одиноко с прямой спиною,
Напряжена... она рождена здесь матерью-тайгой.
Девушка вдаль смотрит жестоко и властно,
Никогда не была знакома с любовью и лаской.

На лице её шрамы – память о сражениях,
В ней, как в книге, читаемо движение.
Считается, что девушки нежны и хрупки,
Но посмотри на её мужественные руки!

Также хрупка она? В чём её сила?
Отчего эта девушка так горделива?
Откуда шрамы и зачем стоит среди леса?
Кто она и чем она грезит?

Ей имя РОССИЯ.

ВЕРА ШАПОВАЛОВА, 11 лет**МОЯ МАЛАЯ РОДИНА**

Иду по тропе, знакомой мне с детства
(От детства, друзья, никуда нам не деться).
Всё время я пробыла только тут,
И пускай в новое место меня позовут,
Поеду я на день, на два или три,
Но больше уже без родимой земли
Мне не прожить. Я не смогу –

Улечу, уеду я, домой убегу...
Мне Родины нету милее, и точка!
Тут будут ходить мой сын, моя дочка,
Тут рос мой отец, тут росла моя мать,
Мне места получше нигде не сыскать!
Тут небо какое-то... не голубое,
А лазурное, всё в облаках расписное.
И в чём же этого места секрет? –
Вы спросите, ожидая ответ.
Да нет тут секрета! – отвечу вам я.
У каждого Родина малая – своя!

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Если ты стоишь у шкафа,
И случайно ты свободна,
Подходи скорее к шкафу
И ныряй быстрее туда!
Море шкафа не солёно,
Почему-то и не пресно,
Я уверен, интересно
Будет плаваться вам там!
Между платьев и футболок,
Мимо шорт или штанов.
Я надеюсь, не заметит
Мама складочку на них!

ФАНТАЗИЯ ПОЭТА

А. С. Пушкину

Вокруг так скучно и уныло...
Но вдруг идея родилась!
Возьмёт перо он и чернила
И начинает сочинять.
Балет пера, брызги чернила,
Листок весь в кляксах и словах,
Это родно ему и мило –
Так он летает в небесах!
Там лунный свет дорогу чертит,
И пламенем свеча горит,
Балда там есть, и бродят черти,
Царица-лебедь вдаль летит...

Его фантазиям нет конца!
Не спорю, мир в стихах прекрасен.
Они – сказания мудреца,
В них смысл жизни станет ясен!

СУББОТНИЕ ТАВТОГРАММЫ

В литературном клубе «Автограф», который собирается по субботам, прошёл вечер шуточных рассказов, где все слова начинаются на одну букву, иначе говоря, тавтограмм. Автографцы, играющие впервые в такую литературную игру, проявили себя как настоящие мастера Слова. Действительно, наш клуб, объединяющий писателей, поэтов и читателей, словно создан для таких вечеров.

Историю из жизни писателя Прохора Петровича Переделкина рассказала Елена Клименко.

Замечательный рассказ на букву «Н» о многотрудной работе учительницы немецкого языка предложила вниманию собравшихся Надежда Соломатова.

О Чебышеве была история Владимира Безходарнова.

Чудесный детектив получился у Елены Синявской.

Свои хорошие рассказы прочли и Александр Пушкив, и Нина Васильева.

Ольга НИКИЕНКО, руководитель клуба «Автограф» при областной библиотеке имени Пушкина

Владимир БЕЗХОДАРНОВ

ЧЕБЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Чебышев – человек честнейший, чудаковатый чуть-чуть, чрезвычайно чтимый, часто чествуемый членами чего-то чересчур чуждого, чужестранного. Частенько часами чахнет: чернокнижников читает что-либо, чертит числа чередой чёткою, чудные чёрточки частоколит – чисто чародействует черепными чакрами, чинно чешет чернявый чубчик чела чебышевского, чудило. Чертычнётся чуток, чин-чинарём чихвостит чевой-то чопорно. Часа через четыре чекалдыкнет четвертинку чарочки (чудесной черносливянки черемшановой), чихнёт чертяка: чувствительно, чем-то чадным, чесночным. Часок-другой чернилами чёрными черновик чухонит, чудодействует, челюстями чавкает, чмокает. Чифирнёт чашкой чая чрезмерною – чумеет, чирИкает что-то чревовещательно, что чокнутый. «Чёрт! – чвакнет членораздельно. – Чую: чушь честная, чепуха чухонская, а не многочлен Чебышева».

Татьяна КАЗИНА

Lieber Lieber Lieber
Люба Люба Любовь
Люба любит Лёву
Лёва любит Люсю

Люся легко лепит лаваш
И любит Лёву

Люба любит Лёву
Ласковая Любушка
Ласка. Ласочка. Лисичка.
Люба Люба Любовь...
Любава лебёдушка
лапочка ласточка
Любит ласкает любого:
Люмпена и лорда.
Либерала и левого.
Люмпен лыбится.
Лорд лысеет.
Либерал лжёт. Лукавит.
Левый левеет и левеет.
Либерал лорд и левый
льют ликёр Любе за лифчик...

Люди! Любите лучше Лопе де Вега,
Лескова, Луначарского, Лермонтова, Лебедева-Кумача!
Любуйтесь Левитаном, Леонардо, Леже!

Елена КЛИМЕНКО

ПРОГУЛКА ПИСАТЕЛЯ

Прохор Петрович Переделкин проснулся поздно, появился последним, поддатым, подшофе. Помялся, поручкался, поругался. Поэт! Получил письмо. Попаровозил папирасой. Пожевал попкорн, пончики, повидло, печенье. Полез проверить популярность по премии... Подсчитал. Полный профиль попрёков, подписок – парк параллельной пакости. «Припомню после», – подумал... Перегар почтения пережит. Произошла перекличка. Повестка, перепалки... Позор! Посредственность... Пошлость полезна. Попишу парадоксы! Попробую. Пример: Простоволосая Прасковья пошевелилась. Пузо повело. Поздно переживать! Пора появиться первенцу Петрухе...

Писатели препирались: передовицы... Посевная... Причины перестройки... Полнолуние... Провинция... Пожарище подколок пожрал поджарый Прохор. Переживал понемногу... Противостояние! Пороховницы полны поговорок, поговорок. Пора писателем прибыть под пересуды. Пора перепеть перепёлку. Пусть покроется потом прозаик пресловутый почётный! Полдень! Птица парила, пыльюю поля покрывая. Помедленнее, песня! Печально пульсировала планета...

Прохор побежал перелесками. Портки Прохора прохудились, покрылись пылью. Почки почти пусты. Простая прогулка: писательская, почта, путепро-

вод, пустырь. Повсюду пустотелая полифония. Просится пенальти! Пустой пупок. Прочь! Пусть прозвучит пианино! Пастораль перекрёстка. Потеха! Приснилось поутру: «Проклятый потолок», – проскрипел попугай Пьеро... Пододеяльник помялся... Песок понабился прочно. Парус поднялся, полный победных приветов... Прикольно! Пожалуй, пойдёт! – подбодрился Прохор и продолжил писать.

Похолодало. Петрович проникся постепенно понятной пользой прозы. Похотливой походкой профланировал по переходу. Прохожий Прохору поздно пропел: «Привет!» Петрович посилено пёр перловку. Патологическая практичность! Поплёвывал, понимая: переживал понапрасну. Повесть почти переписана, полновесная половина. Победа! Поймут! Предстоит получение премии, переезд. Полезное празднество, полёт птеродактиля, пол-литра пустырника – простые пути поэтической прозы. Подарок путешествующим. Погнали!

Ольга КОМАРОВА

Одиноко Осине. Одежда облетела. Онучи обгрызли ондатры. Обмельчавшие опята обнаглели – облепили, окружили, оглушили, обложили! Ох! Облака охмурели. Озеро отоцало. Ох, одиноко осине осенью!

Людмила ПЕТРОЧЕНКО

СОРОКИНЫ СОВЕТЫ

Сорока служила соглядатаем.

Соглядатай – служба сомнительная, считают сограждане.

Свинья съела свёклу соседа. Сосед с собутыльником съел свинью. Сало складировал, спрятал...

Сорока сделала срочное сообщение!

Суслик съел стебли спаржи.

Спаржа – самое серьёзное сейчас сокровище селений. Скупают спаржу, суставы спасающую, сограждане сумками.

Сорока сразу сообщила свои соображения, связанные со спаржей, с салом.

Спаржа – средство съедобное, слабо сытное.

Сало – средство судьбоносное, смазывающее социальные связи.

Сало следует скармливать соотечественникам.

Сало спасает сообщество своей силой сытности.

Соображения сороки суд счёл стоящими, существенными, солидными...

Суслику, съевшему сокровище селений, сейчас сулят смертный саван.

Соседу с собутыльником смягчило срок спрятанное САЛО.

Секреты силы сала следует суммировать, связи сала с сообществом стойко сохранять!

Елена СИНЯВСКАЯ

СОСНА

Саша свалил сосну. Стал спиливать сучья. «Славно! Ствол свезу столяру. Сделает скамью, стул, стол», – смекнул Саша.

Старый садовник соседа сфотографировал сваленную сосну смартфоном. Смеркалось.

Саша ступал степенно, с сомнением слушая свою совесть.

Седой следователь сидел с северной стороны Сашиного сарая. «Сушите сухари, Сучков!», – сказал следователь. Саша судорожно соображал: «Сосед, сволочь, сдал».

«Собери сухари», – сухо сказал Саша супруге. «Сколько?» – спросила Света. «Сто сорок семь», – сказал следователь Сергеев. «Серьёзно?» – спросила Света. «Сто сорок семь суток – срок», – строго сказал Сергеев. «Строгого?» – спросил Сучков. «Само собой», – сказал следователь. – «Собирайтесь».

Сосны, словно солдаты, стояли строем, смотрели: старший сержант сопровождал Сашу Сучкова с сумкой сухарей. Страшно скрипели стволы, сосны сострадали своей столетней сестре, смиренно стоявшей среди своих сородичей столетие. Скупые смолистые слёзы сползали со стволов.

Сбылось: скамья, стул, стол... Сто сорок семь суток Сучкову снился стон старых сосен.

Надежда СОЛОМАТОВА

Наивная, неопытная Надежда Н. наскоком напролом намеревалась научить нулевых несмышлёнышей немислимым наворотам немецкого новояза. Нереально! Несбыточно! Неугомонная Надежда неустанно навязывала нерадивым неучам новые научные находки. Насмарку! Непрестанно наталкиваясь на непонимание непоседливых Незнаек, невинных несчастных Неумеек, невезучих неуклюжих новичков, напыщенных Нарциссов, нескромных Наполеонов, неговорчивых нахалов, новоявленных нуворишей, настырных непослушных нигилистов, недружественных нам низвергателей наших норм, неучтивых нехристей, неуживчивых нибелунгов, недоумевала: «Наручники, намордники не наденешь. Наотмашь нельзя».

Несправедливые нарекания начальства, необоснованные нападки, невообразимые наскоки, неуместные нарекания, нескончаемые недоразумения, непостижимые наветы настораживали, наводили на непримиримость. Необразованный народ наслаждался настоящим, ненавидел нежные наставления, назойливые нотации, нескончаемые нравоучения, недооценивал настойчивые напоминания, неотвратимые наказания, непременные нештатные нахлобучки. Напропалую, нарочито небрежно, невпопад, невразумительно нёс несусветные небылицы, неадекватный нонсенс. Незамысловатые наскальные

надписи необычайно непонятливых неандертальцев накаляли нарастающее недовольство. Непереводимая нумерология! Неразбериха! Невмоготу! Но нарываться на неприятности накладно! Негативное настроение неэффективно!

Насмотрелась, намаялась, наплакалась ночи напролёт, набегалась, намыкалась, нахлебалась, натерпелась! Непосильная ноша! Непомерные нагрузки! Надоело! Нокдаун! Не нужны неприязнь, неприятности, недомогания, неврастения, ностальгия. Неуместны нюни, нытьё. На накатанном недолго работаешь. Надо найти новые нормативы. Не научить насильно нежелающего неспособного. Неужели никак нельзя?

Негаданно-нежданно нашло наваждение. Начитавшись Норбекова, Но-страдамуса, неопедагогов, на негнущихся ногах наперекор невзгодам, негативным наблюдениям, назло недотёпам, неопознанным насекомым ноздрями навыворот начинаем набело, наизнанку, ненавязчиво, но нордически, наизусть, нараспев, наглядно, навзрыд наполнять нашу нишу новшествами ноосферы. Наведём навигатор на нужное направление. Небеса необъятные, населённые не нечистью, но наивысшими неземными небожителями, нам навстречу строят нирвану. Нескончаемы, неисчерпаемы необозримы недра непознанного. Неутомимо навстречу наитиям! Нелегко, но надо! Неустанно, настойчиво, неусыпно, наперегонки!

Алексей НАЗАРОВ**ПАРОДИИ****КУСТ МАЛИНЫ**

*Я ела малину с куста.
Малина была непроста.
Малина манила, горчила.
Шершава была, как горилла.
Но зрела, бурлила горнилом.
Крапива в малине царила.
Жучками-клопами дарила.
Ворона глядела с шеста.
Ворона была непроста –
Из полихлоридавинила.*

Елена Клименко

Малины загадочный куст.
Я кушаю. Слышится хруст:
Зубами клопа раздавила.
Оттуда – струя фентанила.
Ворона сидит на шесте.
Сидят воронята в гнезде.
Все – из полиформальдегида.
Малина – какая обида! –
Из поливинилахлорида
(Трёхбуквенно, из ПВХ).
В малине кусты лопуха,
Который из тарпаулина.
Горька и шершава малина.
На ощупь как будто горилла.
Мой рот от неё – как горнило.
Малина, зачем ты манила,
Настойчиво в гости звала?
Сначала немного винила,
Потом я тебя извинила.
Крапива в малине не жгла,
Поскольку была из винила.

ЗАКУСОЧНЫЙ МАТ

*Переступая через нас,
Как через детские игрушки,
Пройдёт зима, в который раз
Не поздоровавшись, по-русски.
И вот площадка нам тесна,
Как птицам тесно меж домами.
Махнём с приятелем вина,
Мат пережёвывая ртами.*

Денис Попов

Журнал «Сибирские огни», № 7, 2022

Мы с другом выпили за жись,
Вначале выпимши с устатку.
Затем уже перебрались
На межквартирную площадку.

Стоит на улице зима,
Тьма за шершавою стеною.
Произношу: «Пожрать нема.
Сгоняй, приятель, за жратвою!».

Ответил матом старый друг,
Словоохотливый мужчина.
Я тоже выкрикнул матюк
Длиною в путь до магазина.

Мы дальше снова пьём вино
Неутолимыми глотками
И сквернословие одно
Жуём некормленными ртами.

Переступая через нас,
Как через детские игрушки,
Идёт домой рабочий класс,
Шагают юноши, подружки...

Лежим с товарищем вдвоём
И крепко спим, храпя натужно,
По горло сыты матюгом.
Закуски нам уже не нужно.

Сергей БАРАНОВ
(Сергей Сергеевич АХМЕТОВ)

Родился в 1988 году в Алматы. Образование: экономика, журналистика. Учился в КИМЭП (Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования) и КазНУ (Казахский Национальный университет им. аль-Фараби). Предприниматель.

Публиковался в журналах и альманахах «Дактиль» (Казахстан), «Сибирские огни», «Автограф», «Царицын», «День и ночь», «Unzensiert» (Германия), в сборнике «Карта памяти: современная историческая литература». Автор исторического романа «На южных рубежах».

Живёт в городе Алматы, Республика Казахстан.

Эльвира Максимовна
ЗАВЬЯЛОВА

Родилась в Сталинграде. Училась в Пензенском художественном училище (1958–1963), в 1968 окончила государственный художественный институт им. В. И. Сурикова (мастерская народного художника СССР Д. К. Мочальского), после окончания которого по распределению приехала в Томск. В 1970 принята в члены Союза художников СССР. С 1968 участвовала в городских, областных выставках, а также республиканских (1971, 1975, 1979, 1980), Всесоюзной (1973). Её работы экспонировались на выставках в Германии, Чехии, Финляндии.

В 1979 году переехала в Волгоград. Продолжает активно выставлять произведения как член Волгоградского отделения Союза художников.

Никита Владимирович
ЗОНОВ

Родился в 1968 году в Томске. Учился в Томском государственном университете на физическом и философском факультетах. Работал на руководящих должностях на томских промышленных предприятиях. Печатался в различных советских и российских литературных сборниках. Публикации 2000-х годов в журналах «Сибирские огни» и «Начало века».

Живёт в Томске.

Галина Ивановна
КЛИМОВСКАЯ

Родилась в Сталинске (ныне Новокузнецк). Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Доктор филологических наук. Труды по социолингвистике, стилистике художественной речи, синлексике русского языка. Автор учебных пособий по старославянскому языку и современной русской орфографии.

Автор поэтических книг и сборника избранных стихотворений «На том берегу» (2019). Автор повестей «Синий дым Китая», «Онка», «На Всесторонней», «Согра», «Уфо», «Петербургские этюды» и других.

Живёт в Томске.

Ольга Михайловна
КОРТУСОВА

Родилась в 1958 году в Томске. Окончила факультет прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета.

Печаталась в различных литературных альманахах. Автор поэтических книг: «Приглашение» (1999), «Книга

АВТОРЫ НОМЕРА

для птиц и людей» (2007), «Простая песня» (2010), «Новорождённая душа» (2013), «Ясынька» (2015), «Когда уходит снег во тьму» (2017) и других.

Лауреат Губернаторской литературной премии 2021 года в номинации «Поэзия» за книгу «Платье для улитки». Постоянный автор журнала «Начало века».

Член Союза российских писателей.
Живёт в Томске.

Владимир Михайлович КРЮКОВ

Родился в 1949 г. в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы «Мальчик и другие истории», «Промежуток», книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Печатался в столичных и региональных журналах, в русскоязычных альманахах Германии «Пилигрим» и «Эдита». В переводе на польский (альманах «Aspekty», 2009, 2013) напечатаны подборка стихотворений и эссе о поэзии.

Стихи вошли в антологию «Пламень. Современная русская поэзия» (Москва, 2009).

Член Союза российских писателей.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

Сергей Александрович КУКЛИН

Родился в Томске в 1959 году. Окончил Томский политехнический институт, геологоразведочный факультет. Работал инженером-геологом

в Казахстане, в Красноярском крае, Томской области, в Ханты-Мансийском АО. В настоящее время ведущий геолог в изыскательской организации. Рассказы и повести печатались в томских журналах и альманахах, в журнале «Сибирские огни». Автор двух книг прозы. Член Союза российских писателей.

Живёт в Томске.

Владимир Николаевич МИСЮК

Родился в 1959 году в Ставрополе-на-Волге (ныне г. Тольятти). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор десяти книг стихотворений, вышедших в Тольятти, Москве, Омске. Стихи публиковались на страницах всероссийских еженедельников «Литературная газета», «Литературная Россия», «Российский писатель», в альманахах «День поэзии», «Мурманский берег», «Провинциальная лира», «Ямская слобода», «Паровоз», «Лёд и пламень»; коллективных сборниках «Мы из Тольятти», «Дебют», «Поэзия третьего тысячелетия», «Душа прикоснулась к душе», «Время Русь собирать»; в журналах «Смена», «Юность», «Южная звезда», «Город», «Луч», «Под часами», «Новый журнал»; антологиях «Лед и Пламень» (2009), «Поэзия XXI века» (2010) и др. Живёт в Тольятти.

Алексей Николаевич НАЗАРОВ

Родился 15 октября 1965 года в селе Томилово Мошковского района Новосибирской области. После службы в армии окончил Алтайский государственный институт культуры

(1987–1992). В настоящее время работает преподавателем ДШИ по классу баяна. Его стихи печатают в местной газете «Мошковская новь», регулярно в культурно-просветительской газете «Спешу домой», в сборниках творчества поэтов Мошковского района. В 2015 году вышел сборник стихов и пародий «Облако над роццей», в 2021 году – сборник стихов и песен «Небо и земля».

В 2020 году внесён в Золотую книгу культуры Новосибирской области (номинация «Художник музыки и слова»).

Живёт в рабочем посёлке Мошково.

**Андрей Гельевич
Попов**

Родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», Всероссийской Арктической литературной премии имени В. С. Маслова. Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России.

Живёт в Сыктывкаре.

**Дмитрий Александрович
Филиппенко**

Родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса»,

«Наш современник», «Юность», «Берега» (Калининград), «Плавучий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Енисей» (Красноярск), и других изданиях.

Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор шести книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России.

Живёт в Ленинске-Кузнецком.

**Максим Викторович
Черняев**

Родился в 1976 году в посёлке Комсомольск Томской области. После окончания средней школы в 1993 году поступил в Томский государственный университет на специальность «лесное хозяйство». Там же окончил аспирантуру, преподавал спецпредметы. Работал в лесном хозяйстве на инженерных и руководящих должностях. Занимался бизнесом. Стихотворения публиковались в газетах и коллективных сборниках, в журнале «Начало века» (№ 2, 2021).

Живёт в Томске.

Ирина Чуднова

Родилась в Ростове-на-Дону. В 1993 году уехала в Китай, где и живёт в настоящее время. Работает в китайском государственном издательстве Sinolingua (Пекин). Автор стихов и короткой прозы, переводчик. Основатель международного литературного сообщества любителей русской словесно-

сти «Вторая Среда» (Китай). Лауреат премии «Двенадцать» (2019). Финалист премии «Майпрайз» (2019), Есенинской премии и премии «Наследие» (2019). Автор книги стихотворений. Стихи переводились на польский язык.

Напечатала в типографии ТПУ воспоминания «Тягун в моём детстве», «Томск, ТПИ, ГРФ в моей молодости», «БАМ. Как молоды мы были» Публикуемые фрагменты взяты из этой книги. Живёт в Томске.

**Леонид Николаевич
ШЕЛУДЬКО**

Родился 16 декабря 1952 года в посёлке Черновские Копи, шахтёрском пригороде Читы. В 1975 году окончил Томский политехнический институт, получив диплом горного инженера-механика. Работал механиком на гигантских угольных разрезах Экибастуза. Вскоре после развала СССР вернулся в родное Забайкалье, а в 2004 году состоялось и возвращение в город студенческой юности Томск.

Публикации в литературных журналах «Простор», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века» и других. Стихи вошли в «Антологию русской сибирской поэзии. XX век». Автор книг стихов «Дорога через осень», «Бумажный голубь», «Рыжий» и других. Член Союза писателей России.

Живёт в Санкт-Петербурге.

**Валентина Петровна
ШИНКАРЕНКО (девичья фамилия
Борисова)**

Родилась в 1950 году в селе Повалиха Алтайского края. Окончила школу в посёлке Тягун Алтайского края. В 1969 году поступила в Томский политехнический институт на геологоразведочный факультет. Работала в Томгипротрансе, Томской геологической экспедиции, в Томскгеомониторинге.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В.Крюков

Технический редактор

А. Кузнецов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: skar50@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2023 г.

Формат 70x108^{1/16}. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 10.09.2023 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,

г. Томск, ул. Пушкина, 40/1